3
2018

АРТ ЛАД

12+

Журнал «Арт»

АРТ ЛАД

6+

Содержание

Слово редактора 3

Время романтиков

«Молодёжь о...» *Опрос В. Куриленко* 6
П. Артемьев. Юность Ивана Куратова 24
М. Дронов. Время романтиков 35
Николай Цхадая: командир от первого лица. *Интервью М. Дронова* 43
Гио ПиКа: «Субкультурная музыка – это в целом уличный посыл, и разделять её не стоит». *Интервью А. Фетисова* 55
А. Фролов. «Полосатые мосты» авторской песни 62
Л. Камбалова. Живая музыка над Вычегдой 67
А. Шебырев. «Зумыд Ош» да «Ва берд» 70

Проза & поэзия молодых

«Рождается блюз...» *Стихотворения* 73
В. Захаревич. Истории города Орбита 89
О. Баженова. «Хельсинкаса асыв». *Кывбуръяс* 117
Н. Шукюрова. Что случилось с Генкой. *Рассказ* 123

"Ы"

«Тусьӧн-тусьӧн...» *Кывбуръяс* 139
«Шондіӧн серӧдӧм парма». *Висьтъяс, кывбуръяс* 152

Арт-факт

Врата Биармии. *Интервью с В. Дониченко* 158
Пера и водяной. *Этнокомикс. Выпуск 2* 173
А. Разманова. «Клюква. Нить» 188

Сыктывкар, 2018

АРТ ЛАД

Республиканский литературно- публицистический, историко- культурологический, художественный журнал

Республикаса литература, публицистика, история, культурология да художественнӧй журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке Администрации Главы Республики Коми.

Журнал издан при поддержке Министерства национальной политики Республики Коми.

Учредители (соучредители):
Администрация Главы Республики Коми, Министерство национальной политики Республики Коми, МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.
Главный редактор – Павел Лимеров.
Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.
Редактор – Татьяна Логинова.
Художественный редактор – Юрий Лисовский.
Корректор – Алёна Шомысова.
Редактор отдела производства – Анастасия Габова.

100 ЛЕТ ЖУРНАЛИСТИКЕ Республики Коми

ГОД КУЛЬТУРЫ в Республике Коми 2018

Журнал «Арт»
Зарегистрировано Управлением Роскомнадзора по Республике Коми. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (84) 2018 г.

Дата выхода в свет: 17.09.2018.
Руководитель редакции:
Новикова Н.М.
Главный редактор:
Лимеров П.Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки и заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:
167982, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с электронных носителей заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Подписано к печати по графику – 07.09.18. Фактически – 07.09.18. Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Павел Лимеров

Главный редактор
журнала «Арт»

Об этом номере

Замысел этого номера родился давно. Помню, ещё в начале 2000-х мы собирали в специальную отдельную папку материалы, созданные молодыми творческими людьми. Папка постепенно наполнилась так, что перестала закрываться, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что большая часть этих материалов в журнал не годится – по разным причинам. Главная же в том, что в юности все пишут стихи, но поэты, слава Богу, редкость. Тот молодёжный номер не состоялся, и идея была вроде бы напрочь похоронена. Лично мне всегда казалось, что если молодой человек талантлив, то он с успехом может влиться и в обычный номер журнала, разве что с пометкой «дебют».

Потом была идея молодёжной редакции журнала, которая собирала бы свой, параллельный журнал. Но и из этого ничего не вышло. Этот номер – всё-таки молодёжный, но он другой по замыслу. Не буду оригинальным, если скажу, что каждое поколение проживает свою молодость или, лучше, свой вариант молодости: со своими представлениями о мире, своими субкультурами, атрибутикой, песнями, музыкой и прочим, и прочим, и прочим. Пушкинская «телега жизни» мчится ой как лихо, и вскоре весь этот радостный, вольный мир молодости остаётся где-то за поворотом, а другое поколение живёт уже в совершенно другом мире. И вот захотелось поставить эти миры рядом, посмотреть, так ли сильно отличаются они друг от друга. Спасибо Министерству национальной политики за оказанную материальную и моральную поддержку, и вот уже свёрстан номер.

Первый раздел номера – «Время романтиков» – назван по статье М. Дронова о первых стройотрядах. Но молодёжь – это всегда «Время романтиков», иначе это и не молодость вовсе. Время прагматиков наступает позже.

Номер начинается блиц-опросом «Молодёжь о...», который провела для журнала молодая журналистка Вика Куриленко. Был задан ряд вопросов на разные темы,

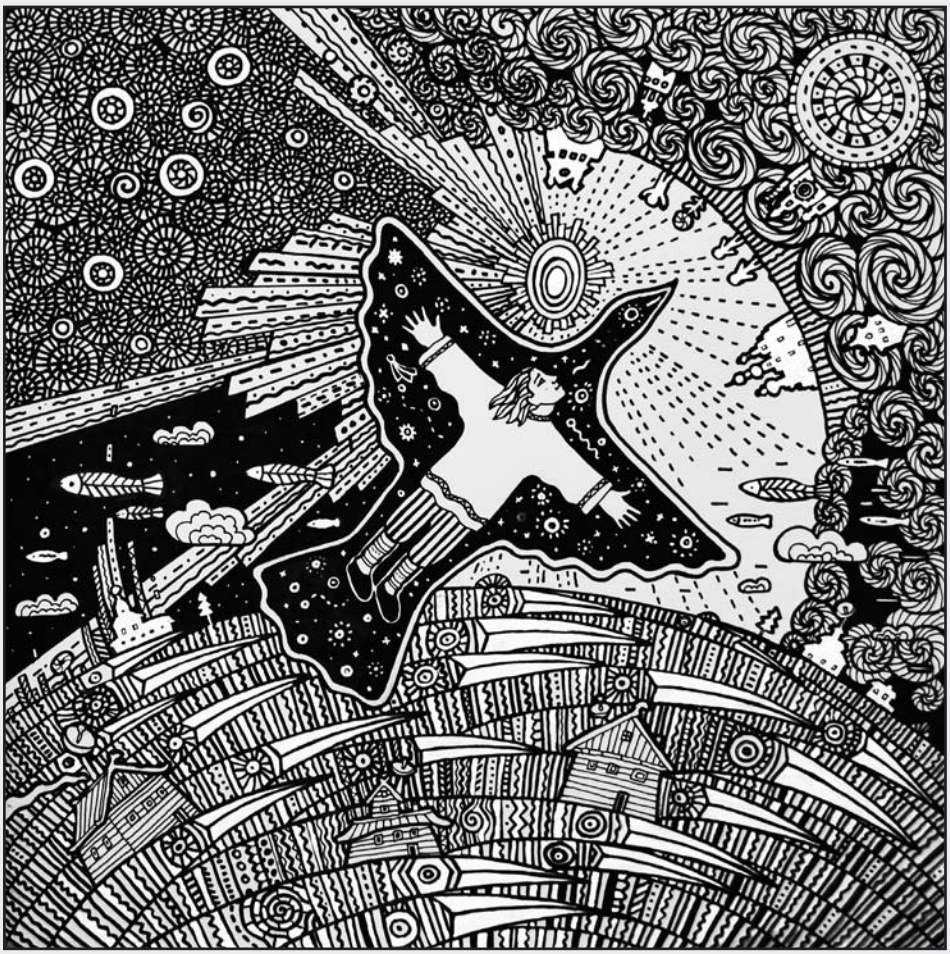
на которые отвечали нынешние молодые люди. Статья Павла Артемьева – о юности первого коми поэта Ивана Куратова. Рождённый в духовном сословии, он учился не в гимназии, а в вологодской семинарии. Вместе с юным поэтом мы войдём в провинциальную Вологду XIX века и проучимся первый год в классе риторики. Через сотню с лишним лет после Куратова появятся первые студенческие строительные отряды. О том, каким было это молодёжное движение и почему оно было возможно, – статья Михаила Дронова, бывшего стройотрядовского комиссара и, кстати, создателя уникального музея стройотрядов в Сыктывкаре. Далее – интервью с бывшим командиром стройотряда Николаем Цхадая, перешагнувшим из молодёжной строительной бригады в ректорское кресло.

Молодость всегда ассоциируется с новыми формами музыки. Авторская песня начиналась в 1960-е годы, расцвет пришёлся на середину-конец 1980-х, но её формы сохранились и в современной молодёжной культуре. Алексей Фролов, современный бард, рассказывает о сыктывкарском клубе авторской песни «Зебра». Разновидностью авторской песни или, возможно, современным её прочтением в наше время становится рэп. Интервью с сыктывкарским рэп-исполнителем Гио Пика представляет журналист А. Фетисов. Рэп – одно из направлений в музыке, но вот в с. Помоздино Усть-Куломского района уже несколько лет проходит музыкальный фестиваль «Ва берд» (Поверхность воды), собирающий музыкантов разных направлений. Здесь и авторская песня, фольклор и рок, поют на коми и русском, можно и на любом другом – приезжал исполнитель из Марий Эл. Неизменным успехом зрителей и слушателей пользуется рок-группа «Борд» (Крыло), песни которой по праву можно назвать хитами.

В литературный раздел журнала также вошли произведения молодых авторов. Некоторые из них уже печатались в разных республиканских изданиях, другие – только дебютируют. Виктория Науменко, Наталия Катрук, Татьяна Ярышкина, Екатерина Цуммер, Андрей Кортелев, Мария Игонина, Максим Лютых, Ольга Кориэлл, Владислав Сушков – вот имена новых избранников капризной Музы. Проза представлена рассказами Вячеслава Захаревича и Надежды Шукюровой. Если проза первого – суровая готика в духе Лавкрафта, то рассказ Надежды сурово реалистичен, в стиле «натуральной школы» Белинского.

Арт-факт в этом номере посвящён арт-проекту «Врата Биармии», разработанному студентами Сыктывкарского университета. Это сложная игра по мотивам коми фольклорных легенд, замечательно проиллюстрированная молодым художником Тамарой Третьяковой. Порадует читателя журнала и комикс о коми богатыре Пере, созданный писателем Андреем Влизковым и художником Павлом Зарословым. А в завершение номера – информация о молодёжном пленэре «Клюква».

Время романтиков



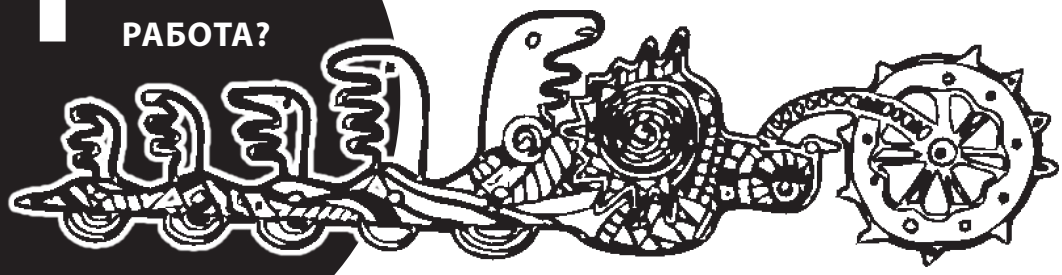
Молодёжь о...

Поколение Lost Generation, рождённые в 1880-1900 годах, что переводится как Потерянное поколение. За ним следуют Величайшее поколение (Greatest Generation) – 1901-1924 гг., Молчаливое поколение (Silent Generation) – 1925-1945 гг., Бэби-бумеры (Baby Boom Generation) – 1946-1964 гг., Поколение X (Generation X) – 1965-1982 гг., Миллениалы (Millenials), или Поколение Y (Generation Y) – придержимся позиции исследователей о том, что это все, рождённые с начала 80-х. Также существует следующая категория рождённых в начале 1990-х и в 2000-х – Поколение Z (Generation Z), или Поколение MeMeMe (Generation MeMeMe).

Вы можете делить наших респондентов на Миллениалов, поколение Z или поколение MeMeMe (Поколение ЯЯЯ). Возможно, вы сами относите себя к определённой группе по возрасту, привычкам и прочим отличительным характеристикам.

Мы дали возможность молодым людям нашей республики и не только самим поразмышлять на популярные темы. Вот что у нас получилось.

1 ЧТО ДЛЯ ВАС ЗНАЧИТ РАБОТА?



Место добычи заработка.
Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

На данный момент только деньги. В будущем прекрасное времяпровождение.
Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Развитие.
Господин, 21 год, Саратов.

Главное, чтобы не работать руками. Уважаю интеллектуальный труд.
Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Источник дохода.
Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Прежде всего – заработок денег, но при этом самосовершенствование, воплощение каких-то идей.
Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Труд и деньги.
Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Дело, которое надо делать.
Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Место, где можно заработать денег.
Машенька, 23 года, Амурская область.

Работа – важная часть становления человека. Благодаря ей, мы получаем новый опыт и стараемся добиться профессионального роста. Ну и, конечно, учимся обращаться с заработанными деньгами. В сумме это учит нас трудолюбию и терпению.
Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Деятельность, ведущая к саморазвитию, и возможность стать лучшим в своей сфере. Именно стать лучшим, потому что порой люди ненавидят свою работу и гонятся за денежным благополучием, забывая о том, к чему у них лежит душа.
Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Работа – это способ заработать деньги. Важно заниматься тем, что делает тебя счастливым. Нужно быть человечным в любой работе. Получать удовольствие от работы и из-за этого расти выше и выше – лучшая награда в жизни. Это как найти себя.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Деньги. Труд. Уныние.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Стиль жизни.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Способ обеспечить себе надёжное будущее.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Что-то страшное.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Личный интерес (в силу возраста).

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

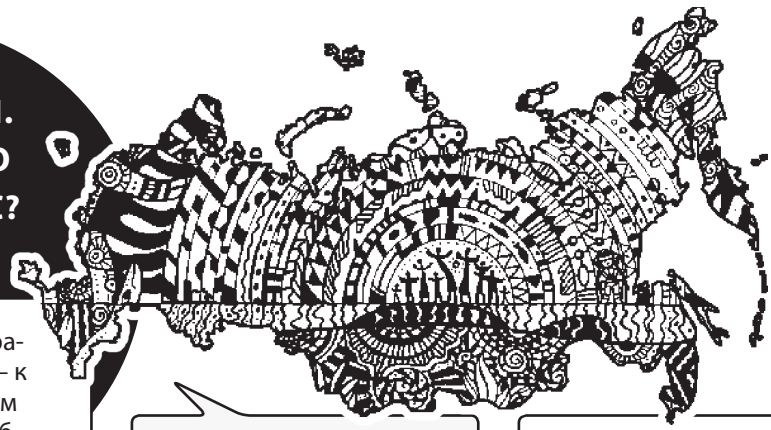
Развитие и труд.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Нервотрёпка.

Nemo, 19 лет, Вологда.

2 РОССИЯ. ЧТО ЭТО ДЛЯ ВАС?



«Это моя страна. Красивая и любимая», – к сожалению, о нашем государстве я подобного сказать не могу, но надеюсь, что когда-нибудь у нас появится уверенность в завтрашнем дне.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Страна, где всё максимально непредсказуемо.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Большая страна.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Каторга.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Самая большая страна, но не с самыми большими воплощениями.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Соседи. Бываю там в Петербурге.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Страна, в которой я живу.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Моя страна.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Очень сомнительное государство.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Большая страна с огромными возможностями и невероятно могущественными людьми. Мне стыдно и обидно, что всё у нас не так радужно. Нужно начинать с себя, чтобы менять жизнь в стране. Но я вижу позитивные изменения. Они в меньшинстве и малозаметны за теми транслируемыми ужасами СМИ. Но я верю в постепенный рост и оптимизм. Я уже вижу, что мои дети будут жить в другом мире, в отличном от нашего детства. Не буду судить и оценивать этот мир. Но я думаю, люди сами видят и боятся признаться, что стало много хорошего. Ругать и злиться на Дядю можно долго.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Страна, в которой мы живём.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Место жительства.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Скорее всего, это то место, к которому у меня всегда будет лежать душа. Потому что даже если уехать жить за границу, всё равно ты не будешь ощущать себя так же, как и здесь.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Родина, страна, вечная серость и страдания обездоленных.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Страна, в которой я живу.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Что-то большое и щемящее сердце.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Страна, в которой я родилась.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Прежде всего – Родина.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Люди.

Господин, 21 год, Саратов.

Все.

Nemo, 19 лет, Вологда.

3 ДЕНЬГИ. ЧТО ОНИ ЗНАЧАТ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ?

То, из-за чего могут измениться люди. В худшую сторону. Для меня это способ жить комфортно.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Один из столпов хорошей жизни.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Средства, с помощью которых удовлетворяю желания и потребности.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Деньги – одно из главных средств для реализации своей мечты.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Деньги по сравнению со здоровьем друзей и родных – ничто.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

К сожалению, многое.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Работа и труд. Их можно обменять на комфорт.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Приятный бонус за то, над чем ты работаешь и во что вкладываешь свои силы. Но я не воспринимаю деньги, как самое важное в жизни, потому что, как бы ты богат ни был, ты не сможешь купить душевное спокойствие, любовь, людей, которые дорожат тобой. Перечислять можно бесконечно.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Многое.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Возможность получать, что хочу.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Для меня значимость денег высока. Но принципы выше: ради них я не буду рисковать своей репутацией, здоровьем и жизнью.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Удовольствие.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Все боятся денег. Бедные боятся больших денег и не умеют обращаться с такими суммами. Бедные боятся маленьких денег, жить-то надо. Мне грустно за такие семьи. В нашей стране уровень финансовой грамотности низок. Учите детей обращаться с деньгами, только сначала сами научитесь. Богатые боятся денег так же, как и бедные. У них их могут отобрать более влиятельные люди. Постоянный стресс из-за своих активов... К деньгам нужно учиться относиться спокойно. Обесценить их архиважную значимость. Они, конечно, помогают и важны в жизни. Но не стоит их бояться или же давиться ими.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Я живу на деньги. Без них я умру, потому что никаких других средств, чтобы обменять на них еду и жильё, нет.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Как бы ни хотелось отрицать, что это не главное, но всё же огромное значение имеют они в жизни.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Средство.

Господин, 21 год, Саратов.

Деньги дают всё. Кроме любви.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

4 ОПИШИТЕ ЛЮБОВЬ. ОНА ВАЖНА ДЛЯ ВАС?

Любовь важна для всех. Кто не любит, тот не живёт.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Крайне важна.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Для меня любовь более чем важна. Она окрыляет, дарит невероятные эмоции, которые неспособны проявиться без неё. Она толкает человека порой на поступки, которые, казалось бы, невозможно сотворить. Любовь – это огромная сила.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Надоело это слово. Замылили. Это личное.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Любовь важна. Это привязанность двух людей сердцем и душой.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Для начала это чувство, которое всегда приятно испытывать. Можно любить всё что угодно, природные явления, настроение, место, где ты находишься, моменты из жизни и т.д. Любовь у меня, конечно же, ассоциируется с приятными чувствами, но каждый раз они преподносятся по-разному. Поэтому мне сложно описать любовь в двух предложениях, и, думаю, не только мне. Что же касается любви между двумя людьми, то тут мне немного проще. Скорее всего это чувство, когда ты горишь человеком, у тебя на протяжении многих лет остаётся страсть к нему (не только физическая), потому что любовь не уходит в одночасье. Ты дорожишь временем, проведённым с ним вместе. Но любить человека можно и просто за то, какой он есть, необязательно наличие серьёзных отношений между ними.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Странное чувство – сплав жалости, привязанности, упорности, заботы, нежности и ненависти. Не могу провозгласить любовь самым ценным в моей жизни, но она, безусловно, важна.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Да, если чувства адекватны.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Самое важное в жизни, к чему нужно стремиться во всех сферах.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Часть жизни. Очень.

Господин, 21 год, Саратов.

Любовь нельзя описать, как по мне. Она индивидуальна, как и люди. Прежде чем вы готовы поверить в чьё-то «люблю», поинтересуйтесь, что для них это значит. Для меня, наверно, это взаимопонимание и компромиссы. Уважение. Изначально – это просто симпатия, страсть. Дальше вы культивируете в себе это чувство. Учитесь. Начинаете именно с себя. Это сложно. Но это важно и интересно.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Любовь для меня – это жизнь в гармонии с собой и окружающим миром. Конечно, она важна. С ней мы счастливее, умиротворённее, но при этом стараемся не теряться в любой сложившейся непонятной ситуации.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Нет, не важна.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Нечто непонятное.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Это для детей. Любви нет.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Любовь – это название. Называть, что чувствует каждый, можно одним этим словом. Но оно настолько многогранное, что невозможно найти полностью такое же значение любви у другого человека. В этом и прелесть, и сложность любви. Важно чувствовать любовь, несомненно. Она помогает не опускать руки. Она сильнее, чем религия. Любовь как моральный ориентир. Главное, не зачерстветь.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Любовь прекрасна. Мне важно быть любимой.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

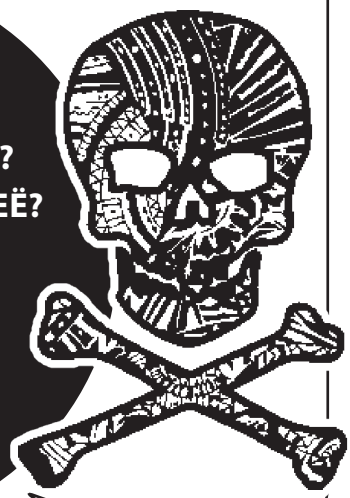
Да, она подталкивает на саморазвитие и достижение вершин.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Важна. Описать любовь трудно, но это прежде всего чувство, которое нужно взращивать в себе постоянно. Это как воспитание детей. Ты воспитываешь в себе прекрасное чувство и даришь его другим, не ожидая ничего взамен.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

5 ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О СМЕРТИ? БОИТЕСЬ ЛИ ВЫ ЕЁ?



Ещё слишком молод, чтобы её бояться.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Смерть может настигнуть нас в любой момент, потому что может произойти всё что угодно. Значит, так должно было произойти, мы все не вечны. Да, это будет замечательно, если лично мне удастся дожить до глубокой старости, потому что я хочу сделать за свою жизнь максимум того, чего бы я хотел достичь. Боюсь ли я её? Да, определённо да, мы все этого боимся. Но, как я и писал выше, если это произойдёт – значит, так должно было случиться.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Бояться нужно живых, как говорил мой покойный дедушка. Мы не знаем, какая смерть будет у нас. Бояться неизвестного – тратить время. Можно быть немного готовым морально. Принять её неизбежность – это важно.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Нет.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Всё живое боится смерти, но она неизбежна, поэтому, пока мы живы, нужно пробовать, рисковать и не бояться действовать.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Нужно бояться не смерти, а жизни, в которой вы ничего не добились.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Смерть многолика. Это инстинкт – бояться смерти. Не боятся только те, кому нечего терять.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Я воспринимаю смерть как этап жизни, как логичное завершение её. Поэтому я не боюсь.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Может быть.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Неизбежна. А смысл?

Господин, 21 год, Саратов.

Смерть близких – это страшно. Я не знаю, боюсь ли я её.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Скорее да, чем нет. Ведь никто не знает, что будет потом, да и в жизни надо ещё столько попробовать и сделать.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Это то, на что каждый может рассчитывать.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Нет, такова судьба человека.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Смерть – это избавление от прелестей жизни и от болезней души и тела.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Нет, все мы когда-нибудь умрём.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Не боюсь. Жду. Ну, по-философски отношусь.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Она не приходит одна. Либо это последствия болезни, либо это горе в семье усопшего. Я боюсь болезненной смерти. Мучительной.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Каждый боится смерти. Но когда всё в жизни потеряно, то и страх перед ней пропадает.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

6 СЕКС. ЧТО ЭТО ДЛЯ ВАС? КАКОЕ МЕСТО ОН ЗАНИМАЕТ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ?

Один из столпов хорошей жизни, неотъемлемая часть совместной жизни.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Удовольствие, способ выразить чувства, которые невозможно передать словами или простыми прикосновениями. Место в жизни точно не центральное.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Не бывает здоровых отношений без секса, он занимает важное место в моей жизни. Для меня это намного больше, чем просто биологическая потребность.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Секс – это как спорт. Для меня секс важен, но не до фанатизма. Перерос, что ли.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Важное.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Это проявление абсолютного доверия двух влюблённых.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Секс – это грязная энергия, но энергия. Это очищение.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Удовольствие. Отличное у него место.

Господин, 21 год, Саратов.

Одно из первых.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Малое, часть чувств.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Физиологическая потребность.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Секс важен. Это единение душ и тел. Это эмоциональная разрядка.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Это нечто сакральное. Не первое место точно.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Я думаю, он важен.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Секс полезен для здоровья. Главное – не переборщить.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Определённо это момент половой близости. Который должен иметь под собой тёплые чувства между людьми, но зачастую это не так, и всё происходит от обычного физического влечения. Лично для меня это более трепетный процесс, я не могу лечь в постель с кем попало. В моей жизни секс не приоритетнее серьёзных отношений.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Не особо важен для меня. Скорее, важно само предвкушение. Секс – как следствие чувств.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

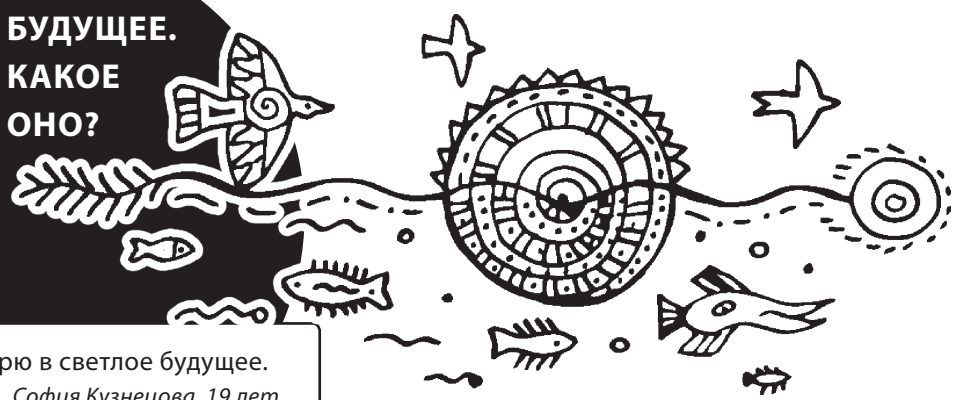
Секс должен быть только с тем, кого любишь.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

О таком я не распространяюсь.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

7 БУДУЩЕЕ. КАКОЕ ОНО?



Я верю в светлое будущее.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Боюсь представить, мне оно кажется мрачной тайной.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Будущее зависит только от того, как мы сами его построим.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Тяжёлое.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Посмотрим.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Антиутопическое.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Смутное.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Скрытое.

Машенька, 23 года, Амурская область.

В разных думах по-разному.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Не знаю. А кто-то знает?

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Я не думаю о будущем, не имеет смысла.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Будущего не знает никто из нас. Каждый день происходит что-то новое, может быть, мы этого и не замечаем, но постепенно в нашей жизни что-нибудь меняется. Вспомните себя год, два, три назад. Думали ли вы, что через три года в вашей жизни будет то, что есть сейчас. Думаю, нет. Поэтому будущее всегда туманно. Мы сами создаём своё будущее.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Надеюсь, спокойное и счастливое.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Прекрасное.

Господин, 21 год, Саратов.

Непредсказуемое.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Хотелось бы верить, что счастливое.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Какое будет. Придётся принимать его любым.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

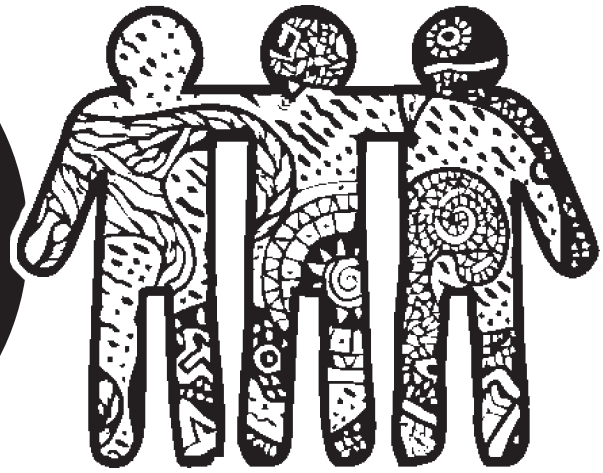
В этом мире... Я не знаю. Даже за рубежом свои нюансы.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Такое, каким мы его сделаем и каким видим.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

8 ЧТО ДЛЯ ВАС ДРУЖБА? ЗНАЧИТЕЛЬНА ЛИ ОНА И ПОЧЕМУ?



Светлое искреннее чувство. Друзья – это семья, близкая не по крови, а по душе. Поэтому друзья понимают тебя больше.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Друзей надо ценить, пока они рядом. Жизнь разводит дороги.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Для меня ценность дружбы выше любви. Тут нечего даже объяснять. Ценю настоящих друзей.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Дружба – вторая жизнь.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Настоящих друзей мало. Нужно уметь фильтровать людей.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

На одной ступени с любовью.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Дружба, по мне, довольно странная штука. Она вроде есть, но её вроде как и нет. Смотря какие критерии к ней относить. Если дружба – это поддержка, помощь, деление между собой радостей и печалей, то да; а если это только потребление или же наоборот, то нет. Но с другой стороны, без неё не обойтись.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Дружба – это часть любви. Дружба в моей жизни имеет значительный вес, потому что мои друзья – это поддержка, опора и единомышленники.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Без настоящего друга тяжело жить. Дружба нужна всем.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Друзья – это опора и поддержка. Без друзей не вижу жизни.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Друзья стоят на втором месте после родителей. Они – вторая семья.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Дружба очень важна. Она как любовь, связывает двух людей, но интересами.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Один из столпов хорошей жизни, дружба много значит для меня, так как мои друзья – это моя опора.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Друзья не вечны. Хотя есть исключения.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Близость по духу. Огромная значимость, без неё так себе.

Господин, 21 год, Саратов.

Главное, самому быть хорошим другом и уважать других людей.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

В последнее время меньше верю в настоящую дружбу.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

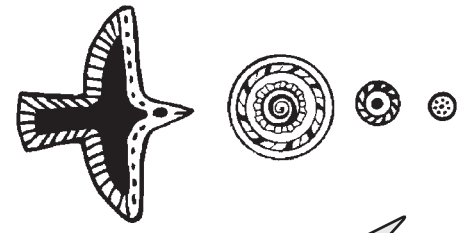
У каждого должен быть человек, с которым можно поговорить по душам.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Дружба очень важна для меня. Никто тебя не выслушает и не поможет так, как может это сделать друг. Настоящий друг, а не знакомый, которого ты знаешь месяц-два. Укажет на твои недостатки, а не будет льстить, чтобы поиметь выгоду.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

9 МЕЧТА. КАКОВА ЕЁ ЦЕЛЬ? У ВАС ЕСТЬ МЕЧТА?



Она заставляет меня двигаться вперёд.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Скорее всего, цель моей мечты – это преуспеть в любимом деле, которым я горю. Стать профессионалом. И для того чтобы этого достичь, надо очень усердно над собой работать. Да, у меня есть мечта, и, к счастью, она не состоит в том, чтобы заработать как можно больше денег, а скорее в том, чтобы иметь душевное спокойствие в том, чем я занимаюсь.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

У меня нет мечты. Есть только цели.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Мечта – это нечто сокровенное для меня. Она важна для роста.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Не встречал человека без мечты. Другими словами, это буквально одна из целей в жизни.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

У каждого человека есть мечта, у меня она тоже есть. Без мечты нет мотивации. Мечтать необходимо.

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Мечта – двигатель прогресса. Цели строятся, опираясь на мечту. Моя мечта, скорее, простая и человеческая, приземлённая.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Цель и мечта – разные вещи, если что.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Цель мечты? Да, есть.

Господин, 21 год, Саратов.

Есть. Неважно.

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Нет мечты, есть только желания.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Я ни о чём не мечтаю. У меня есть планы.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Есть, достижимая.

Nemo, 19 лет, Вологда.

Мечта не цель. В том и проблема, что мечта недостижима. У меня нет мечты, только цели.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Мечта даёт человеку возможность выбраться из границ возможного. У меня есть много мечт, которые могут так и остаться ими, если вовремя не стать их реализовывать:)

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

У меня много мечт.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Есть. Цель – сделать человека счастливым.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Мечта даёт смысл жизни.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск.

Закончить свой универ.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

10 НУЖНО ЛИ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНО ВАМ? ПОЧЕМУ?

Образование просто необходимо. Хотя в этой стране, как в казино, не знаешь, когда угадаешь. Но образование и самообразование – важные составляющие хорошей жизни.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Без образования ты никто. Но в нашем мире оно перестаёт иметь цену.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Да, потому что я хочу быть врачом, а врачей без образования не бывает.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Образование обязательно. С ним я чувствую себя увереннее. К тому же диплом о высшем образовании необходим мне для приёма на работу.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Наверно, да. Всё-таки нужно получать новые знания и развиваться, как бы это ни было затруднительно.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Я считаю, да, нужно. Если же у меня не выйдет заниматься тем, чем я горю по жизни, то это будет, так скажем, хорошей «подушкой безопасности». И касательно образования в той сфере, над которой я хочу развиваться, да, оно даже необходимо. Потому что в одиночку ты всё равно не сможешь изучить и получить столько информации, опыта, чтобы стать профессионалом.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Нужно. Моя будущая профессия требует много знаний.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Оно мне пригодилось, если честно.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Для меня очень важно получить образование, потому что лично я не смогу другим способом выучить новый язык (учусь на лингвистическом).

София Кузнецова, 19 лет, Республика Коми.

Не нужно, мне и без него хорошо.

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Самообразование важно больше всего остального. Как только ты сам захочешь научиться чему-либо – перед тобой откроются все ресурсы. Без самообразования невозможен рост человека над самим собой.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Мне образование пригодилось, но я думаю, что смог бы без него.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Безусловно. Это развитие.

Господин, 21 год, Саратов.

Думаю, необходимо.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Нужно, для будущего.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Просто чтобы было... А вдруг пригодится...

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Нужно, потому что.

Машенька, 23 года, Амурская область.

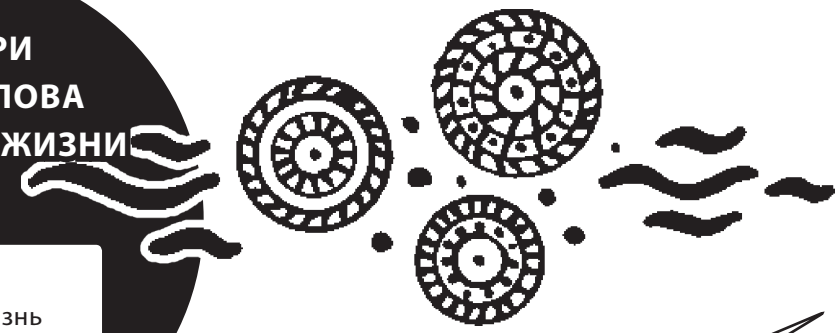
Не считаю его обязательным.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Нужно, чтобы не умереть с голоду.

Nemo, 19 лет, Вологда.

11 ТРИ СЛОВА О ЖИЗНИ



Буквально все проживают жизнь зря. Осмысление приходит только тогда, когда за спиной стоит женщина с косой.

Семён Сабиров, 21 год, Саратов.

Короткая, похожа на лотерею, и такая, какой мы хотим её видеть.

Ирина Руденок, 22 года, Гомель, Беларусь.

Вся наша жизнь – большой прикол.

Игорь Зинкевич, 22 года, Москва.

Гармония, терпимость, смысл.

Машенька, 23 года, Амурская область.

Слишком сложная штука.

Анастасия Карманова, 15 лет, Республика Коми.

Жизнь есть любовь.

Светлана Дроздова, 19 лет, Москва.

Родился. Пожил. Приуныл.

Господин, 21 год, Саратов.

Радость, любовь, смысл.

Ксения Андреева, 22 года, Республика Коми.

Деньги, секс, друзья.

Иван Чигиринов, 20 лет, Белгород.

Мир, крах, любовь.

Олег Рамазанов, 17 лет, Самара.

Семья, работа, счастье!

Ирина Куриленко, 26 лет, Брянская область.

Труд, труд, отпуск!

Дмитрий Альховик, 25 лет, Минск, Беларусь.

Семья, друзья, молодость.

Даша Лебедева, 23 года, Республика Коми.

Цени своё время.

Влад Соров, 20 лет, Республика Коми.

Рай, мир, ад.

Александра, 19 лет, Новосибирск.

Твой собственный фильм.

Рыба, 20 лет, Республика Коми.

Счастье, семья, любовь.

Антон Веселов, 28 лет, Республика Коми.

Опрос подготовила В. Куриленко.

Юность Куратова.

Первый год в Вологодской семинарии

Август 1854 года. Ване Куратову пятнадцать лет. Он, его брат Вонифатий и Митрофан Кокшаров после долгих скитаний по дорогам и весям губернии дошли наконец и до самой губернской Вологды. Белокаменные стены Кремля, церкви без числа, дома из камня, купола Софийского собора, в срединном из которых, по словам Вонифатия, тройка лошадей с экипажем развернуться может, и колокольный звон, плывущий над городом, – сказочным, невиданным доселе чудом предстала Вологда зырянским детям. Вонифатий – вологодский старожил, он восемь лет в Вологде: в 1852 году закончил Вологодское духовное училище и уже два года учится в семинарии. Проводили Митрофана на ту же квартиру, которую до этого снимал его брат, Протоген Кокшаров, в этом же году закончивший семинарию вместе с братом Куратовых – Афанасием. Хозяин встретил радушно, Протогена он очень уважал за его учёность да за приветливость.

В первый год учёбы Куратову пришлось снимать квартиру: ему назначили двадцатирублёвое пособие, в расчёте квартирной платы. На полный «казённый кошт» он перешёл уже в следующем, 1855 году, когда семинария перешла в новый двухэтажный корпус. Тогда же он подал прошение на имя ректора семинарии о принятии на полное казённое содержание, и оно было удовлетворено. «Казённокоштные» семинаристы, к коим, как сирота, был причислен и Ваня Куратов, обеспечивались общежитием – так называемой «бурсой», бесплатной столовой и денежным пособием в размере двенадцати рублей годовых, и это считалось существенным подспорьем. Из среднего, парадного подъезда был вход в квартиру ректора и в Правление семинарии, находившееся на втором этаже с правой стороны коридора. Спальни семинаристов располагались по левой стороне коридора, здесь же находились столовая, библиотека, а также учебные классы для старших курсов – богословов и философов. Классы младших курсов, риторов, находились на первом этаже, здесь же помещались кухня, умывальня, больница и квартира помощника инспектора, обязанностью которого было смотреть за поведением казённокоштных воспитанников. Ректором Вологодской семинарии был настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря архимандрит Ювеналий Знаменский, закончивший Московскую духовную академию со степенью магистра. Вторым членом Правления семинарии был инспектор – настоятель Вологодского Святодуховского монастыря, кандидат Московской духовной академии архимандрит Дионисий Аннинский. Третьим членом Правления семинарии был учитель богословских наук Павел Михайлович Добряков, кандидат Санкт-Петербургской духовной академии. Секретарём был кандидат Санкт-Петербургской духовной академии Алексий Никитич Хергозерский, славившийся как знаток Священного Писания.

В 50-х гг. XIX века программа духовного образования в семинариях Российской империи имела три основных направления: богослужебное, богословское и требо-

исправительное[1]. Миновали реформы, выводившие богословие на первый план программы, но уже с 1836 года, благодаря стараниям обер-прокурора Святейшего Синода Н.А. Протасова, учебная программа была ориентирована на воспитание сельских священнослужителей, поэтому в неё были включены такие, на первый взгляд, далёкие от нужд Церкви дисциплины, как сельское хозяйство, землемерие, медицина. Тем не менее, оставалось ещё дошедшее с времён средневековья разделение учебных предметов на главные и второстепенные. В списке главных в семинариях и академиях были словесность, или риторика, философия и богословие. Словесность или риторика преподавалась первые два года обучения на низшем отделении (иначе – классе) семинарии, соответственно, следующий главный предмет – философия – изучался в последующие два года на среднем отделении, а богословие – на высшем или богословском отделении.

По ведущему предмету программы младший класс назывался риторическим, средний – философским, а старший – богословским, поэтому младшие ученики семинарии именовались риторами или словесниками, средние – философами, а старшие имели право называть себя богословами. Так Ваня Куратов стал ритором. Среди обязательных предметов риторического класса главными были словесность, в двух своих подразделах – риторике и поэтике, а также история, а кроме них семинаристы штудировали алгебру и геометрию, катехизис, Священное Писание, геодезию, логику и психологию, латынь и греческий; среди необязательных числились немецкий и французский языки, а семинаристы-зыряне учили ещё и коми язык.

Главным предметом младшего семинарского класса была словесность. Преподавателей этой дисциплины было несколько, и каждый из них читал свой курс на одном из трёх отделений риторов. В отделении Куратова учились и все его однокашники из

[1] Бернштамм Т.А. Приходская жизнь русской деревни. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 30.

Яренского училища – Митрофан Кокшаров, Иван Тюрнин, Иван Васютов, Василий Рогов. За исключением самого Куратова и его друга, Митрофана, все они после окончания семинарии служили священниками в Усть-Сысольском и Яренском уездах. Наставником словесности в этом отделении был Алексей Иванович Попов, их земляк из с. Нёбдино Усть-Сысольского уезда. Алексей Иванович был выпускником Московской духовной академии со степенью кандидата и в семинарии занимал должность учителя. Кроме словесности, он вёл курсы латинского языка, российской истории, богословия, а для специального «зырянского класса» – преподавал коми язык.

Зырянский класс был изюминкой Вологодской семинарии. Инициатором создания этого класса был молодой профессор Вологодской семинарии Павел Иванович Савваитов, в то время наставник философии и всеобщей гражданской истории. В начале 1840-х гг. он совершает несколько поездок по Вологодской губернии, в том числе и по Коми краю. Очевидно, в этих поездках в нём созрело убеждение о необходимости проповеди на коми языке в зырянских приходах. В то же время в Вологодской семинарии училось немало воспитанников из селений Зырянского края, для которых не составило бы большого труда проповедовать на родном языке, будь на то высочайшее волеизъявление. В 1843 году по Указу Святейшего Синода класс был открыт, однако к курсу коми языка не было ни одного пособия. В 1845 году П.И. Савваитов пишет Прошение на имя министра просвещения, в котором сообщает, что инициатива создания зырянского класса принадлежит ему, но для успешности дела необходимо издание «Грамматики зырянского языка», рукопись которой прилагается к Прошению. Главным рецензентом «Грамматики» выступил академик А.И. Шёгрен, отметивший положительные стороны работы, но порекомендовавший Савваитову совершить, по крайней мере, хотя бы ещё одну поездку в Коми край для сбора дополнительных языковых материалов. Очевидно, во время второй своей поездки к зырянам в 1846 году Василий Куратов, в то время священник Визингской церкви, и передал Савваитову записи причитаний, вошедшие в состав «Грамматики». Издание «Грамматики» в 1850 году вызвало широкий общественный резонанс: книгу обсуждали в печати, писали письма самому Савваитову, но профессор в это время уже служил в Санкт-Петербургской духовной академии, временно отойдя от зыряноведческих штудий.

Надо полагать, что А.И. Попов отнёсся к идее зырянского класса со всей серьёзностью и первым делом составил свою версию «Грамматики зырянского языка»; её рукопись сохранилась, она датирована 1843 годом – годом, когда Попов вступил на учительскую стезю, а профессор Савваитов отбыл в Санкт-Петербург. Вне всякого сомнения, Алексей Иванович Попов в становлении мировоззрения юного Куратова принял самое непосредственное участие, но о биографии этого учителя известно мало. Он не оставил после себя научных трудов, не писал статей в «Епархиальные ведомости», даже его «Грамматика», по которой он преподавал коми язык в течение 12 лет, никогда не была издана. В немногих воспоминаниях бывших своих учеников он предстаёт чудаковатым человеком, как, к примеру, помнит его протоиерей В. Грязнов: *«По классу Русской Истории преподавателем был Алексий Иванович Попов, из зырян, отличался поэтому несколько своим говором. Это был педагог средних лет, в обращении с учениками непритязательный, но иногда не терпеливый; иногда вынужден был напоминать классу о соблюдении должной тишины и, заметив кого-либо в оплошности – в нарушении классного порядка, сердился, покрикивал. При этом у него была даже особая язвительная кличка: «поляк-бунтовщик!» для тех, кого он замечал в*

нарушении порядка в классе». Протоиерей Алексий Попов, напротив, помнит его как словесника-схоласта, который даёт свой предмет, не отвлекаясь от буквы учебного пособия: «*...господа преподаватели словесности о. Фавст Александрович Ржаницын и Алексей Иванович Попов (по происхождению зырянин), кандидаты Московской духовной академии, также давали уроки русского языка с его литературой схоластично и мертво, по запискам «времен Очаковских и покоренья Крыма»*[2]. Да и сам Куратов в позднейших своих записях отзывается об Алексее Ивановиче вполне критично, имея ввиду его авторскую, выстраданную грамматику: «Алексей Попов душит семинаристов собственным изделием, карикатурой грамматики». И тем не менее, в годы учёбы влияние Алексея Ивановича Попова на юных семинаристов-зырян, в том числе и на Ивана Куратова, было несомненным: шутка ли, этот причетнический сын из зырянского Нёбдино учился в Московской духовной академии! Надо полагать, Алексей Иванович, этот чудаковатый зырянин, преображался на уроках зырянского языка в своём зырянском классе, когда можно и нужно было говорить на родном своём зырянском языке. Да, уже вскоре Куратов увидит несовершенство грамматики Попова (как, впрочем, и грамматики Савваитова), но в первоначале всё же была учёба в зырянском классе, когда юным умом впитывалось каждое слово, сказанное учителем, а в сердце рождалась любовь к языку, на котором ещё не было поэзии.

Но было внимание к коми языку, сегодня даже не вполне объяснимое. Шутка ли – сам император Александр II, будучи в июне 1858 года в Вологде, говорил с ректором семинарии не о религии, а о зырянском языке. Вот как об этом пишет о. Алексий Попов: «*Прослушав молитву, государь сделал легкий поклон, взглянул на о. ректора и быстро пошел осматривать семинарию. Семинарское правление, куда мы успели уже незаметно юркнуть из залы, оказалось первым на пути царского осмотра здания. Разговаривая с о. ректором о преподавателях и о зырянском языке, государь, ответив на наш общий поклон легким кивком головы, быстро прошел наши две комнаты – канцелярскую и присутственную – и также быстро пошел далее. В несколько минут государь осмотрел весь семинарский корпус, вышел на двор семинарии и оттуда пешком же ушел на плац-парадное место, занимающее площадь между семинарией и гимназией, где стояли уже находившиеся в то время в Вологде войска*»[3]. Иными словами, в стенах духовной семинарии главными темами для государя были – состав преподавателей и зырянский язык, остальное он осмотрел мимоходом, не интересуясь больше ничем.

До сороковых годов XIX века преподавание словесности, как, впрочем, и других главных предметов, в духовных семинариях и академиях велось исключительно на латыни. Основным учебным пособием, по которому учили словесность, на протяжении многих лет был учебник по риторике Иоганна Фридриха Бурга «Elementa oratoria», изданный в 1776 году в типографии Московского университета. Курс словесности начинался теорией изложения: учением об отборе слов и сочетании слов, о предложениях (периодах). Очень подробно останавливались на украшениях речи, поскольку художественная речь должна отличаться от обыденной необычной благозвучностью и образностью. Сюда входило рассмотрение различных тропов, фигур,

[2] Попов А. Воспоминания причетнического сына. Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда. Типография Губернского правления, 1913. С. 46.
[3] Попов А. Указ. соч. 1903. С. 74.

хрий[4]. Далее изучалась система красноречия, давалось общее понятие о речах, темах (хриях)[5] и особенно об изобретении мыслей для речей. Много времени приходилось на практические занятия, в ходе которых семинаристы упражнялись в сочинении периодов, фигур, хрий, а также разбирали под руководством учителя образцы поэзии и прозы российских и латинских авторов. Кроме того, активное владение латинским языком требовало упражнений в заучивании поэтических текстов на латыни, а затем и самостоятельном сочинении стихов. Последнее практиковалось если не повсюду, то – в ряде семинарий и обязательно в духовных академиях.

К тому времени, когда в Вологодскую семинарию поступил Ваня Куратов, уже почти пятнадцать лет преподавание велось на русском языке. Однако словесность, в частности, риторику, по-прежнему учили, как выражались семинаристы, «по Бургию», разве что в переводе на русский язык Н.Н. Бантыша-Каменского. По воспоминаниям протоиерея А. Грязнова[6], учившегося в Вологодской семинарии немногим раньше Куратова, какого-то определённого учебного пособия по словесности не было, семинаристы пользовались конспектами лекций преподавателя, нередко приобретёнными у старшекурсников за 30-40 копеек. Но более важным он считает практические занятия на уроках словесности, поскольку именно на них семинаристы приобретали первые опыты собственного сочинительства. Вот как это происходило: *«Большая часть курса данного класса пошла на упражнения в составлении многоразличных периодов. Обыкновенно на каждый вид периода, по данному в учебнике образцу, давалась наставником тема, и требовалось письменное изложение, изготовляемое учениками на дому в течение нескольких дней. Эти письменные работы попросту назывались у нас «задачами» и стоили нам больших забот, так как имели важное значение при оценке способностей и успехов ученика. Пока проделали мы все виды периодов, ушло немало времени; затем в учебнике следовали хрии; была хрия порядочная и хрия превращенная. Но тогда ниоткуда не слыхать было насмешек над этими обветшалыми формами изложения, и мы трудились над ними так же искренно, усердно и любовно, как и над прочими формами. Под конец классного урока давали нам темы на составление описаний, и первой темой этого рода, как помнится, было дано описание всемирного потопа»*[7]. Кроме того, программой предусматривалось ознакомление с родами и жанрами авторского творчества, как прозы, так и поэзии, разбирались различные виды стихосложения, заучивались наизусть стихотворения, а в конце курса была дана тема для письменного сочинения в стихотворной форме.

Алексей Иванович Попов, учитель словесности Ивана Куратова, был человеком консервативных взглядов – таким он остался в воспоминаниях другого бывшего семинариста[8]. Получив классическое академическое образование, Алексей Иванович в совершенстве владел латынью, поэтому неудивительно, что он читал риторику «по Бургию», возможно даже – в латинском его издании, а поэтику по академическому учебнику «Правила пиитическия в пользу юношества, обучающагося в Московской

---

[4] Если тропы – это отдельные слова, отличающиеся необычным употреблением, то фигуры – это такие сочетания слов, с изменением которых меняется и их смысл.

[5] Хрия – совокупность приёмов для развития предложенной темы.

[6] Записей самого Куратова о его учёбе в семинарии не сохранилось, дневник поэта, по словам одного из его внучатых племянников, был утерян в г. Тобольске.

[7] Грязнов А. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста // ВГВ. 1902. № 11. С. 286.

[8] Попов А. Указ. соч. 1903. С. 42.

славяно-греко-латинской академии» (1774), написанному Аполлосом (Байбаковым), а ставшим впоследствии епископом Архангельским, с 1772 года преподававшим поэтику в Московской духовной академии. Хорошо это или плохо? Ни то, ни другое. Бывший семинарист А. Попов мог критиковать своего тёзку за устаревшие взгляды на словесность, но именно методическое совершенствование риторических изложений, с их требованиями правильности в соблюдении грамматических и лексических норм языка, ясности – т.е. употребления слов понятных в точных значениях, – легло в фундамент поэтических начинаний Куратова, а впоследствии – служило подспорьем в его юридической практике. Нет свидетельств, но можно предположить, что на уроках поэтики у Попова семинаристы занимались также и сочинением стихов, не исключено даже, что в том числе – на латинском языке.

Куратову нравится учиться. Он самозабвенно занимается переводами с латыни, греческого, его увлекают стиховедческие «разборы» произведений Ломоносова, Державина, Тредиаковского, он учит наизусть оды Державина и Ломоносова, ему легко даются переводы с латыни стихов Овидия, Вергилия, Горация, с удовольствием занимается алгеброй, решает задачи по геометрии. Так что Куратов легко входит в число воспитанников первого разряда и прочно, до конца всего семинарского курса, занимает место за первой партой. Надо сказать, что в иерархии успеваемости так называемые «перворазрядные», т.е. самые успешные семинаристы занимали первую парту аудитории: здесь тоже была иерархия, и лучшие сидели первыми от окна. Куратов числится девятым среди перворазрядных – по сравнению с Яренским училищем, его классное место понизилось. Это не значит, что он стал учиться хуже, просто в семина-

Софийский собор в середине XIX в.

рию вместе с ним пришли и перворазрядные ученики из других училищ, и они оказались более успешными в учёбе. Но успешность зависела не только от способностей самого ученика: состоятельные родители городских священнослужителей могли позволить себе покупку дополнительных учебных пособий для сына. А этих самых пособий катастрофически не хватало.

Библиотека семинарии, основанная при её открытии в 1730 году, изначально пополнялась книгами литургического характера, а художественную литературу представляли в основном латинские книги классических писателей: Цицерона, Вергилия, Овидия, Тита Ливия, Курция, Юлия Цезаря, Корнелия Непота, Гомера и пр. Сочинения современных отечественных авторов были, но их было мало, руководство семинарии не слишком жаловало «светскую» литературу, предпочитая ей книги, полезные для духовного просвещения. В библиотеке семинаристы могли взять учебники по древним и новым языкам, алгебре, геометрии, катехизис Петра Могилы, но не паче чаяния журнал «Современник». К тому же денег, выделяемых на содержание библиотеки, катастрофически недоставало, так что было не до модных журналов. Книги можно было купить на ярмарке или в книжной лавке Петровых, но они стоили дорого, так что даже профессора семинарии со своим скудным окладом в 350 рублей годовых не всегда могли себе позволить приобрести лишнюю книжку. А. Грязнов вспоминает, что наставники вскладчину покупали выходившие в то время томики «Мёртвых душ» Гоголя и читали их по установленному расписанию времени.

В этом, надо признать, «малокнижье» светлым лучиком просвещения оказалась «Полная русская хрестоматия» А.Д. Галахова – этот ставший уже классическим двухтомник привёз Митрофану Кокшарову его брат, Протоген, студент Московской духовной академии. Кажется, ни одну книгу до этого Куратов не читал с таким упоением: здесь не оказалось знакомых Державина, Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова, Хераскова и других писателей-классиков, в определённом смысле устаревших, а вместо них были произведения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Батюшкова, Гоголя, Тютчева, Тургенева, там были Фет, Полонский, Некрасов, Кольцов, Боратынский, Майков, Полежаев – и это была совсем иная русская литература, литература современная, литература современников самого Куратова. Конечно, многих из этих писателей Куратов уже читал – в журнале ли «Современник» или же в отдельных книгах. Но «Хрестоматия» давала представление о современной русской литературе во всей её полноте, и это впечатляло. И, может быть, тогда уже 16-летнему Куратову пришла в голову крамольная мысль, что и литература на зырянском языке может быть такой же. Спустя семь лет он сделает попытку собрать воедино сочинения зырянских литераторов, но оказалось, что тем высоким образцам русской литературы соответствуют только его, Куратова, стихи. Это горькое понимание своего литературного одиночества сопровождало Куратова всю его недолгую жизнь. А пока шестнадцатилетний Куратов в кругу друзей и земляков вечером в тишине спальни бурсы вслух читает стихи Фета из «Хрестоматии» Галахова: хотелось почитать всем, а книга была только одна.

На уроки зырянского языка Алексей Иванович Попов приходил с толстой тетрадью, в которой убористым почерком была записана им составленная «Грамматика». Половина урока отводилась на опрос пройденного материала, при этом ученика, не выучившего урок, Алексей Иванович награждал презрительным: «Поляк-бунтовщик!», и тот становился на колени возле парты до конца занятия. Закончив опрос, он раскрывал тетрадь и надиктовывал лекцию – семинаристы старательно записы-

вали в свои тетради. Среди учеников зырянского класса филологическое дарование Куратова ощущалось особенно отчётливо. Он не только быстро усваивал новый материал, он хранил в памяти все основные положения «Грамматик» П.И. Савваитова, А.Ф. Флёрова и в своих ответах на уроках приводил примеры из них по разным грамматическим случаям, нередко приводя в замешательство самого преподавателя. Кроме того, Куратов хорошо ориентировался в античных грамматиках – латыни и греческого языка, а также посещал считавшиеся факультативными уроки немецкого и французского языков, особое внимание обращая на состав их грамматик. Так что нередко ответы Куратова на уроках переходили в полемику между учеником и учителем. Видя несомненные успехи ученика, Алексей Иванович подарил список своей «Грамматики» Куратову, с теми же словами, что когда-то произнёс Василий Андреевич Жуковский молодому Пушкину: «Победителю ученику...». Не все листы этого списка были написаны Алексеем Ивановичем собственноручно, большую часть под его диктовку записали семинаристы. Да и как иначе распространить «Грамматику», коли не печатают? Начальство ссылается, что уже есть две «Грамматики» – старая А.Ф. Флёрова и новая – П.И. Савваитова, причём вторая получила одобрение Академии Наук. Надо сказать, что Куратов несмотря на юный возраст был не только вдумчивым читателем, но и критичным. Не всё в этой грамматике было ему по душе, с чем-то он даже был совсем не согласен. Вот и теперь, прочитывая в очередной раз главу «О словопроизводстве», не удержался и сделал пометку «Ослово производство»: то ли просто удачный каламбур, то ли полное неприятие... Но в этом нет места личной неприязни Куратова к автору рукописи – им движет его природное острое чувство языка, пробудившее, неосознанное ещё до конца понимание того, что многие свойства коми языка остаются за пределами границ традиционной грамматики. Надо полагать, лингвистическая одарённость Куратова стала в полной мере раскрываться именно на уроках зырянского класса, от первых сопоставлений разных авторских грамматик коми языка к более глубокому анализу и сравнению их с грамматиками латыни, древнегреческого, немецкого, а затем – к широким лингвистическим сопоставлениям в области языковых семей. Г.И. Тираспольский, специально изучавший этот вопрос, отмечает, что Куратов в совершенстве владел четырнадцатью языками: немецким, латинским, венгерским, французским, китайским, английским, финским, турецким, санскритским, греческим, старославянским, церковнославянским, итальянским, эстонским и в различной степени был осведомлён ещё о 36 языках и диалектах[9]. Разумеется, Куратов изучал языки на протяжении всей своей жизни, но можно сказать с уверенностью, что свои первые шесть или семь языков он выучил в стенах Вологодской семинарии.

Следует всё же заметить, что необычайные способности Куратова к языкам скорее исключение для Вологодской семинарии, чем правило. В воспоминаниях бывших семинаристов как раз изучение языков являлось слабым местом в системе семинарского образования. А. Грязнов вспоминает, что на уроках латинского языка больше занимались переводами текстов из учебника, которые тут же забывались, что же касается факультативных немецкого и французского – то на них вообще ходили единицы, – основная масса семинаристов предпочитала языкам изучение других предметов. На этом фоне языковой и языковедческий интересы Куратова действительно выглядят необыч-

[9] Тираспольский Г.И. Иностранные языки в творчестве И.А. Куратова // Тираспольский Г.И. Над рукописями И.А. Куратова. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1985. С. 39-40.

но. Их можно объяснить личными качествами самого Куратова – мерой его таланта, выражением его культурного роста, природной любознательностью – в конце концов. Это так, но это не отвечает на вопрос: зачем юноше Куратову нужно было так усиленно заниматься языками? Ведь будущая карьера вроде бы ясна: закончить семинарию, подыскать приход, возможно, «с невестой», если нет, то продолжить учёбу в духовной академии. Оба пути не требуют многих языков: в первом случае достаточно знания требоисполнительства, а во втором – лучше подналечь на богословские предметы. И всё же Куратов усиленно штудирует филологические дисциплины, изучает языки – как в «низшем» классе словесности, так и в высших – философском и богословском. Можно допустить, что он изначально готовился к поступлению в университет, хотя это и маловероятно, поскольку решение о возможности дальнейшей учёбы выпускников семинарий в светских университетах было принято Святым Синодом только в 1860 году.

Язык, как известно, не выбирают. Волею судьбы Куратов был рождён человеком коми языка. Изучаемые в семинарии языки – древние или современные – были языками высокой культуры, и он это осознавал тем отчётливее, чем больше погружался в глубину изучаемого языка. Каждый язык имел разработанную грамматику, эстетику, литературу, философию – ничего этого не было для коми языка. Коми же был и оставался языком простонародья, между ним и языками просвещённой Европы лежала культурная пропасть, преодолеть которую почти не представлялось возможным. И всё же её предстояло преодолеть, и сделать это можно было лишь созиданием всего того, чем была насыщена европейская, в том числе и русская, культура. И начинать всё это нужно было с изучения других языков: для того, чтобы понять место и предназначение коми языка среди других, чтобы создать такую грамматику, которая не повторяла бы античные и европейские схемы, а описывала бы его настоящий строй и стала бы основой зырянской литературы, чтобы создать слог, годный для зырян-

ской поэзии. Это являлось своего рода программой, поначалу осознаваемой довольно смутно, но уже к концу учёбы в классе риторики, обретшей достаточно ясные очертания. Через языковые штудии происходило становление национального самосознания Куратова, одновременно – становление его самого как творческой личности.

Быт семинаристов-риторов не отличался разнообразием. Три дня в неделю в утренние часы они слушали лекции по риторике и упражнялись в сочинении периодов, фигур, хрий, речей, а в другие дни на уроках читали латинских и русских авторов, с непременным комментированием и анализом произведений. В субботу была лекция по священной истории, а в воскресенье перед литургией читали Пространный Катехизис. Обед казённокоштных семинаристов был более чем скромным и состоял из супа и каш – овсяной, пшённой или гречневой, а в праздничные дни подавалось ещё и мясо, хотя и в довольно жидком бульоне. Послеобеденное время посвящалось лекциям по всеобщей истории, занятиям по арифметике, геометрии, географии, а также немецкому и французскому языкам. Так что времени на разные подростковые глупости просто не было. Конечно, семинаристы были разными, кто-то учился хорошо, кому-то учёба не давалась – таких, как правило, исключали из семинарии в конце года. За внеурочным поведением семинаристов строго следили инспекторы. Да и за всеми пятьюстами семинаристами уследить было трудно, но в общежитии-бурсе сделать это было возможно, так что за грубые провинности из семинарии тоже исключали. В конце учебного года в журнале «Вологодские епархиальные ведомости» публиковались списки тех, кто закончил обучение в семинарии, кто переведён в очередной класс, а также тех, что был исключён из семинарии за неуспеваемость и редко – за поведение. В своих воспоминаниях бывшие семинаристы пытаются как-то сравнить свою тогдашнюю жизнь с той жизнью бурсаков, что описана Н.Г. Помяловским в «Очерках бурсы», и, как правило, не находят аналогий. Куратов в своих оценках творчества Помяловского более резок, чем другие, в его записях есть такая ремарка: *«Без отвращения нельзя читать биографию Помяловского, написанную Благовещенским и приложенную к «Повестям, рассказам и очеркам первого»*[10]. Что ж, это оценка современника, который провёл шесть лет своей жизни в Вологодской бурсе.

Гуманитарная программа семинарии была просто удивительной. Постоянные штудии языков, сочинения, разбор античной и современной поэзии, а кроме всего прочего – беседы с профессорами, такими, как словесник Анемподист Ионич Малевинский, только что закончивший Московскую академию в звании магистра, Николай Иванович Суворов, замечательный историк, опубликовавший более 300 статей в разных журналах, Алексий Никитич Хергозерский, Павел Михайлович Добряков, а в 1858 году в семинарию прибыл и брат Митрофана – Протоген Кокшаров – все эти умнейшие, образованнейшие люди были готовы к диалогу, готовы не только объяснить пройденный материал, но и дать нужное направление – в чтении ли, в сочинительстве. Не удивительно, что Куратов в первый же год пристрастился к чтению. В Вологде ещё не было публичной библиотеки, но были библиотеки частные, в домах дворян и купцов, куда можно было прийти по протекции. Книги можно было взять почитать у господ профессоров, в конце концов, книги передавали друг другу сами семинаристы, их можно было купить – книжная лавка в Вологде уже была, книги продавались и на ярмарках. Впрочем, чтением были увлечены большинство семинаристов. Вот что пишет о чтении Алек-

[10] Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1988. С. 24.

сий Попов: *«Наш курс, в лучших его представителях, а их было много, с жадностью отдавался чтению. Читали мы все – и классических проповедников, и светских писателей, и поэтов, и публицистов, и различные лекции, конечно, не печатные, например, профессора Ф. А. Голубинского (умственное богословие), и архиепископа Иннокентия (учение о религии), и Фейербаха (сущность христианства), и «Колокол» Герцена, и сочинения Белинского, и «Домашнюю беседу» В. И. Аскоченского, и духовные и светские журналы, не исключая, конечно, ни «Русского слова», ни «Современника», в котором печатались тогда Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Тургенев, Михайлов, кроме Чернышевского»*[11].

Первый год учёбы в семинарии завершился событием, оставившим глубокий след в душе Куратова. 7 июля 1855 года умер знаменитый русский поэт Константин Николаевич Батюшков. Он тихо и незаметно жил в Вологде с 1833 года, удалившись от обеих столиц из-за своей неизлечимой болезни. Похороны состоялись 10 июля. Гроб с телом поэта к месту вечного упокоения в Спасо-Прилуцком монастыре провожали епископ Феогност с духовенством, губернатор, наставники гимназии и семинарии, а также семинаристы и все те вологжане, кому была дорога память о нём. На могиле много говорили о Батюшкове, читали его стихи, а Куратов думал: вот, умер поэт, а его стихи будут жить и после него, долго, может быть, века.

Учебный год заканчивался 15 июля, потом была долгая дорога домой – по Сухоне, на лодке, купленной в складчину, до Устюга, дальше – вверх по Вычегде, до Усть-Сысольска и, наконец, Кибра – мама, сёстры, слёзы. Почти месяц Куратов отдыхал от бурсацкой жизни, вволю ел – казённокоштных хотя и кормили в семинарской столовой, но та скудная, едва утолявшая голод еда не шла ни в какое сравнение со свежим коровьим молоком. Как было сладостно взять в руки косу-горбушу и вместе с братьями, Вонифатием и Афанасием, приехавшим в гости из Межадора, косить душистую траву, сгребать подсохшее сено в копны, стоговать, ощущая, как наполняются силой ослабшие за год учёбы мышцы, как под жарким июльским солнцем тают прицепившиеся к телу зимние хвори.

Павел АРТЕМЬЕВ,
филолог-литературовед.

[11] Попов А. Указ. соч. С. 63.

Михаил Дронов

Дронов Михаил Александрович *– директор Коми регионального частного учреждения социального развития «Созидание». Комиссар Коми областного студенческого отряда с 1983 по 1992 годы. Создатель первого в России музея студенческих отрядов. Автор книг «Яростный стройотряд...», «Неизвестный семестр». Ветеран ССО.*

Время романтиков

Наденем же снова мы куртки зелёные,
Вдохнём аромат целины
И вспомним от нашего пота солёные
Жаркие летние дни.

Десятки ребят и девчат в защитных куртках со значками и нашивками, обнявшись за плечи, раскачивались в такт песне. Чуть в стороне стояли молча ветераны – во времена их молодости пели другие песни: «А я еду за туманом...», «Бригантина»... Но какая-то незримая связь, непонятное атмосферное состояние объединяло эти две группы людей – двадцатилетних ребят в зелёных стройотрядовских куртках, целинках или бойцовках, – и солидных, убелённых сединами, но по-прежнему с горящими глазами ветеранов стройотрядовского движения. Что же это за явление, которое в один момент объединило людей различных поколений в Центре культурных инициатив «Югор» на открытии выставки «У студентов есть своя планета...»? Откуда и когда оно появилось? Кто стоял у его истоков?

Студенческие отряды. Ради справедливости стоит сказать, что студенты работали в различных отраслях народного хозяйства с первых лет советской власти. Это и Волховстрой, и Днепрогэс, и Магнитка, и восстановление разрушенной войной страны, лесозаготовки и сельхозработы. Но только во второй половине 1950-х годов начали появляться первые достаточно организованные трудовые объединения студентов.

Москвичи, ленинградцы, представители других крупнейших студенческих центров СССР много и яростно спорили, кто же из них стоял у истоков стройотрядовского движения. По идеологическим причинам пальму первенства отдали Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова, проще говоря, МГУ; была также установлена и точка отсчёта – дата рождения стройотрядовского движения – 1959 год. Ректор МГУ Виктор Садовничий, сам ветеран ССО, не так давно, на одном из Всероссийских стройотрядовских слётов, вспоминал, что в 1959 году в МГУ было создано

Студенты КГПИ едут на целину. Пермь, июль 1957 г. Фото из архива Нац. музея РК.

Студенты КГПИ на целине. Слева направо: Сорвачёва Ю., местная рабочая, Ушанова Р., Ермакова К. 1957 г. Фото из Нац. музея РК.

Вуктыл, 1968 г. ССО «Юбилейный», УИИ. Новая смена. В. Сансиев, А. Храпковский.

два студенческих отряда: один поехал на целину, а второй, командиром которого был он, работал на строительстве очистных сооружений Москвы. Но вся слава первопроходцев досталась первому отряду. Это и понятно – шло активное освоение целины. Наша республика тоже могла бы побороться за «призовые места», если бы «соревнования» были открытые: ещё в 1957 году студенты Коми государственного педагогического института принимали участие в уборке урожая на целине. Численность студенческих отрядов росла, как снежный ком – с 339 бойцов (один отряд) в 1959 году до 60 тысяч в 1966 году. Настала пора организационно выстраивать движение. И вот 30 января 1967 года Центральный комитет комсомола принимает решение о создании штабов студенческих отрядов всех уровней: от Центрального до областных (краевых). Это дало огромный толчок развитию движения. За пять лет – с 1967 по 1972 гг. – оно выросло более, чем в пять раз – со 100 до 526 тысяч человек!

Кто же они, эти люди, которые стояли у колыбели движения, кто определил его идеологию или даже философию на многие десятилетия? Вспомните, что движение зарождалось в конце 1950-х годов, его зачинателями были дети и даже участники Великой Отечественной войны. Это было время ударных комсомольских строек, время освоения целины, время Романтиков. Отсюда и все названия: отряд, штаб, командир, комиссар, боец. Стройотрядовская куртка – бойцовка, позднее – целинка, как память об освоении целины. «Я родился в августе 1941 года, я не помню войны, но я хорошо знаю, что это такое», – сказал на митинге, посвящённом Дню трудовой солидарности, 25 июня 1968 года мастер отряда «Элита» Белорусского политехнического института, работавшего в Коми АССР, Г. Борткевич.

И вот эта аура, созданная, с одной стороны, из возможности в совместном с товарищами по отряду, другими бойцами, доказать себе и окружающим, что ты, твой отряд, чего-то да стоите, что дело, которое ты делаешь, необходимо близким тебе, а чаще всего даже просто незнакомым людям, – это вызывало у бойцов чувство заслуженной гордости. Когда в конце трудового семестра видели возведённые дома, взлётно-посадочные

Взлётно-посадочная полоса в Ижме. Фото А. Семёнова, komionline.ru.

ССО на ЛПК.

полосы, спортивные площадки, цеха, километры дорог; подсчитывали, сколько экваторов проехал отряд на колёсах, обслуживая пассажиров, или какой численности город можно накормить собранным урожаем томатов, – такое не забывается никогда.

В 1977 году отряды «Альтаир» и «Прометей» Ухтинского индустриального института менее чем за два месяца, методом непрерывной заливки, т.е. работая круглосуточно, построили взлётно-посадочную полосу в Ижме. На последней карте на свежем бетоне ребята выложили: УМС УИИ ССО ПРОМЕТЕЙ АЛЬТАИР. Нет с нами командира отряда «Альтаир» Вени Рубцова, но взлётка, построенная им и его отрядом, 7 сентября 2010 года спасла жизнь 81 участнику полёта терпящего бедствие самолёта Ту-154.

С другой стороны – отрядные вечера с песнями под гитару у костра, отрядные праздники, даже просто общение с друзьями, возможность открыть их заново – разве это

КССО «Товарищ» УИИ отремонтировал памятный знак погибшим в Великой Отечественной войне, с. Чукаиб, 1982 г.

не здорово? Я помню, с каким трепетом, даже тревогой, мы пели у костра окуджавский «Сентиментальный марш»: «...И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...» Конечно, немаловажную роль играла и заработная плата – ведь это тоже оценка твоего труда, труда твоего отряда. Но, поверьте мне, заработная плата заканчивалась чаще всего к тому времени, как проходили мозоли на руках, а воспоминания об отряде оставались навсегда. Да и отношение к зарплате тоже было неоднозначное. Так, в конце 1981 года в Ухтинском индустриальном институте ветеранами ССО был создан первый в республике отряд безвозмездного труда «Товарищ». Пять лет, начиная с 1982 года, отряд отработал в Сыктывкарской школе-интернате для детей-сирот № 1 на строительстве пионерского лагеря «Дружба» в с. Межадор. Директором интерната был тогда педагог от Бога Александр Александрович Католиков. Сборно-щитовые дома, построенные нами в 1982 году, стоят до сих пор. Через два года в республике появились ещё два таких отряда: педотряд «Коммунар» в Коми государственном педагогическом институте и отряд проводников «Юность» в Сыктывкарском государственном университете. В 1987 году отряд «Юность» на свою зарплату купил автобус для Эжвинского детского дома, над которым он шефствовал. Чтобы хватило денег отряду, пришлось сделать дополнительный рейс. По стране таких отрядов были десятки. А взять нынешние педагогические отряды: зарплата у бойцов 6-8 тысяч рублей, тогда как у строительного отряда около 30 тысяч. Не ради зарплаты же едут туда ребята.

Вот это сочетание напряжённого труда на благо Родины и необычной, насыщенной внутриотрядной жизни и есть романтика. Мне, конечно, могут возразить, что романтика – это с рюкзаком по горам или на байдарке... Да, это тоже романтика, но «каждый выбирает по себе»... Можно и с рюкзаком по горам, чтобы установить памятный знак павшим за Отчизну героям, а можно и в отряде, где есть все условия, прожить скучную и серую жизнь. Хотя студенческие отряды давали замечательную возможность узнать свою страну: допустим, студенты из Ленинграда работали в Мурманской области, Тю-

Реставрация памятного знака погибшим красноармейцам в с. Гам, 2017 г.

мени, Коми АССР, а ребята из Коми трудились в Астраханской и Ростовской областях, Краснодаре, Узбекистане, Чечено-Ингушетии. И это тоже было романтикой.

В деятельности студенческих отрядов, как и у медали, есть две стороны. Одна – это производственная деятельность, работа, за которую бойцы отряда получают деньги. Вторая, не менее важная, это социально значимая работа. Раньше её называли общественно-политическая, или комиссарская. У неё были десятки направлений: это и шефство над школами и клубными учреждениями, строительство спортивных площадок и детских городков, шефство над памятниками истории и культуры. Не было такого случая, чтобы в населённом пункте, в котором бы был памятный знак, обелиск павшим за Родину и работал студенческий отряд, так вот, не было случая, чтобы этот обелиск не был отремонтирован студентами. Только в нашей республике было отремонтировано и построено более 400 памятников. За большую работу по шефству над памятниками студенческие отряды нашей республики в 1987 году были награждены Дипломом первой степени Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. А операция «Забота»! В ходе этой операции в каждый студенческий отряд зачислялись подростки, состоящие на учёте в Инспекции по делам несовершеннолетних при МВД, так называемые «трудные» подростки, из расчёта один подросток примерно на 10-15 бойцов отряда (простому, «нетрудному» подростку попасть в отряд было практически невозможно). По итогам трудового семестра большинство из них снималось с учёта в ИДН, так велика была воспитательная сила студенческого коллектива. Я сам был свидетелем того, как в комитет комсомола УИИ пришли два подростка, которые в прошлом году были сняты с учёта в ИДН после работы в отряде и упрашивали, чтобы их снова взяли в отряд, иначе они разобьют стёкла в киоске, чтобы их поставили на учёт в инспекции. Тогда нам, в виде исключения, удалось договориться с инспекцией, а ребятам удалось осуществить свою мечту. Более 1500 подростков работали в студенческих отрядах республики.

Можно долго рассказывать, что было ещё сделано студенческими отрядами: и про пионерские-лагеря «спутники», и про шефство над родиной первого космонавта – городом Гагариным, и про шефство над ветеранами, и про концерты-лекции, и про, про, про... Добавлю только одно: вся эта работа проводилась ребятами безвозмездно, после их основной работы, по велению души. Вот что значит «душа обязана трудиться»... И это, оказывается, тоже романтика. За эту неоценимую ни в каких единицах работу движение студенческих отрядов стали называть патриотическим.

Советская Родина высоко ценила труд студенческих отрядов: 6492 участника и организатора ССО были награждены орденами и медалями Советского Союза, из них 14 человек из нашей республики. Среди награждённых был и секретарь комитета комсомола УИИ Александр Алексеев. В 1981 году ему была вручена медаль «За трудовую доблесть». А спустя 15 лет Саша сделает свой шаг в бессмертие.

6492 награждённых – это очень много. И это не считая региональных и ведомственных наград. Безусловно, какая-то часть ребят была награждена «авансом», так сказать «на вырост». Но это способствовало поднятию авторитета движения студенческих отрядов, говорило об оценке властью его значимости. На сегодняшний день ни один боец республики не награждён даже грамотой Министерства образования Республики Коми, не говоря о других, более весомых региональных и федеральных наградах. Это тоже показатель, тоже оценка сегодняшней власти.

С первых дней рождения студенческих отрядов республики и по настоящее время я считаю наш региональный студенческий отряд лучшим в России: в 1976 году у нас в СГУ был создан первый в Советском Союзе отряд бортпроводников, в 1982 году мы победили всех в смотре-конкурсе рационализаторской работы, в 1986 году стали лучшим областным студенческим отрядом в СССР, в 1988 году у нас стала выходить стройотрядовская газета «Северный семестр», которая в 1989 году была награждена Почётной грамотой правления Союза журналистов СССР (редактором газеты был Владимир Шаронов). До сих пор мы – единственный региональный студотряд, который издаёт свою газету, и эта газета – «Северный семестр»! У нас почти пять лет работает первый в России музей студенческих отрядов (второй менее года назад открыт в Вологде, но в Вологде, в отличие от нашей республики, его поддерживает региональное правительство). У нас выпущено два из трёх маркированных конвертов Почты России с символикой, посвящённой студенческим отрядам, и проведена процедура их спецгашения. И это всё не хвастовство, это – гордость за содеянное, хотя сделать предстоит ещё больше.

В советское время делалось всё, благодаря чему студенческие отряды могли успешно развиваться и функционировать: была создана отличная правовая база, студенческие отряды были включены в систему государственного планирования, отлаженно работал механизм поощрения. Крупнейшая геополитическая катастрофа в конце прошлого столетия вымела понятие студенческий отряд из общественной, правовой и экономической жизни страны. Но студенческие отряды, как птица Феникс, возрождающаяся из пепла: уже не благодаря, а вопреки сложившейся ситуации, в разных уголках страны нашлись энтузиасты, которые смогли возродить любимое молодёжью движение, и нашлась молодёжь, которая приняла это движение. Она реально существует, эта незримая связь бойцов студенческих отрядов различных поколений. Так, к инициативе ветеранов ССО «Витязь» СГУ отреставрировать памятный знак погибшим красноармейцам в с. Гам присоединились бойцы сыктывкарских отрядов, а встречи в музее студенческих отрядов стали регулярными.

И новые бойцы студенческих отрядов ничуть не хуже ветеранов, они просто немного другие, но и время другое. И работать им приходится в более сложных условиях – я имею в виду не бытовые условия, а среду обитания: отношение власти и принимающих организаций, правовое поле, суженное до трёх предложений в одном законе. Но, что радует, ребята не дают себя сломить и, собираясь вместе на слётах и даже менее пафосных мероприятиях, они всегда воодушевлённо скандируют: «Мы – лучшее движение страны!» И это ещё раз убеждает нас, что самая большая ценность студенческих отрядов – это люди. Люди, которые считают романтикой покорение целины (а целиной сейчас считается трудовой семестр) и ночи у костра, люди, которые вместо Сочи едут в Усинск (вспоминаю старую стройотрядовскую песню на мотив песни из фильма «Вертикаль»: «А можно бы было так не пахать, А с мамой поехать на юг отдыхать, Но мы выбираем только стройотряд...»), люди, которые учатся строить, воспитывать детей, помогать другим людям. Люди, которые завтра станут руководителями страны и республики, которые станут инженерами и учителями. Люди, от которых зависит будущее нашей Отчизны. У каждого из них своя Романтика, каждый из них сегодня поднимает свою Целину. Главное, что, обняв друг друга, они вместе поют:

Пусть говорят, что романтики вымерли,
Пусть говорят, что их нет...
– Есть!
И снова отряды дорогами пыльными
Уходят, чтоб встретить рассвет ...

И, глядя на них, веришь – время Романтиков продолжается!

Открытие выставки «У студентов есть своя планета...» ЦКИ «Югор». 03.10.17 г.

Николай Цхадая

Цхадая Николай Денисович *– ректор Ухтинского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор. Председатель Совета ректоров Республики Коми. Ветеран ССО.*

Командир от первого лица

(Интервью М. Дронова)

МИ-6 мощными волнами разгонял воздух своими упругими лопастями, буквально сдувая с фундамента хлипкий барак УМР-24, в котором расположился штаб зонального студенческого строительного отряда «Северянин» Ухтинского индустриального института. Привлечённые оглушающим гулом двигателей, на крыльцо высыпали все немногочисленные сотрудники управления. Огромный вертолёт завис в полуметре над заболоченной поляной, распростёртой напротив УМР, из него легко выпрыгнул молодой человек в стройотрядовской куртке и, пригибаясь, энергичным шагом направился к двери штаба. Вертолёт ещё несколько секунд повисел над поляной и лениво улетел по своим делам.

Таким необычным образом прибыл в штаб ЗССО «Северянин» командир зонального отряда Николай Цхадая. В 1976 году самолёты в Усинск ещё не летали – студенческий отряд «Бригантина» только начал заливать взлётку, и добраться до посёлка можно было либо перекладными: до Печоры поездом, а затем по воде, либо по воздуху, договорившись в Ухте с вертолётчиками, обслуживающими усинских нефтяников. Зо-

Командир ССО «Гигант» Н. Цхадая зачитывает обращение отряда ко всем студенческим отрядам Коми АССР. Ухта, 1972 г.

нальный отряд дислоцировался в четырёх районах: Усинском, Печорском, Ижемском, Усть-Цилемском; почти все отряды располагались вдалеке от райцентров – размах был тот ещё. Однако спустя три недели почти все командиры линейных отрядов собрались в Усинске на дне рождения своего командира «зоны», безусловно, не только поздравить, но и, как говорится, «сверить часы» – ведь позади была половина трудового семестра, надо было обозначить слабые места, по необходимости запросить помощи штаба, получить последние ЦУ и БЦУ и относительную стройотрядовскую новинку – значки «Ударник Всесоюзного студенческого отряда», которые появились всего три года назад и были ещё в диковинку. Тогда на листе ватмана мы выпустили простенькую стенгазету, посвящённую имениннику.

Восемь лет ты ездишь в стройотряд,
Восемь лет – и где задору взяться!
Мы другим по двадцать шесть даём,
А тебе два раза по тринадцать!

Кстати, в том году ЗССО «Северянин» занял первое место в социалистическом соревновании среди зональных студенческих отрядов Коми АССР.

Мы с Николаем сидим, вспоминая отряды, загибая пальцы на руках. 1969 год, ССО «Прометей», п. Кожва, Печорский район. Строили Кожвинскую базу метанола. Командиром тогда был Саша Перемотин, комиссаром – Гриша Борисенко, Цхадая физоргом... В Национальном архиве Республики Коми сохранился отчёт «Прометея»: «...В воскресенье, 20 июля, футбольная команда нашего отряда провела товарищескую встречу с местной футбольной командой (капитан – Н. Цхадая)... Для поддержания порядка в п. Кожва был создан оперотряд в составе 8 человек (командир – В. Пухальский, члены отряда: А. Панев, Г. Панин, Н. Цхадая, В. Зиборов, В. Седов, О. Катков, А. Кононов). В работу оперотряда входили рейды по посёлку в вечернее время с 19 до 23 часов, дежурство во время танцев в местном ДК. За работу оперотряду была вынесена благодарность».

– А ещё мы каждые выходные играли на танцах в Печоре в местных ДК, один день в ДК речников, другой – в ДК железнодорожников. Валера Болоненко, Вадим Перминов, Саша Горошко, Женя Уюк, мой брат Борис и я играли до часа ночи. А потом, нарушая все правила, по шпалам, через мост, или иногда на лодке, через Печору, добирались домой, в отряд. На танцы приходила вся печорская молодёжь, у них такого отродясь не было. Это были незабываемые дни и для печорцев, и для нас.

На следующий год «Прометей» строил школу и двухквартирные дома из бруса в посёлке Белоборск Усть-Куломского района. Я уже был бригадиром. Наша бригада была лучшей. Я научился работать на трелёвочнике, доставлял лес прямо на пилораму, а оттуда брус прямо на объект. Простоев не было. Недавно побывал в той школе, рассказал директору, как мы её строили. У них сегодня как раз юбилей, я им в подарок отправил огромный телевизор для школы, больше, чем у меня в кабинете.

И в подтверждение этих слов Николая у него зазвонил телефон.

– Да, Олег. Довёз? Ну и как? Собрался весь посёлок? – переспрашивает он, повторяя слова собеседника. И уже обращаясь ко мне: – Вот, довезли телевизор. Вообще, у меня есть желание объехать все наши стройотрядовские объекты. В Усинске бываю часто по долгу службы, а вот в Кослан и Нарьян-Мар надо бы съездить.

– В 1971 году ты был завхозом отряда «Ритм», знаю, у тебя там однажды произошла весёленькая история, когда свинья подложила вам свинью.

– Да, мы с моим другом Валентином Христофоровым везли в отряд тушу свиньи, и вдруг лошадь понесло, туша слетела с телеги и покатилась вниз под гору. Когда мы её изловили, она была чернее бастурмы, мы долго мыли её у колонки с водой. Но ничего, мясо благополучно съели, все остались живы-здоровы. Таких комичных случаев в отрядах было множество.

– Следующие три года ты создаёшь и возглавляешь самый большой в республике студенческий строительный отряд «Гигант». 1972 год – Сыктывкарская птицефабрика, село Выльгорт; 1973 год – Усинск, завод КПД (крупнопанельного домостроения – *М.Д.*)**, дома из бруса для местного ОРСа (отдела рабочего снабжения –** *М.Д.*) **и благоустройство посёлка Возей; 1974 год – Нарьян-Мар, школа, пожводоём, здание РММ (ремонтно-механических мастерских –** *М.Д.*)**.**

– Завхозом тогда был Игорь Кларк, великий музыкант, игравший с Юрием Антоновым, Александром Градским, Евгением Маргулисом. Он впоследствии напишет гимн УГТУ. В Нарьян-Маре у нас была очень сильная агтибригада, я её возглавлял, мы объехали все населённые пункты в округе.

– В «Гиганте» было более ста бойцов, в отряде работали такие личности, как

Заместитель секретаря комитета комсомола Ухтинского индустриального института. Ухта, 1974-75 гг.

Виктор Григорьевич Черников – заведующий кафедрой физвоспитания УИИ, будущий Герой России Александр Алексеев, участник зимних Олимпийских игр в Саппоро Иван Пронин. Как тебе удавалось объединить вокруг себя такое количество людей, в том числе и тех, кто, как Виктор Григорьевич, сами были активными лидерами?

– Многие ребята уже знали меня по работе в других отрядах, ведь среди студентов информация распространяется мгновенно. А кроме того, надо самому верить в то, что ты обещаешь людям. Стоит обмануть один раз – и всё, кредит доверия к тебе будет аннулирован. Быть командиром такого гигантского отряда – это и гигантская ответственность. Прежде всего за жизни людей. Ведь чем больше коллектив, тем труднее осуществлять контроль, многое строится уже на доверии. И потом, главное, зачем едешь в отряд – работа. Необходимо чётко организовать фронт работ, а у большого отряда и масштабы большие, и комиссарская работа. Работа – во главе угла...

«– Работа, говорите? Вмешивается командир, высокий худощавый парень с озабоченными усталыми глазами (ох, нелегка командирская доля!), и неторопливо начинает перечислять объекты. – Три птичника, котельная, теплотрасса, водопровод, отстойник, дороги... Четыре уже сданы. Укладываем в сутки 80 кубометров бетона, работаем в две смены, до полуночи...

Посмотрев все объекты, поговорив со студентами, я понял, почему «Гигант» не «страшится» ежедневных гостей (кстати, недавно в отряде побывал заместитель командира Всесоюзного ССО А. Сердюк и работой остался доволен). Пусть отряд молодой, «старичков-целинников» не наберётся и десятка, и эмблема отряда – великолепный гордый петух, задор у «Гиганта» не петушиный, с наскоком. Чёткая организация, продуманность до мелочей, полное понимание и контакт с руководством СУ-1, самоотверженность ребят в работе. Отряд сильный и «гигантский» замах ему по плечу». Это «Молодёжка» писала о «Гиганте» в 1972 году.

– Говоря о работе отряда на птицефабрике, нельзя не вспомнить бригаду кавказ-

цев под руководством Усмана Азиева, в ней работал отрядный весельчак Сергей Виноградов...

– В 1972 году ты – ещё студент, окончил Ухтинский индустриальный институт только через два года, в 1974. После защиты диплома – в стройотряд, спустя совсем немного времени ты уже заместитель секретаря комитета комсомола Ухтинского индустриального института. Секретарём тогда был Николай Рулёв. Два года ты отдал комсомольской работе. Чем были знаменательны, чем запомнились тебе эти два года?

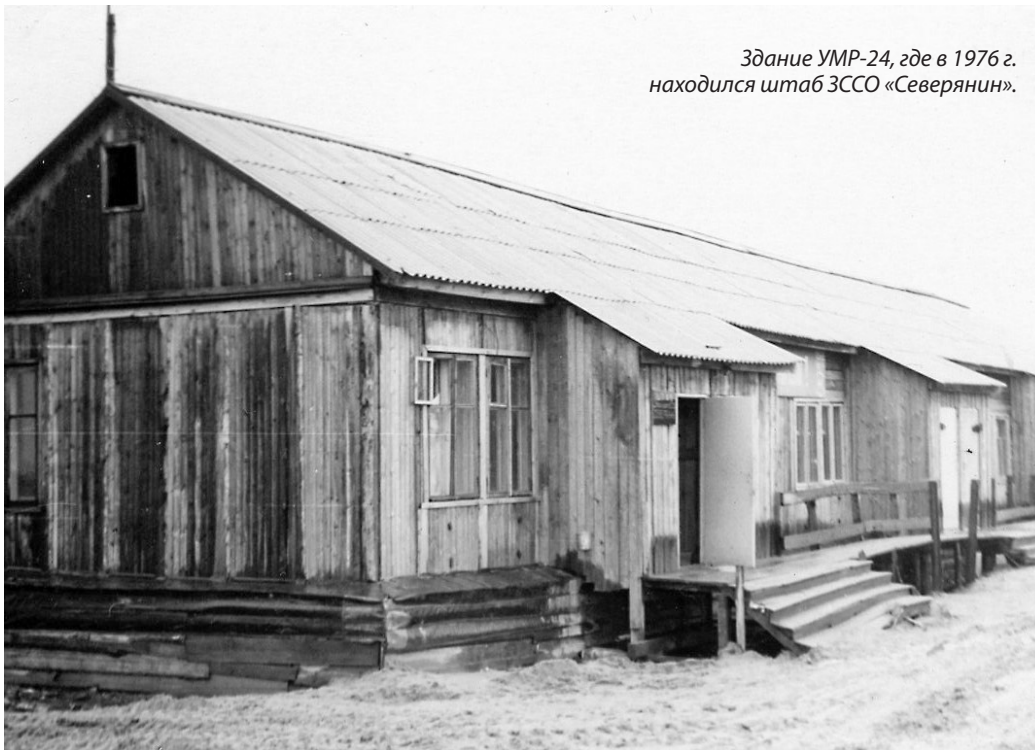
– Это прежде всего обмен комсомольских билетов. Я ведь был заместителем секретаря по организационной работе. Тогда почти все студенты были комсомольцами, через меня весь институт прошёл, со многими тогда познакомился. Супругу свою будущую, Галю, тогда встретил.

– Я помню то время. У меня до сих пор хранится комсомольский билет с твоей подписью. Оставил автограф на всю жизнь.

– А ещё я организовывал выступления различных артистов. К нам тогда приезжали Алла Пугачёва – она тогда ещё не спела своего «Арлекина», и концерт её тогда назывался «Посидим, поокаем...», Гюли Чохели... Зал был полным.

– Почти как на выступлениях СТЭМа.

– СТЭМ – это отдельная тема. Сколько собирал СТЭМ на своих концертах – никто никогда столько не собирал, стояли даже в оконных проёмах.



Здание УМР-24, где в 1976 г. находился штаб ЗССО «Северянин».

– Ты помнишь:

Сегодня в институте вечер ровно в семь.
Сегодня в институте выступает СТЭМ.
Бросайте сигарету, садитесь поскорей.
Для вас играют Выгода, Богдевич и Эпштейн!

– Да, идею студенческого театра эстрадных миниатюр я привёз из зональной школы комсомольского актива в Новгороде. Мне её подарил Михаил Дягилев, он потом станет полномочным представителем Президента России в Новгородской области. Мы с ним иногда созваниваемся.

А стрелка часовая несётся с ветерком,
Мы боремся со страхом, как матадор с быком.
У нас дрожат колени, когда мы здесь стоим.
Для вас играют Саша, Слава и Вадим!

– А как проходили репетиции СТЭМа! Они обычно затягивались до часу ночи. И сонный вахтёр с немым удивлением выпускал запоздалых артистов из института. Это был такой взрыв творческого энтузиазма! Сами придумывали номера, сами ставили. А начинались репетиции обычно с того, что Саша Выгода брал гитару и для разминки запевал негласный гимн УИИ:

Индустриальный институт в Ухте –
Здесь целый выводок грузинов и евреев...

– Эту песню, по-моему, сочинили ВКашники 72-го года. Замечательная сатирическая песня с тончайшим юмором.

Передо мной сейчас не убелённый сединами профессор, а задорный юноша с горящими глазами, словно не было тех сорока с лишним лет...

– Коля, ты был скорее режиссёром СТЭМа, чем актёром. Но собрать, сплотить вокруг себя столько талантливых ребят... Помню, как на одной из репетиций ты с десяток раз прогнал нас по сцене, выясняя, кто фальшивит, исполняя песню, пока не выявил «нарушителей», – это были я и Славка Сорокин. Дальнейшее наше участие в сцене было уже беззвучным. После того, как в 75-ом СТЭМ распался, – многие ребята окончили институт – такого опыта в вузе больше не было. Мы как-то с тобой говорили на эту тему, ты тогда сказал, что не можешь найти человека, который бы смог всё это потянуть.

– Да, для СТЭМа действительно нужен человек с неординарными качествами, и студенты-актёры нужны самобытные, талантливые, с обострённым чувством юмора. На мне в то время «висела» и организация деятельности студенческих отрядов.

– В 1975 году ты возглавил зональный студенческий отряд «Северянин». Тогда же, в 75-ом, ты меня впервые окунул в стройотрядовскую действительность – я по твоей просьбе начал писать в институтскую газету «Политехник» первые материалы о студенческих отрядах, а потом, опять же с твоей лёгкой руки, стал начальником штаба «Северянина». Два года работы в этом качестве позволили мне встретиться с удивительными людьми и обогатиться от них знаниями, по-

лучить уникальный опыт, повлиявший на всю мою оставшуюся жизнь. Это Виктор Григорьевич Черников, Сергей Кузнецов, Николай Ширшов, Евгений Чуприн, Олег Зибрев. С этими людьми ты тоже дружил...

– Да, это были профессионалы и энтузиасты своего дела. А вспомни наших командиров-линейщиков: Володя Нефтик, Игорь Троицкий, Миша Канев, Фёдор Шмидт, Татьяна Канева, Коля Максимов, Витя Кравцов, Володя Савешкин, Вячеслав Емельянов, Михаил Покровский, Валентин Питиримов, Вениамин Рубцов, Энагели Володя – да разве всех перечислишь? Глыбы! А коллеги-«зональщики» из Ленинграда – Виктор Кондратьев, Женя Орлов, Саша Викторов, Валера Зеленский, Миша Куропеев... Время было такое, оно рождало профессионалов.

– Три года ты был командиром «Северянина». В 1976 году ты возглавил студенческий профком, и подготовительный штаб «Северянина» переселился из комитета комсомола в профком. Это ещё раз подтверждает, что центром притяжения людей зачастую является не место, а личность.

Трудовой семестр 1978 года ты провёл в качестве заместителя командира Коми областного студенческого отряда, и твоя ближайшая перспектива была стать его командиром.

– Да, это так, но я не выдержал того объёма бюрократии, с которым пришлось тогда столкнуться. Это была не «линия» и не «зона». Хотя по сравнению с тем, что приходится «перелопачивать» сегодня, тогдашние бюрократические заморочки даже цветочками назвать смешно.

– В 1980 году ты уезжаешь учиться в аспирантуру в МИНХиГП.

– Да, тогда институт возглавил новый ректор, Рассохин Геннадий Васильевич. И учёба была очень кстати. Спустя пять лет, после окончания аспирантуры, я возвращаюсь в родные пенаты уже кандидатом технических наук.

– И ты снова возглавляешь зональный студенческий отряд Ухтинского индустриального института. Только меняешь его название на «Индустриальный». Чем была вызвана смена названия?

– В середине 80-х в студенческих отрядах работало совсем другое поколение студентов. Пришли другие командиры, которые, если честно, хоть и были хорошими ребятами, но были гораздо слабее тех, кто работал в середине семидесятых. У них уже была иная психология, надо помнить, что всё это происходит накануне геополитической катастрофы, – ведь буквально через пять лет будет уничтожена крупнейшая мировая держава – Советский Союз. А раскачивать его начали как раз в эти годы. Да и надо было как-то позиционировать наш индустриальный институт.

– Несмотря на это, ЗСО «Индустриальный» благодаря тебе, твоей энергии всё же оставался в числе лидеров стройотрядовского движения республики.

– Твою поддержку как комиссара областного студенческого отряда тоже не надо умалять.

– С 1997 года ты возглавляешь Ухтинский индустриальный институт. За эти двадцать лет он из рядового, «серенького» вуза превратился в мощнейший технический университет, который объединил все среднетехнические учебные заведения города и даже профильные ПТУ, с филиалами в Воркуте и Усинске, техническим лицеем, десятью учебными корпусами, огромной аудиторной базой, в том числе именными аудиториями, бизнес-инкубатором, единственным в стране учебно-практическим полигоном, на котором представлены все процес-

Командир Коми областного студенческого отряда Г. Шалугин и командир ЗССО «Индустриальный» Н. Цхадая. Усинск, 1985 г.

сы нефтяной и газовой отраслей, от добычи до транспортировки и переработки. Уникальнейший комплекс...

...И снова впереди меня идёт тот самый энергичный молодой человек, который «десантировался» с МИ-6 в далёком уже 1976 году. Вот по его команде заработал макет буровой установки, вот включилась «качалка», вот он рассказывает мне о процессе крекинга, а спустя некоторое время уже с любовью рассказывает о недавно доставленной на полигон подъёмной клети с Ярегского месторождения. Мы проходим в учебно-лабораторный корпус, оснащённый новейшим оборудованием. Николай общается с молодым человеком в белом халате, проводящем какие-то замеры. Потом, оборачиваясь ко мне, говорит: «Иван Киборт, наша гордость. Будущее университета». Затем мы осматриваем макет первого ухтинского стадиона.

– Мы продвигаем проект «Ухта – родина российской нефти», – говорит мой визави, показывая мне макет промысловой избы купца Прядунова. Этот проект чрезвычайно важен для города и республики, чтобы у наших людей и тех, кто сейчас стоит во главе нефтяной отрасли России, было понятие, откуда «ноги растут».

Тут же, рядом с полигоном, новое студенческое общежитие и новейший студенческий спортивный комплекс с бассейном, тренажёрными залами, сауной...

– А ещё сегодня у нас проходят Всероссийские соревнования по хип-хопу и черлидингу, давай заедем.

И везде, куда бы мы ни приехали, он и хозяин, и желанный гость, он во всё вникает, ему до всего есть дело.

– Коля, во многом благодаря тебе в университете, да и в республике возродилось стройотрядовское движение, и даже региональный штаб студенческих отрядов находится в Ухтинском государственном техническом университете. Ты принимаешь участие во всех отрядных мероприятиях и, как председатель Совета ректоров республики, воздействуешь на них личным примером. Это твоя нигде не прописанная специфическая функция. Ты продолжаешь, как командир, быть впереди. «Мы всегда рассматривали работу в студенческих отрядах не просто как предоставляемую студентам возможность заработать, но, прежде всего, как школу личностного роста. И тот факт, что после долгой стагнации стройотрядовское движение в стране возрождается, внушает мне оптимизм и веру в то, что за годы социальных катаклизмов мы нашу молодёжь всё-таки не потеряли». Это цитата из газеты «Республика» за январь 2014 года. Но вспомни, в конце 90-х, когда ты только возглавил институт, я приезжал в него с коллегой, Ваней Щеблыкиным, мы встречались со студентами по вопросу возрождения студенческих отрядов, и тогда ты был чрезвычайно против этого. Почему?

– Время тогда было непонятное, не время, а безвременье. Отсутствие всяческой идеологии, только стремление выжить, сохранить имеющуюся базу. Тогда казалось, что стройотряды – это хоть и хорошее, но далёкое прошлое. К счастью, я ошибался.

– «...все профессиональные знания, умения, навыки, полученные вами в процессе работы, ваше трудолюбие, ответственность, «чувство локтя», укрепившееся во время трудового семестра, – всё это пополняет главный капитал нашей республики, капитал человеческий, без которого само по себе богатство недр значит очень немного». Это уже наша студотрядовская газета «Северный семестр» за октябрь 2016 года.

– Полностью подписываюсь под этими словами и сегодня. Опыт работы в студенческих отрядах неоценим. Я даже представить не могу, как бы я руководил многотысячным коллективом студентов и сотрудников, не будь в моей судьбе опыта работы в студенческих отрядах. Да что я – возьмите Президента России – свою трудовую закалку он получал именно в студенческом отряде в Коми АССР! Я бы всех современных чиновников пропустил через стройотряд – там бы точно выяснилось, кто чего стоит. И уж лучше там, чем в других местах.

– Ты, вероятно, вспоминаешь историю десятилетней давности, когда власть предержащие пытались уничтожить университет, завладеть его имуществом.

– Бог им всем судья, он всё расставил по своим местам. Оказывалось страшнейшее психологическое, моральное и политическое давление. Наверное, десяток лет жизни унесло это непростое время. Просто отголосок 37-го года. Очень мне помог тогда бывший Генеральный директор ОАО «Севергазпром» Богдан Владимирович Будзуляк... Низкий ему поклон и самые наилучшие пожелания.

– Но ведь не только тебе помогали люди. Ухтинский университет – читай Николай Цхадая – всегда был покровителем, т.е. дающим кров самым выдающимся людям республики, непризнанным или по каким-либо причинам попавшим в опалу власти: Наталья Вулих, Юрий Спиридонов, Василий Кузнецов, Мария Кузьбожева, Надежда Мирошниченко...

– Миша, а ты бы на моём месте поступил иначе? Ты же понимаешь, что это – поли-

тическая и культурная элита нашей республики, таких людей можно пересчитать по пальцам, ими нельзя разбрасываться. Только сиюминутная выгода или обычная «чинушья» недальновидность могут допустить такое развитие событий. Я просто исправлял эти ошибки. Ведь у меня есть административная возможность, гражданская ответственность и человеческое желание.

– Николай, мы знакомы почти 45 лет. Это если не вся сознательная жизнь, то большая её часть. Что для тебя главное в этой жизни, кроме Университета?

– Конечно, семья. Мой папа был директором школы в городе Душети, в Грузии. Его, как и миллионы советских граждан, незаконно репрессировали в 37-м, сослали к нам в республику, в Ухталаг, на Доманик. Дали «стандартную» десятку. После освобождения он остался сначала на Доманике, где, кстати, и подружились с Юрием Алексеевичем Спиридоновым, он работал там инженером. Эта дружба сохранилась у нас на всю жизнь. Потом папу реабилитировали, сообщили, что он может вернуться домой, в Грузию. Помню, как мы приехали в Тбилиси, было раннее утро, мы шли по спящим улицам, потом пришли к какому-то дому. Он оставил меня сидеть на улице, на чемодане, а сам через какой-то тайный лаз проник во двор. Потом проснулся весь дом, меня забрали с улицы. Какой тут начался праздник! Столы накрыли прямо во дворе... Папе дали квартиру в Тбилиси, но здоровье ему уже не позволяло жить в Грузии, и мы вернулись в Коми АССР. Я потом отремонтировал класс, в котором преподавал папа в школе в Душети... Это и мама, которая всю жизнь заботилась о нас с братом. Она хорошо шила, и много лет я и мои друзья ходили в костюмах, которые сшила моя мама.

Персики собирать, это не брёвна ворочать. ССО «Северянин», Болгария, 1988 г.

– Я даже хорошо помню тот фиолетовый пиджак, в котором ты проходил почти все семидесятые...

– Да, жили мы, как и большинство наших сограждан, совсем не богато, но ведь это, согласись, было не главное.

Потом Галя, моя жена, твоя одноклассница. Сказать, что это тыл – ничего не сказать. Это и советчик, и успокоитель, и успокоительное. Часто она приводит меня в чувство, возвращает к действительности. Ну, и конечно, наше продолжение, наши

дети и внуки. Самое близкое и святое... Все мысли о том, чтобы у них всё в жизни было хорошо, правильно.

– И, конечно, что такое Университет? Что он для тебя? Я помню, как ещё в 1974 или 1975 году ты сказал на одной из репетиций СТЭМа, что будешь ректором этого института. Тогда все стэмовцы над тобой посмеялись, и только я сказал, что ты, если очень сильно захочешь, сможешь стать им. Судя по всему, захотел ты очень сильно.

– Вся моя сознательная жизнь связана сначала с Ухтинским индустриальным институтом, затем с Ухтинским государственным техническим университетом. Но не так важно, что Университет для меня, гораздо важнее, что он значит для региона. В своё время Михаил Ломоносов говорил, что Россия будет прирастать Сибирью, и так оно и стало. Сейчас понятно, что современная Россия будет прирастать шельфом Ледовитого океана. И осваивать его придётся прежде всего нам, нашей республике. А для этого необходимы грамотные профессиональные кадры, необходимо возродить инженерное образование, необходимо возобновить подготовку технических специалистов и квалифицированных рабочих кадров: сварщиков, каменщиков, механизаторов, буровиков, строителей и многие другие. И решать эти вопросы в регионе будет именно Ухтинский университет, не в обиду нашим коллегам из столицы. Ведь не юристы и филологи будут осваивать новые земли, строить новые производства. Без них, конечно, тоже не обойтись. Но первопроходцами всегда выступают те, кто создаёт новое производство, осваивает новые земли. Поэтому без Ухтинского университета нашей республике жизни нет. И очень жаль, что есть у нас ещё люди, от которых зависят многие принимаемые решения, но которые не могут понять такой простой Истины. Но время – судья неподкупный, оно всё расставит на свои места.

– Николай, ты прозорливо сказал о перспективах Ухтинского университета. Я же в завершение нашего разговора хочу напомнить посвящённые тебе стихи величайшего Поэта и Гражданина Надежды Мирошниченко.

ДРУГУ

Коля, они всё равно не поймут самого главного.
Будут заслуги твои считать, копейки, промахи.
Будут тянуть тебя к тёплой своей гавани.
Но не бывает там парусников и черёмухи.

Коля, а мама твоя всё боялась страшного,
Чтоб не убили мальчиков
просто так, спроста.
И с опасеньем смотрела она на каждого.
Даже потом, «после достижения возраста».

Ты у неё научился добру и совести.
А у отца несгибаемости и мужеству.
Коля, и я не встречала печальней повести,
Чем твоей мамы радостное замужество.

Коля, мужчины с делом навек повязаны.
Вот ты и взялся за дело за настоящее.
Жимолость и жалость – про это ещё не сказано –
Есть что-то общее в них и щемящее.

Как вы поёте с братом в минуты редкие!
Кто поёт лучше – не скажешь. Какая разница?!
В эти минуты черёмухи белой веткою
Жизнь твоя, Коля, цветёт, и блазнит, и дразнится.

Коля, а жалость – она ни к чему, но она, как жимолость,
Трогает сердце своею печалью блеклою.
Обе они бабы, вот и пристают: скажи, мол, мне,
Что это ты не конкретно так, а вокруг да около.

Коля, ты, Коля – садовая голова.
И без садов тебе выпало много славного.
Что-то закончились в песенке вдруг слова.
Коля, они всё равно не поймут самого главного.

– Ты знаешь, Коля, я всё время позиционирую тебя с Командиром: студенческого отряда, комитета комсомола, студенческого профкома, Университета, Совета ректоров… А вот наш Поэт Надежда Мирошниченко видит в тебе Капитана:

Я тебе верю, как верят товарищу.
С кем – и в разведку. И в путь.
Только уж ты не меняйся, пожалуйста.
В дружбе ведь главное – суть.
Да, Капитан, твой корабль не заклинило.
Твой универ на ходу.
Вот мне и нравится звать вас по имени
Общему – УГТУ.

Но кем бы мы тебя не представляли – Командиром или Капитаном, наш дорогой Человек, пусть всё у тебя получается. Пусть твои непотопляемые корабли – Семья и Университет – свершают своё долгое и счастливое плавание.

Удачи тебе, Коля!

Гио Джиоев

Гио Джиоев, известный как «Гио ПиКа», сегодня является единственным представителем «андеграунда» из Коми, которого знают абсолютно все слушатели или любители отечественного рэпа. Исполнитель «тюремного рэпа» и лидер объединения «Сыктывкар Underground» собирает площадки всех крупных городов России, а его голос известен каждому, кто интересуется творчеством уличной и криминальной тематики.

Гио ПиКа:

«Субкультурная музыка – это в целом уличный посыл, и разделять её не стоит»

Трэки от Гио ПиКи – это злой голос улиц, грязный, самобытный, но мощный и внушительный. Его не признаёт «официальная культура» Сыктывкара и Республики Коми, но разве это проблема для исполнителя, тексты которого слышат все подворотни и тюрьмы России… Можно ли не признать человека, чьи видеоклипы и релизы с молниеносной скоростью начинают распространяться в интернете, набирая просмотры и репосты?

– Гио, привет! В первом вопросе я хотел бы затронуть тему сегодняшней «андеграундной сцены» и «официальной культуры». В СССР, к примеру, была официальная культура и так называемый «неформат» в виде рока или диссидентов. Сейчас, на твой взгляд, что поменялось, что происходит? Кем ты ощущаешь себя, диссидентом, свободным поэтом, плывущим по течению, или борцом?

– Касательно андеграундного посыла

в Советском Союзе, разумеется, в то время было много закрытой тематики, сегодня, наверное, тоже такое есть. Просто сейчас чуть больше возможностей для распространения творчества, не важно, через интернет или через прессу. Но я себя ни диссидентом, ни борцом не ощущаю. Я – артист, может быть, определённого жанра, но это не борьба – это музыка.

– Если говорить о прошлом «уличного искусства», то «голосом улиц» был рок. Рэп и хип-хоп в тех же «девяностых» были довольно гламурным явлением, если рассматривать направление в целом. Как считаешь, почему произошла такая перемена местами?

– Если говорить о перемене мест этих направлений, то мне кажется, тут тенденции времени. Когда рок был голосом улиц, рэпа не было. Рэпу всего 45-50 лет, как жанру. Сейчас есть какие-то новые течения и школы, которые могут войти в моду. Я думаю, что субкультурная музыка – это в целом уличный посыл, и разделять на «рэп» и «рок» её не стоит.

– Я думаю, что объединение «КомиКрайм» представляет весь сегмент республиканского «андеграунда». Кто сегодня состоит в объединении? Это сыктывкарцы или музыканты со всей Коми?

– Объединение «КомиКрайм» состоит из нескольких человек. «Сова», Игорь Поляков («Дрозд»), Кирилл Мухрыгин («Шмель»), Юрий Торопов. В общем, в команде все люди, которые участвуют в создании трэков «КомиКрайм» от обложки до вывода звука. Основной сегмент представляем я, «Дрозд» и «Шмель», который отвечает за звук. Сейчас у него есть свои дела и проблемы, но скоро он вернётся в наши ряды.

– Насколько знаю, ты из семьи му-

зыкальной, то есть разбираешься в музыке. Если взять хип-хоп, как грязный и уличный, даже тюремный жанр, то почему ты выбрал именно это направление? Почему не шансон, к примеру?

– Не знаю, почему выбрал этот стиль, просто слушал, и мне нравилось. Да, я из семьи музыкантов, но когда появилось такое явление, как «русский рэп», я начал в него вникать. А именно тюремное направление выбрал, потому что с детства интересуюсь тематикой ГУЛага.

– Если возвращаться в ту же субкультурную плоскость, то между любителями рэпа и рока в своё время была довольно жёсткая конфронтация. У тебя, как у представителя «КомиКрайма», есть какое-то деление на «своих» и «чужих»?

– Никакого деления на «своих» и «чужих» нет, помню, однажды нас пригласили на байк-фест. Мы тогда неплохо выступили, нас тепло встретили на рок-фестивале, поэтому говорить о «своих» и «чужих» не приходится. Все, кто любит нашу музыку, – добро пожаловать, все, кому мы не нравимся, тоже не хворать, как говорится.

– Несколько лет назад был в моде «правый хип-хоп» и так называемый «ЗОЖ-рэп». Наверняка, знаешь, кто такой Миша Маваши, сибиряки «ГРОТ» и «25/17». Как к ним относишься в плане творчества и взглядов?

– Да нормально отношусь к любой тематике, кроме отдельных моментов. Что касается «ЗОЖ-рэпа», лично я не слушаю, но не вижу в этом ничего плохого. Даже сказал бы наоборот: хорошо, что ребята пропагандируют здоровую нацию.

– О твоём творчестве я узнал от рок-барда Бранимира. Он очень восхищался северным шаманизмом в твоих работах. Действительно, если прислушаться, то много коми этнических образов можно найти. Насколько ты знаком с мифами Коми края?

– Я бы не сказал, что очень глубоко знаком с мифами и легендами Коми края, но познания есть. Что-то читал сам, что-то рассказывали, и это всё как-то впечатлило. Да и вообще соглашусь, что в республике Коми есть какой-то свой шаманизм.

– Не раз в интервью ты упоминал, что изучаешь историю ГУЛага. В целом, как относишься к советскому периоду истории? Сейчас лучше или, скажем, до перестройки?

– Не знаю, как и ответить... А в этой стране простому человеку было когда-

нибудь лучше? Если перечитать историю России, то, по-моему, лучше в этой стране не было никогда.

– Кстати, как к Солженицыну относишься? Его биография и книги, его «сотрудничество с администрацией», эмиграция и заявления, оправдывающие любые методы борьбы с СССР, мягко скажем, противоречивы...

– К Солженицыну, я бы сказал, отношусь прохладно. Не считаю его мастером жанра, в литературе есть намного интереснее авторы, просто не столько распиаренные. А.И. Солженицын достаточно сильно разрекламирован, но есть публицисты и авторы намного круче, которые написали свои мемуары. Те же Косымов, Волков... А Солженицын, на мой взгляд, это раскрученный бренд. Мне больше нравится Варлам Шаламов.

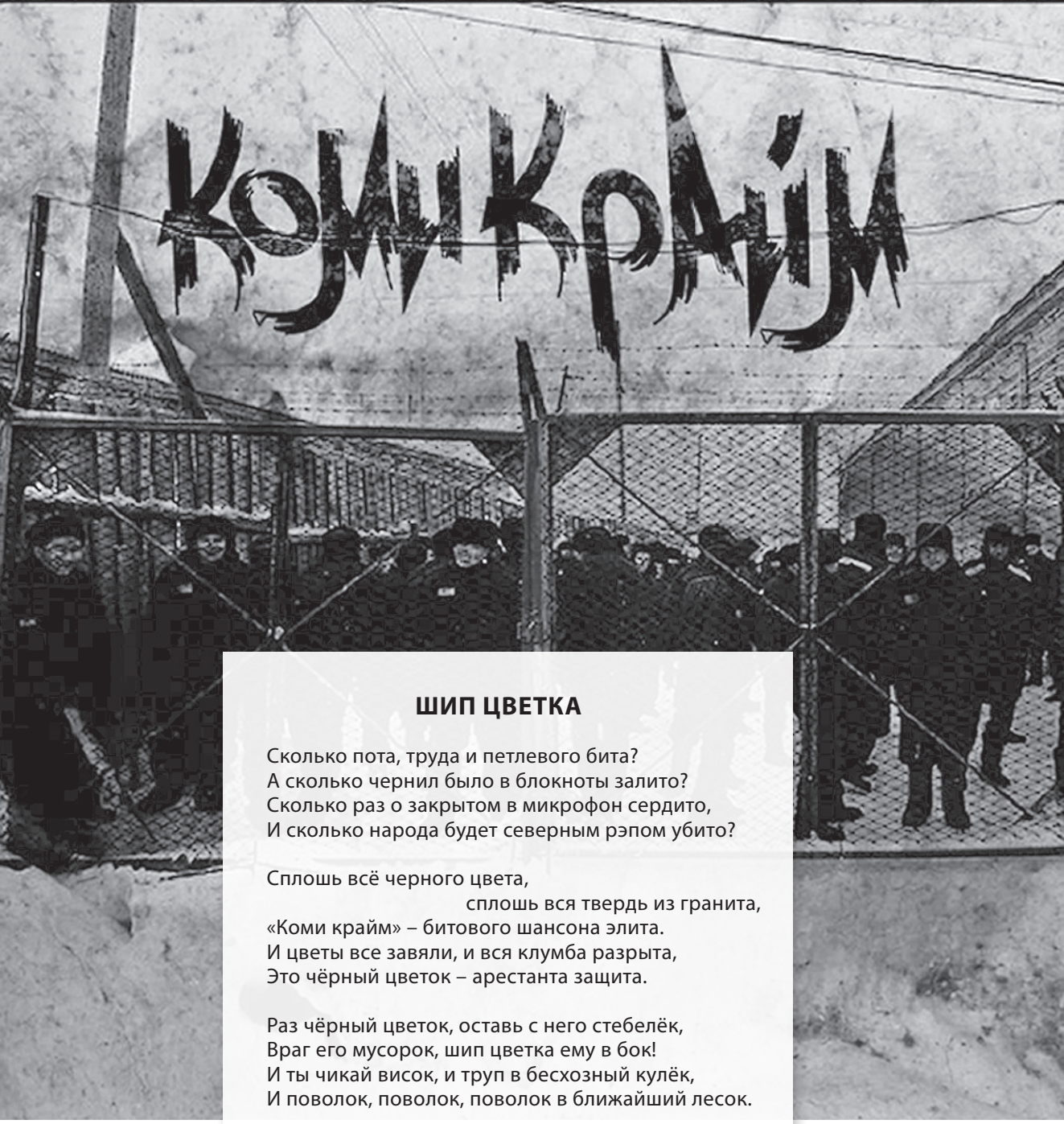
– Какой смысл для тебя имеет понятие «Родина»? Есть ли у неё границы или другие категории измерения?

– Очень хороший вопрос для человека, который по полгода живёт в каждом городе. Наверное, за всю жизнь мало пожил в одном месте, хотя в Коми я достаточно долго находился. У меня несколько понятий слова «родина», но не в смысловом значении, а понятий в плане городов. Есть основная родина, есть малая родина, есть творческая родина... Тут и Сыктывкар, и Екатеринбург, и Цхинвал, и Тбилиси, и Владикавказ, и Санкт-Петербург. Вот как-то так обстоят дела с «родиной».

– Недавно вышел твой клип «Штрафной батальон», посвящённый Великой Отечественной войне. Насколько знаю, отношение среди заключённых к участию в войне было неоднозначным, и кто-то из заключённых предпочитал советской власти победу немцев. Вот, у тебя какое мнение по этому вопросу?

– Военная тематика мне тоже интересна, «Хроники штрафбат» – это интересная работа из темы хроник. Согласен с тем, что многие зэки из политзаключённых были против советской власти. Хорошо, что вы задали этот вопрос после «родины». Видимо, было всё же понятие такое. Кому-то было неприятно, что на его земле хозяйничают чужие, и поднимались за своё родное. Наверное, как-то так... Да, кстати, их потом не очень встречали в лагерях, вследствие чего началось великое противостояние, известное как «сучья война». Но это уже совсем другая история.

Беседовал Андрей ФЕТИСОВ.



ШИП ЦВЕТКА

Сколько пота, труда и петлевого бита?
А сколько чернил было в блокноты залито?
Сколько раз о закрытом в микрофон сердито,
И сколько народа будет северным рэпом убито?

Сплошь всё черного цвета,
сплошь вся твердь из гранита,
«Коми крайм» – битового шансона элита.
И цветы все завяли, и вся клумба разрыта,
Это чёрный цветок – арестанта защита.

Раз чёрный цветок, оставь с него стебелёк,
Враг его мусорок, шип цветка ему в бок!
И ты чикай висок, и труп в бесхозный кулёк,
И поволок, поволок, поволок в ближайший лесок.

А там, где в проволоке вся тайга,
бойся, бойся чёрного цветка,
А здесь чёрным кругом и тайга, и река,
бойся, бойся чёрного цветка.

А там, где в проволоке вся тайга,
бойся, бойся чёрного цветка,
А здесь чёрным кругом и река, и рука,
бойся, бойся чёрного цветка.

АД-КОЛЫМА

Ад-Колыма – мир кривых зеркал,
опадало небо серое белым-белым снегом,
серым волком выл, да по лесам петлял,
и сиял оскал его белее того снега!
Ад-Колыма – мир кривых зеркал,
опадало небо серое белым-белым снегом,
серым волком выл, да по лесам петлял,
и сиял оскал его белее того снега!
Баркал дал и сразу с корабля на бал,
А всю печаль собрал в кулак,
И так до каждого рассвета.
Не купил, – но крал, не кусал, – но жрал,
И сияло всё нутро, горело ясным-ясным светом.
Руки ночью малы, и руда и кристалл,
И вся злоба мусоров, но плевал на все запреты.
Суд вошёл, я не встал, и централ и вокзал,
Но везде едину кладь, всё красим чёрным, чёрным цветом.
Ад-Колыма – мир кривых зеркал,
опадало небо серое белым-белым снегом,
серым волком выл, да по лесам петлял,
и сиял оскал его белее того снега!
Весь ад Колымы, весь жар и накал,
Вся ложь и правда, всё добро и зло,
Все духи того света!
И свинец, и металл, и расстрел, и подвал,
И вся кровь из вен наружу на пол красным, красным цветом.
Где найти столько сил, и где собрать столько скал,
Где искать приют зэка вне закона человеку,
Где почище воздух и почистая вода
Отражают небо в себе синим, синим цветом...
Ад-Колыма – мир кривых зеркал,
опадало небо серое белым-белым снегом,
серым волком выл, да по лесам петлял,
и сиял оскал его белее того снега!

ЧЁРНЫЙ ДЕЛЬФИН

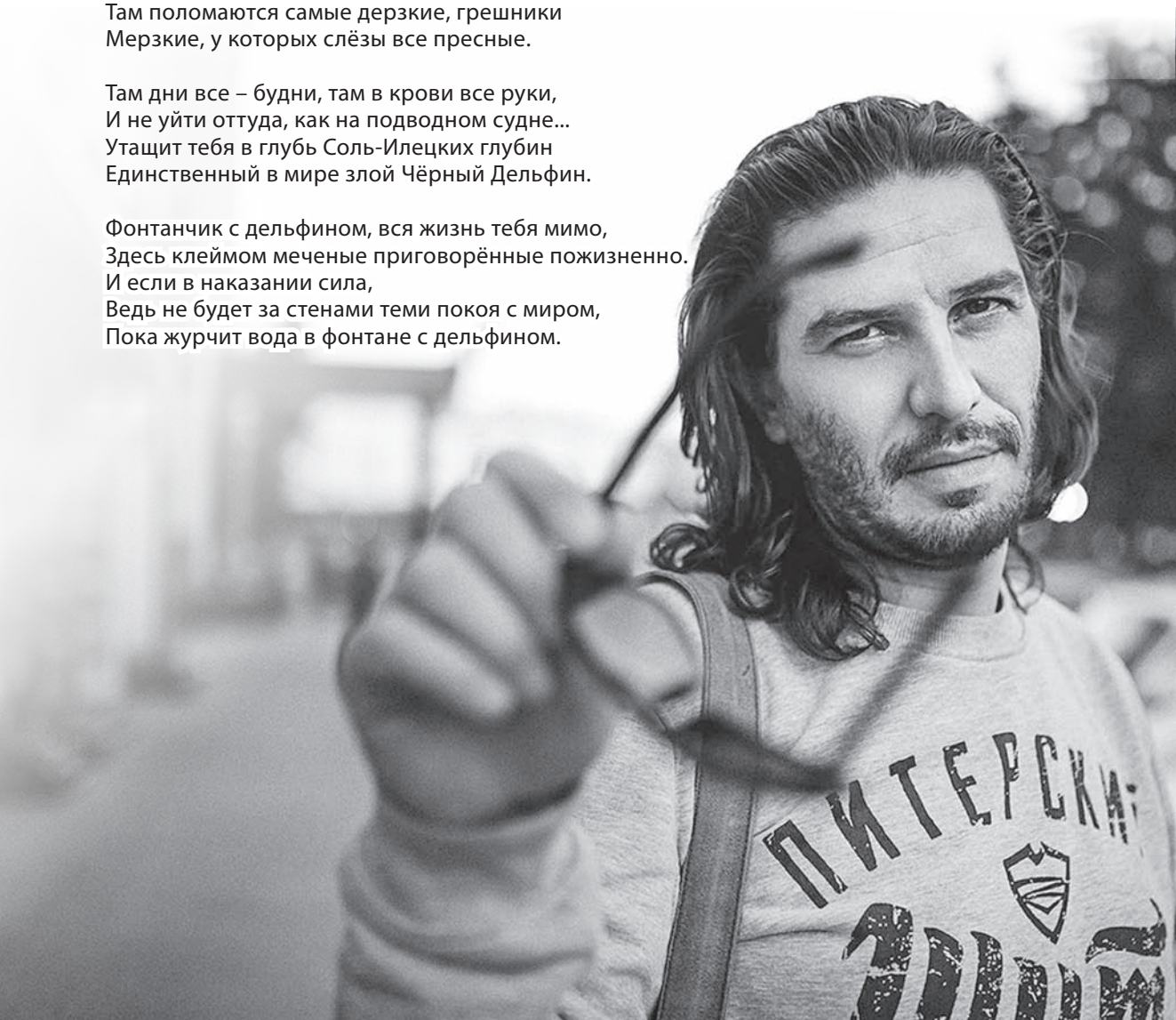
А есть под Оренбургом фонтанчик с чёрным дельфином,
И в жизни видеть лишь раз его доводилось
Всем тем, кто проходили его мимо.
Фонтанчик с чёрным дельфином.

Представьте, браты, что есть стены у дельфинов,
Коридоры длинные, окна решётка, литвина,
И люди спинами кверху, ну, как дельфины,
В вечном плавании за деяния злые.

Там не принято считать дни, считать годы,
И нет звонка второго, вестника свободы.
Там поломаются самые дерзкие, грешники
Мерзкие, у которых слёзы все пресные.

Там дни все – будни, там в крови все руки,
И не уйти оттуда, как на подводном судне...
Утащит тебя в глубь Соль-Илецких глубин
Единственный в мире злой Чёрный Дельфин.

Фонтанчик с дельфином, вся жизнь тебя мимо,
Здесь клеймом меченые приговорённые пожизненно.
И если в наказании сила,
Ведь не будет за стенами теми покоя с миром,
Пока журчит вода в фонтане с дельфином.



Алексей Фролов

Родился в 1979 году в Сыктывкаре. Писать стихи и рассказы начал с 1996 года. В 2001 году окончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Автор сборника стихов и рассказов «За гранью грань». Публиковался в ежегодном сборнике стихотворений Гимназии им. А.С. Пушкина, литературном альманахе «Белый бор», сборнике православной поэзии Сыктывкарской и Воркутинской епархии «Живу с тоской исповедальной». В 2005 году выпустил авторский диск с книжкой стихов и песен «Песочные часы». С 2006 года руководит клубом авторской песни Коми государственного пединститута. В 2008 году стал одним из авторов сборника стихов и прозы молодых авторов Коми «Простые вопросы». Лауреат и дипломант различных всероссийских республиканских фестивалей авторской песни, а также дипломант Международного литературного конкурса «Золотой пегас» (Хорватия).

«Полосатые мосты» авторской песни

Сентябрьским вечером 2006 года раздался внезапный телефонный звонок. Нажал кнопку приёма и услышал незнакомый женский голос: «Алексей Алексеевич, не хотите ли принять на себя руководство клубом авторской песни Коми государственного пединститута?» Звонила Вита Фёдоровна Поберезкая, педагог, руководивший на тот момент творческим объединением студентов, занимающихся авторской песней в рамках обучения на факультете дополнительных педагогических профессий. Она объяснила, что уже второй год ведёт объединение, но по причине большой нагрузки по работе больше не может этого делать, а меня в качестве кандидата присоветовали местные исполнители бардовской песни. К тому времени я уже был довольно хорошо известен среди них как автор песен собственного сочинения.

Сказать, что предложение вести клуб застало меня врасплох, будет явно недостаточно. Я не чувствовал себя готовым к такой деятельности: опыт по обучению игре на гитаре у меня был эпизодическим, а вот по вокалу и вовсе отсутствовал. Я вообще был убеждён, что для того рода деятельности нужно, как минимум, базовое музыкальное образование. Я же самоучка, даже нот не знаю. Помогла принять решение супруга Наталия: «Хотя бы попробуй, если предлагают. А потом уже будешь решать: твоё – не твоё...»

«Полосатый» клуб за кулисами, КГПИ, 2008 г.

Выступление в Музее КГПИ перед ветеранами, 2007 г.

И вот прошло уже 12 лет, а я до сих пор пробую. Сложилось так, что пять лет назад даже сам институт уже перестал существовать как самостоятельный вуз, но когда я сказал студентам о закрытии клуба, они сразу предложили альтернативу – стать городским открытым клубом. Так и произошло. Из-под крыла родной Альма Матер клуб перебрался в Национальную библиотеку РК, сохранив своё прежнее весёлое студенческое название «Зебра». Когда меня спрашивают о том, почему именно «Зебра», я вспоминаю историю о том, как на второй учебный год существования творческого объединения под моим руководством декан факультета дополнительных педагогических профессий Любовь Николаевна Оникул распорядилась разработать Положение о клубе и придумать ему название. Я предложил своим воспитанникам сделать это самим:

– Наш клуб будет называться «Зебра»! – ответили они.

– Почему «Зебра»? – удивлённо спросил я.

– Потому что «Жираф» уже занят...

Для самого себя я, конечно, вывел более глубокое символическое значение.

Полосатые, как жизнь, всесильные мосты!
Здесь нет случайных тем,
здесь правила просты,
Здесь важно выбрать цель,
куда летит стрела,
Чтобы зебра и здесь поперёк была.

Начинать образовательную деятельность действительно было непросто. Пожалуй, самым сложным стало отнюдь не научить приёмам игры на гитаре или пению, самым сложным оказалось побороть страх ребят выходить на сцену. И я учился вместе с ними, как этот страх преодолевать. Нашлись свои педагогические приёмы, простые для исполнения песни плюс совместное хоровое выступление.

Редкие мероприятия пединститута стали обходиться без участия коллектива «Зебры». Практически каждый праздник, встреча, от-

Староста клуба Ольга Лоханько.

Первый успех. Юлия Лесникова получает Диплом Республиканского фестиваля «Студенческая весна», г. Ухта, 2007 г.

Выступление семейного дуэта Наталии и Алексея Фроловых в Литературном музее им. И.А. Куратова, 2013 г.

Группа «Зильган» на прослушивании. Всероссийский фестиваль «Гринландия», с.Башарово Кировской области, 2017 г.

крытие, презентация, конкурс сопровождались песнями в его исполнении. Помимо концертных выступлений важное место в жизни клуба всегда занимали ежегодные выезды на фестивали авторской песни: городской «Сыктывкарские костры», республиканские в г. Ухта, «Свежий ветер» (г. Печора), всероссийские «Второй канал» (г. Серпухов Московской обл.), «Гринландия» (с. Башарово Кировской обл.), Грушинский (Самарская обл.). Клуб «Зебра» дорос до своих вершин. Творческая деятельность клуба получила высшую оценку мастерства на республиканских конкурсах «Муза отечества» и «Студенческая весна», республиканского конкурса авторской песни в г. Ухта. Пожалуй, самым большим достижением для нас стал диплом в номинации «исполнители» Всероссийского фестиваля «Гринландия». Его получила воспитанница клуба и первая его староста Ольга Лоханько.

Можно сказать, что руководство клубом стало очередной ступенью моего личного творческого пути. Работа с коллективом над песнями, аранжировки – всё это стало подготовкой для следующего шага, организации в 2013 году своей музыкальной группы. Своё имя «Зильган» она получила по названию исполненной песни. В переводе с коми «зильган» означает «звенящий». Этим словом в коми языке обозначается также музыкальный инструмент, известный в России под названием варган или камус. В то

же время это часть моего родового имени «Зильган Сор» (Звенящий Ручей), доставшегося мне от матери. Творческим основанием группе послужил наш семейный дуэт с Наталией Фроловой, к которому присоединился воспитанник её клуба авторской песни при Педагогическом колледже им. И.А. Куратова «Изюм» – отличный инструменталист и аранжировщик Евгений Харитонов. Чуть позже в группу вошёл выпускник клуба любителей авторской песни Гимназии им. А.С. Пушкина под руководством Ирины Коновой Иван Кучеренко. В 2016 году группа стала лауреатом Всероссийского фестиваля авторской песни «Гринландия», победив среди других ансамблей с моей авторской композицией «На печи».

Будущее клуба «Зебра» в ближайшем концертном сезоне связано с деятельностью отдела искусств Национальной библиотеки РК. Большой читальный зал библиотеки стал постоянной площадкой для выступлений бардов города и участников клуба.

Однажды какой-то член очередного жюри сказал мне, что в каждой песне должна быть своя «фишка». «Фишкой» клуба «Зебра» стал тот факт, что для нас неважно, насколько человек профессионален в исполнительском мастерстве. Я рад, что «зебрята» не рвутся за дипломами, для них внешняя оценка не становится первостепенным мотивом. Клуб – это, во-первых, общение, взаимная заинтересованность, радость от совместного творчества.

Участники клуба «Зебра» на закрытии XI концертного сезона в Национальной библиотеке РК, 2018 г.

Живая музыка над Вычегдой

Каждый год в Республике Коми проходит множество праздников и фестивалей. Интересный молодёжный проект под общим девизом «Бӧрйы АС ТУЙ» (Выбери свою дорогу) объединил 13-15 июля 2018 года в местечке «Педӧр Ёгор» близ села Помоздино Усть-Куломского района участников межрегионального семинара для бардов «Шылад» (Мелодия), межрайонного молодёжного образовательного форума «Калейдоскоп-2018», велопробега «Ас туй» (Свой путь), межрегионального фестиваля живой музыки «Ва берд» (Водная гладь) и VII межрайонного турнира по верхневычегодской борьбе «Зумыд ош» (Сильный медведь).

Идея соединения двух направлений творчества – спорта и музыки – возникла семь лет назад у Александра Глуханича и Александра Шебырева. В основе – духовная культура народа коми, связь человека и природы. Автор верхневычегодской борьбы «Зумыд ош» Александр Глуханич на основе коми преданий, знания восточных единоборств и охотничьих обычаев коми создал концепцию и правила турнира, состоящего из двух частей: «Ён морт» (Сильный человек) и «Ош тыш» (Бой медведей). «Ён морт» – это многоборье, комплекс упражнений с этническим характером. Каждому участнику подбираются свои задания с учётом возраста и весовой категории, например, «чунь крук», «мыр перйӧм», «из шыбитӧм», «кыдз копыртӧм». Прошедшие первый тур могут претендовать на чемпионский пояс, для этого нужно три раза подряд вытолкнуть трёх соперников за очерченный круг или положить на лопатки. «Ош тыш» проверяет участника на выносливость, точно так же, как и наша Парма отдаёт свою добычу только самому упорному, ловкому и сильному духом охотнику.

Пока девушки и юноши из Усть-Куломского, Корткеросского, Сыктывдинского районов и города Сыктывкара боролись за звание «Зумыд ош», на сцене своё творчество демонстрировали участники фестиваля «Ва берд». В этом году благодаря поддержке Министерства национальной политики Республики Коми фестиваль получил «межрегиональный» статус. Среди конкурсантов были представители не только нашей республики, но и гость из Марий Эл.

«Ва берд» – фестиваль живой музыки, ориентированный на популяризацию авторских композиций. Главное отличие фестиваля, вложенное идейным вдохновителем Александром Шебыревым, от других бардовских конкурсных встреч – это Гран-при, который вручается с учётом зрительских симпатий и только за песню, исполненную на коми языке. Фестиваль включает в себя музыкальный марафон «Шылада туй» (Дорога музыки) и конкурсную программу «Ва берд». «Шылада туй» проводится в формате «открытого микрофона»: каждый желающий может продемонстрировать своё музыкальное творчество. В конкурсной программе на суд жюри 10 участников представили по две композиции. Члены жюри при подведении итогов учитывали содержание, присутствие поэзии музыки, оригинальность, культуру исполнения, мастерство и артистичность исполнителей.

Победителем в номинации «Лучшее исполнение песни на одном из языков народов России» стал Геннадий Григорьев (г. Йошкар-Ола), «Лучшая авторская песня

на русском языке» прозвучала в исполнении Алексея Фролова (г. Сыктывкар), Дмитрий Филиппов (с. Помоздино Усть-Куломского района) получил звание «Человек-оркестр», а лучшим исполнителем песен на русском языке признан Александр Швецов (г. Сыктывкар). Председатель жюри Александр Шебырев отметил очень дружелюбную атмосферу конкурса, когда соперники на сцене аккомпанировали

друг другу, а зрители активно поддерживали каждого исполнителя.

На Гран-при фестиваля были выдвинуты два творческих коллектива из села Помоздино – «Акустические ребята» и «Борд» (Крыло). Их судьбу решило зрительское голосование. В итоге победителями конкурсной программы стали самые юные участники из «Акустических ребят». В их исполнении прозвучали авторские песни «Улыбнись, мой друг» и «Радейтны тані кужöны» (Любить здесь умеют). Группа «Борд» получила звание лучшего исполнителя на коми языке. Никого не оставили равнодушными их две коми песни на слова Александра Шебырева «Сьылан» (Песня) и «А ме ола на, выла на» (Я еще поживу).

22 исполнителя авторской песни стали участниками не только самого фестиваля, но и семинара на тему музыкального творчества, продвижения авторской песни на родных языках. Также в рамках семинара состоялись встречи коми журналиста, музыканта Александра Чувьюрова, главного редактора журнала «Арт» Павла Лимерова, авторов-исполнителей Олега Уляшева и Александра Шебырева с участниками молодёжного форума «Калейдоскоп-2018» и индивидуальные занятия с самыми юными участниками фестиваля «Ва берд».

Отрадно, что гости фестиваля отметили высокий уровень исполнительства молодёжных групп из села Помоздино. Здесь созданы все условия для развития творческого потенциала подрастающего поколения: при Доме детского творчества проходят занятия группы «Акустические ребята», в Доме культуры действует танцевальный коллектив «Вдохновение» и репетирует молодёжная вокальная группа «Томлун», при школьном краеведческом музее А.Шебырев ведет литературный клуб для молодых коми авторов.

Л. КАМБАЛОВА

«Зумыд ош» да «Ва берд»

Тавося июль 14 лунö Помöсдін дорса «Педöр Ёгор» местаын бара мунісны «Зумыд ош» да «Ва берд» фестивальяс. Öтиыс – спортивнöй вермасьöм кузя, мöдыс – творческöй фестиваль. 2011 восянь нин нуöдöны Помöсдін вожын тайö гажсö, кытчö волöны республикаысь да весиг ылынджык местаясысь енбиа спортсменъяс да сьылысьяс (тшöтш и сьыланкыв тэчысьяс), кодъяс оз вермыны овны «ловъя шыястöг». Öтувъя фестивальяс чужтöм йылысь шöр мöвп 2010 воын чужис Помöсдінын олысьяс Александр Глуханичлöн да Александр Шебыревлöн. Öтиыс сиктын нуöдіс челядькöд военно-патриотическöй удж, мöдыс – краеведческöй да музыкально-творческöй.

А öні неуна – «Ва берд» фестиваль йылысь. Тан медшöр сюрöсыс öти: колö сьывны да ворсны «ловъя шыладöн». Некутшöм «фанера». «Гран-при» босьтö сöмын коми кыв вылын сьыланкыв (фестивальыслöн – «этнографическöй» кöр), но позьö сьывны рочöн да мукöд пöлöс кывйöн и лоны вермысьöн торъя номинацияын.

Мыйла нимыс «Ва берд»? Син водзö сувтöдам татшöм серпас: лэччим ми водз асылын ю дорö чери кыйны. Лöнь, тöвру абу... И лов пытшкад лöнь, сьöлöмыд шойччö. Табйыд быттьö ланьтöма жö, узьö... А сэсся кытыськö жбырмуніс-лэбыштіс ичöтик тöвру, и табйыд заводитіс валъялыштны. И ва веркöсыд быттьö садьмис, онишысь мынтöдчис. Тэ гöгöр мыйкö вежсьыштіс, вöр-ваыс ышловзис. А сэсся кытыськö нем виччысьтöг уськöдчис омлялысь, шутьлялысь тöв, и гöгöр – пузис! Петісны гыяс, ваыс пемдіс, мыйыськö скöрмис. И шуштöм серпас лоис. Тэ мöвпалан: тайö мöй сійö жö юыс, сійö жö ваыс, код öні на вöлі лöньöн, бурöн, шаньöн? Мый лои? Мыйла тадз?

Коді скӧрмӧдіс васӧ, кытысь локтіс мути тӧлыс?

Тадз жӧ и шылада «Ва берд» фестиваль. Мед вӧчӧны асланыс творчествоӧн енбиа йӧз и «лӧньсӧ», и «гызьӧм-пузьӧм» васӧ. Кодкӧ сьылӧ-ворсӧ лирика, а кодкӧ – «сьӧкыд рок». Ставыс, майбыр, тӧрасны, ӧта-мӧдлы оз мешайтны. Шыладлӧн отыс – помтӧм-дортӧм. И медся вылын тшупӧда донъялӧмыс – йӧзлӧн, фестиваль видзӧдысьлӧн. Буретш йӧзыс шуӧны бӧръя кывсӧ, кодлы вичмӧдны «Гран-при» приз.

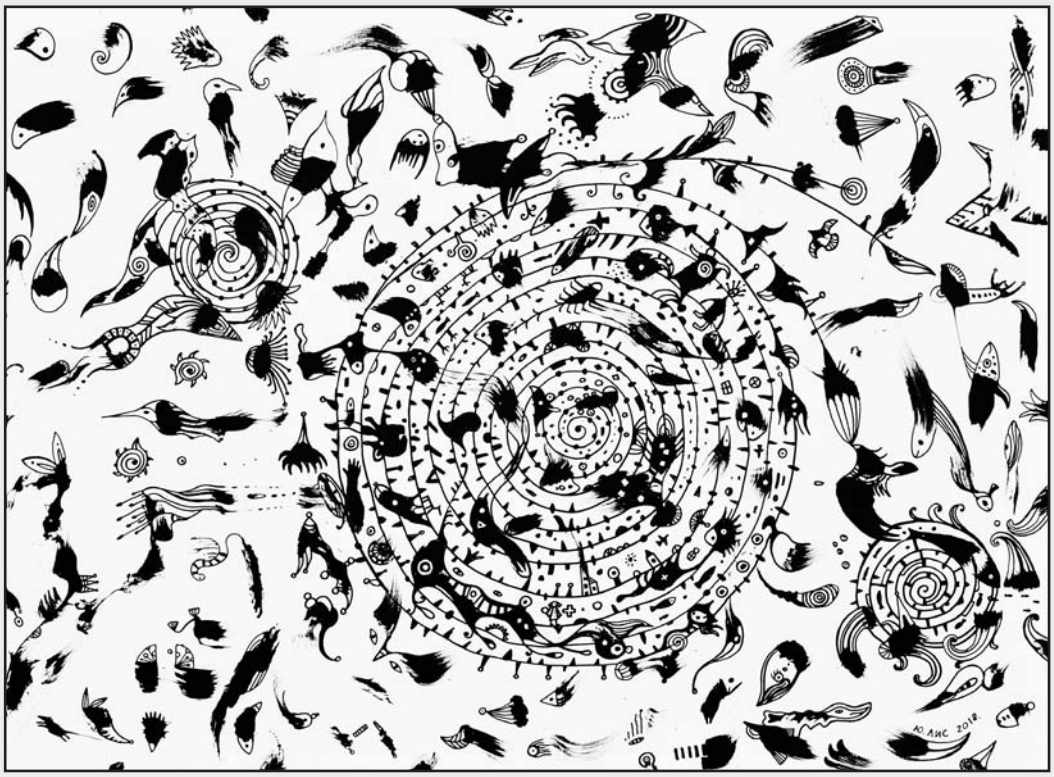
Неуна «Борд» группа йылысь. Коми рок-группа «Борд» чужис 2000 вояс помын Помӧсдінын. Ӧтув чукӧртчисны том йӧз, кодъяс олісны «рок-музыкаӧн», кодъясӧс деливӧ босьтіс «попсаысь» да быдсяма «фанераысь». Артмис сідз, мый енбиа том йӧз веськалісны «ӧти кадӧ ӧти местаын». И тайӧ местаыс – Помӧсдін (ставыс чужисны да быдмисны тан). Водзмӧстчысьясыс (лидеръясыс) – Владимир Козловец (ӧні уджалӧ ЮЭС-лӧн Помӧсдінса участокын диспетчерӧн) да Евгений Пономаренко (учёнӧй–геолог, наукаяс кузя кандидат, олӧ да уджалӧ Сыктывкарын). Медводдза составыс: Владимир Козловец (лидер-гитара да солист), Евгений Пономаренко (соло-гитара), Андрей Глуханич (бас-гитара) да Роман Кипрушев (ударнӧйяс).

Талун «Борд» группаын: Владимир Козловец, Андрей Глуханич, Ксения Глуханич да Валентина Бланова. Позьӧ ӧткодявны «АББА»-кӧд, сы вӧсна мый ӧнія котырын ворсӧны да сьылӧны кык гозъя. Творческӧй туйвизьыс уна пӧлӧс: кантри, баллада, фолк-рок, но шӧр визьыс – рок. Ворсӧмыс – сӧстӧм, вылын качествоа, ёнджыка мунӧ шотландскӧй рок вылӧ. Но торъялӧмыс сыын, мый «Борд» кызвын сьыланкывсӧ сьылӧ коми кыв вылын. Кызвын кывъясыс – Александр Шебыревлӧн да Ксения Кармановалӧн, шыладсӧ тэчӧны асьныс. Колӧ шуны, татшӧм тшупӧда ён котырыс миян республикаын талун кежлӧ – дзик ӧти. «Бордӧс» республикаын тӧдӧны, ветлывліс «Койташ» да муköд фестивальяс вылӧ, но ёнджыка «Борд» гижӧ ассьыс сьыланкывъяссӧ студияын. Та вӧсна налысь уджъяссӧ позьӧ и колӧ кывзыны «Контактын», «Борд» котырын. Помӧсдінын группасӧ зэв пыдди пуктӧны. Дерт, медшӧр кывзысьыс – том йӧз, но и верстьӧяслы, а сідзжӧ олӧма йӧзлы «Бордлӧн» сьыланкывъяс сьӧлӧмас йиджсьӧны. Сьыланкывъясыс – философскӧйӧсь, найӧ корӧны, тшӧктӧны мортӧс мӧвпавны, думайтны... Ас йывсьыд, тэнад олӧм йылысь, тайӧ олӧмас тэнад места йылысь...

«Борд» – рочӧн – «крыло». Талун бордъясыс группалӧн зумыдӧсь на. Кӧкъямыс борд. Кык гозъялӧн. Мед водзӧ шлывгӧны-лэбӧны, радуйтӧны йӧзӧс.

А. ШЕБЫРЕВ

Проза
&
поэзия молодых



«Рождается блюз...»

Стихотворения поэтов литературного объединения Союза писателей Республики Коми

Виктория НАУМЕНКО

* * *

А ночь опять чернила пролила
Порывистой трепещущей рукою.
Сгущается тревога по углам,
И чувствуешь, объятый непокоем,

Как дышит бездна, разевая пасть,
Как вновь чужая смерть проходит рядом
И задевает. Чтобы не упасть,
Ты не рукой хватаешься, а взглядом

За что-нибудь, фиксируя деталь:
Герани, полки с серебристой пылью.
И спящий мир до кома в горле жаль.
И кривит рот бесслёзное бессилье.

Крестом простёрся переплёт окна
И на пол длинные отбросил тени.
И над землёй такая тишина,
Что каждый звук в ночи тебе спасеньем:

Вот граммофона движется игла,
Слегка хрустят под пальцами страницы.
Светлеет небо. Ты сгорел дотла.
Но по привычке продолжаешь длиться.

И рождается блюз

И когда пустота по фигуре села,
Как садится на вырост хранимый фрак,
Это вовсе не значит, что плохо дело:
Всё должно было кончиться именно так.

Что страшило – смешит, и мельчают драмы.
Отсырев, не горят, а гниют мосты.
Каждый гость, каждый зритель и гвоздь программы
Ясен, прост, предсказуем до тошноты.

Ты рассыпал весь бисер, свиней распродал,
Пожелав долгой жизни и всяких благ.
Знаешь брод, но уже не суёшься в воду:
У тебя на счету каждый вздох и шаг.

Так сидишь в тёмной кухне почти крылатый
И свободный от всяких возможных уз.
Для тебя нет ни правых, ни виноватых.
И звенит тишина.
И рождается блюз.

Междугородний

«Дезертирам привет. Рада слышать. Ну как там столица?
Как ботинки ласкает брусчатка её площадей?
Небо выше там? Солнце добрей? Просветлённее лица?
Мир неоновых вывесок, ярких людей и идей.

Как у нас? Гладь витрин на проспектах отчётливо помнит
Отражение наше и, может, скучает о нём.
Твоё эхо блуждает порой в тишине моих комнат...
Да, конечно, дурачусь! Сто лет ведь со мною знаком».

Только то, что скрывала, пробилось пронзительной нотой.
Уместиться сумело в короткую фразу одну:
«А у нас выпал снег», – и внутри обрывается что-то.
«Без тебя выпал снег», – и я слышу в ответ тишину.

* * *

Мама, мне душу на вырост дали, не по размеру:
Она изнутри мне жмёт, как воздушный шар,
Не даёт дышать
Шальная моя душа.
Растёт, много требует, просто съедает меня:
Всё больше, неистовей день ото дня.
Боже мой, мама, как её много,
Я разрываюсь: врачи не помогут.
Брызну осколками радуги, как конфетти.
Мама, ты их собери, пересыпь в горсти
Да по ветру пусти.

Наталия КАТРУК

Дождь

Там смерть проходит, как простуда,
Там – в облаках – иное лето.
А здесь ты будто жив, покуда
Мной о тебе ещё не спето.

Любви без слёз и в небе пресно –
Безоблачно бывает редко.
И, кажется, мы видим вместе,
Как от дождя качнулась ветка...

И, кажется, качнулись сроки –
Там в облаках – и мы до края
Дождя, и лета, и дороги
Идём с тобой, не умирая.

Записка

В который раз ты в сердце постучишься –
И скажешь, что во снах моих живой...
Я безнадёжно рваное пальтишко,
Что ты носил, хотела выкинуть весной.
Но в нём нашла записку. Ты мне пишешь:
«Я строю дом... Прости, опять дела...
Но, может, пригожусь тебе...» Знак свыше –
Записка, что я медленно прочла.
Я верю, что оттуда, где нет ночи,
Ты видел, вспоминая о былом,
Как разобрала я знакомый почерк...
И строить дом пошёл. Небесный дом.

02.28

Вновь два двадцать восемь, и скоро вставать,
Не убраны крошки вчерашнего света,
И памяти снова ложиться в кровать –
В пустую кровать.

Лишь луною согрета,
Постелет опять одеяло одна.
Как короток день ожиданий на чудо!
По-летнему тихо, а мне б дотемна
Всем сердцем поверить в простое «забуду».

Поездка в Пыёлдино

На все стихи рукою бы махнуть,
Ходить по воскресеньям только в храм.
Но мой автобус снова держит путь
К земле поэта.
К утренним словам.
И вышла б замуж раз и навсегда,
Плела бы косы завтрашнему дню
И столько б счастья в жизни родила,
Чтоб не хватило слов на всех – люблю.
Но еду дальше – и по сторонам
Смотрю,
Менять не собираюсь дней.
Там жил поэт... И верю, небо там
Пасётся в поле вместо лошадей.

Татьяна ЯРЫШКИНА

Накануне

Однажды я сделаю что-то в последний раз.
Надраю в квартире полы... Почитаю книгу...
Возможно, те строки, что пишутся мной сейчас,
Я вспомню, дойдя до последнего в жизни мига.

Но я не провидец и знать не могу, когда
Тот миг, наступая, мне сердце сожмёт, как руку.
Могу я лишь верить: на то и ушли года,
Чтоб мне научиться ответить ему как другу.

Как другу отвечу: «Ты вовремя, в самый раз.
Всё прибрано в доме моём для такого мига.
Тому, что должно совершиться со мной сейчас,
Ты видишь, открыта душа – и закрыта книга...»

Великий пост

Снова на крестные муки – и воскресать,
Чтобы вернуться к началу, дойдя до конца.
Всё это завтра; теперь – Гефсиманский сад,
Ночь и молитва, покорная воле Отца.

Эту суровую ночь проживу с Тобой.
Бдительной тенью дойду за Тобой до креста.
Всё остальное, что стало Твоей судьбой,
Станет моею тревогой во время поста.

Время держаться, молиться и вспоминать.
Время в себя углубиться, готовясь к Суду.
Только с Тобой оставаться. Опять, опять
Света Воскресного не постигаю, но жду...

Надо проснуться

Замысел странен – бессмыслицей кажется он
В странной судьбе.
Господи, может, я вижу – не больше, чем сон?
Сон о себе...

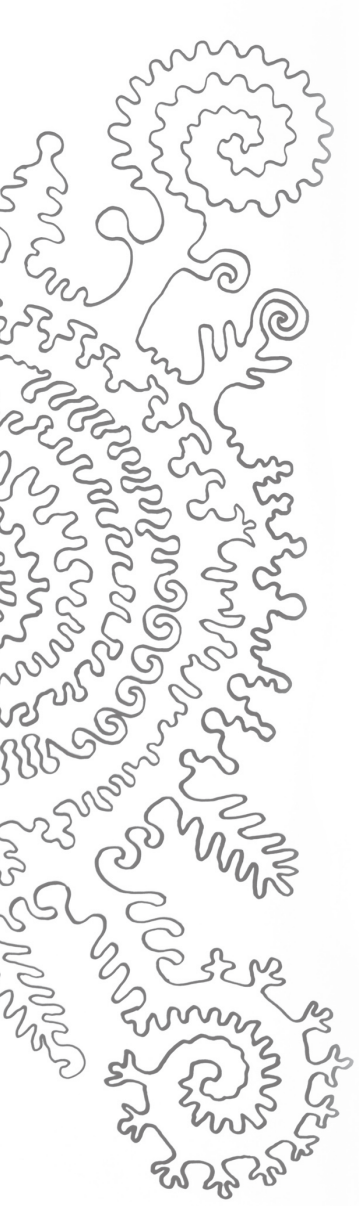
И превращается, может, в болезненный бред –
Сон о душе.
Господи, как не проснуться за столько-то лет?
Страшно уже!

Надо проснуться – воскреснуть...
Открыть бы глаза!
Быть бы с Тобой...
Чтобы узреть наяву, обернувшись назад,
Крест за спиной...

Вина

Памяти Татьяны Кирпиченко.

Живым остаётся порою лишь крест вины.
За тех, у кого уже отняты свет и воздух;



Кто больше не может
смотреть на ночные звёзды,
Топтать эту землю – и жизни не знать цены...

Хочу о прощенье молиться, вину храня –
Как то, что извечно присуще всему живому.
А Бога – совсем по-ребячески, по-земному –
Всё спрашиваю:
«Почему Ты взял не меня?»

Но Бог сохраняет молчанье...
А где-то там,
Где Светом нездешним наполнен –
дух, а не воздух;
И где за живущих просить никогда не поздно;
И где для молитв – не от этого мира храм, –

Умершие молятся.
Здесь, на земле, нужна
На это надежда, хотя бы и небольшая.
А знать не дано.
Я живу, ничего не зная –
Лишь чувствуя: это мой крест и моя вина...

Екатерина ЦУММЕР

* * *

Мы с тобою киты,
Мы – плывущие рядом, и ты
Подставляешь свой бок, если плыть мне становится трудно,
Если чёрной грозою мелькнёт китобойное судно,
Ты меня прикрываешь собой, спрятав в толще воды.
Плавники вместо рук,
Полуслеп, под водой – близорук,
Не боишься жестокой неравной, отчаянной схватки.
Ты поёшь, и, заслышав тебя, уплывают касатки.
Океанские волны несут о любви ультразвук.
Мой угрюмый герой,
Я прошу, своё сердце прикрой,
Пусть не знает никто, что оно, как любое, ранимо,
Что оно горячей самых жарких объятий Гольфстрима
И так сильно стучит, если я прижимаюсь порой...

Фонарь

В моё окно фонарь желтушный
Глядит. Тоскливый идиот.
Железный, чахлый и бездушный,
Бессменный стражник у ворот.
Застывший старою занозой
В уюте сонного двора,
Как длинный стержень папиросы,
Как заржавевшая игла.
Тяжёлый взгляд уставил властно
На церкви высохший скелет...
И льнут к нему подобострастно
Обрывки выцветших газет...

* * *

Играл рояль в безжизненном дворе.
К слоновой кости прикасались пальцы
Под скрип калитки,
Желтизну акаций,
Под вой слепой собаки в конуре.
Играл рояль, выплёскивая звук,
Как кровь из сердца
Сгустками,
Толчками.
Он, застывая, нотными крючками
Цеплялся к листьям дерева, коре.
Играл рояль, и, вырвавшись, аккорд,
Не смея ни покинуть,
Ни остаться,
Метался в плавной ритмике пульсаций...
И обретал покой в молитве нот...

Андрей КОРТЕЛЕВ

* * *

Там мир другой,
хоть кажется, как прежде –
Петляешь под небесной синевой.
Там будущее в мрачной спецодежде,
А прошлое – в тетради черновой.

И горизонт, пропавший за забором,
Так часто снится замкнутой душе.
А по ночам гудят бараки хором,
И в горле из столовой вермишель.
Тревожный окрик.
И щелчок затвора.
Прожектор осветит запретный фронт,
И одиночный выстрел у забора
Прервёт короткий путь на горизонт.

* * *

Колония в заброшенном посёлке.
Всё чаще ходит транспорт через шлюз...
И проволока остриём иголки
Играет на ветру печальный блюз.

Служебный пёс кружит тропой наряда
По часовой и против, по кускам
Глотая тишь ночного листопада,
Стуча когтями сухо по мосткам.

И смотрят чернотой погасших окон
Дома, что за периметром стоят,
Как убывают зэки раньше срока.
Молчит у часового автомат.

Всегда известно было только Богу,
Кому дана тюрьма или сума...
Но он не знал, что в долгую дорогу
Так рвались опустевшие дома.

Костюм на выход

Купил костюм я модный в магазине.
Казалось, надо радоваться мне.
Но грусть к душе пристыла, словно иней.
И чёрный иней вижу на окне.

Снег падает и тает – снова сыро.
Но что мне снег, когда который день
В душе моей вновь бродит горечь мира,
Какую бы одежду ни надень.

А дело в одиночестве проклятом.
Всегда один живу среди людей.
Мой мир души – тюремный изолятор,
А внешний – всё мудрёней и черней.

Парит предрасположенность к ангине
И зябкость за чернеющим окном.
А я хожу, как будто в карантине,
В своём костюме новом, выходном.

* * *

С дымком костра и запахом ухи
Я проведу таёжный тёмный вечер.
Давно затих промозглый резкий ветер,
И мысли так блаженны и легки.

Охотники тайге как женихи...
Костёр горит, как на свиданье свечи.
И что с того, что я, как он, не вечен:
Погасну, но останутся стихи...

Мария ИГОНИНА

* * *

Одну Бог создал из титана,
Другую вылепил из глины.
Поставил рядом, безымянных,
И подтолкнул к дороге длинной.

Одна за каждый шаг боролась,
Когда вслепую путь искала.
Другая просто шла на голос,
На песню звонкого металла.

Одна просила половину –
Ей в одиночку не согреться.
И создал добрый Бог мужчину
Для металлического сердца.

Другая молча наблюдала,
Ждала, пока они остынут,
Пока ему не станет мало
Одной, чьё сердце не из глины.

И он ушёл – к простой и тёплой,
А я подумала: «Как странно.
Бог включит дождь – она размокнет,
А мне – плевать, я из титана».

* * *

Доиграть до утра
Не смогла и замолкла,
Надломившись по краю,
Пластинка луны.

Я уснула вчера
В твоей старой футболке,
И казались мне раем
Обычные сны.

* * *

Идём мы. Вперёд, не в сторону,
Не в ногу, не по пути.
С работы, из дома – всё равно,
Куда и зачем идти.

Склонились к экранам матовым –
В контакте, в сети, во сне,
Во тьме непроглядной. Надо ли
Светить, или так видней?

Шагаем, кто сыт, кто голоден,
С айфоном, с кредитом, без.
Идём, далеко ли, холодно,
Без прав, без штанов, без мест.

Глаза опускаем под ноги.
Кто с грузом, кто налегке,
Плывём, без пяти свободные,
В безмолвной людской реке.

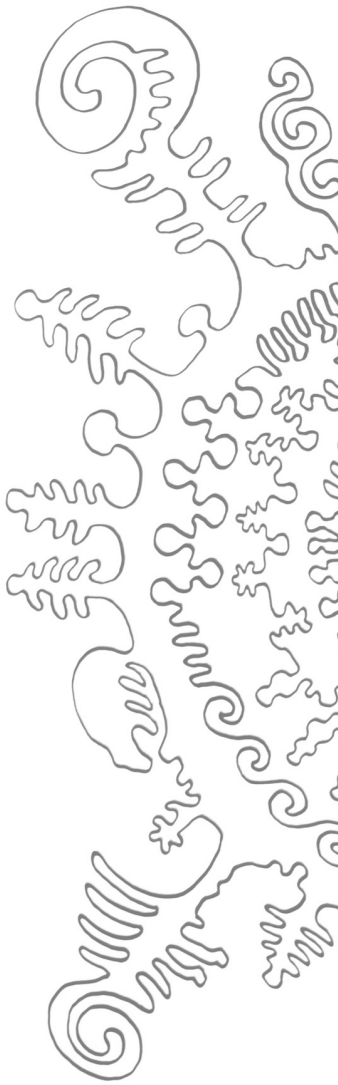
Податливые, что олово,
И твёрдые, как кремень.
Когда мы поднимем головы,
Россия встанет с колен.

* * *

Днём наши жизни неразделимы,
Ночью мы разных считаем овечек:
Ты с мамонтёнком плывёшь на льдине,
Я покупаю со скидкой гречку.

Ты выше облака строишь башни –
Даже во сне на лице улыбка.
Я отмываю от блюдца кашу,
Намертво даже во сне прилипла.

Кошку катаешь ты в самосвале,
Я вместо гречки пеку оладьи.
Как бы нас ночью не разбросало,
Только проснёмся в одной кровати.



Максим ЛЮТЫХ

Кот, февраль и Пастернак

Лакей-февраль в заснеженной ливрее
С утра к столу метели подаёт.
Мы тянем руки к рёбрам батареи,
Последних зимних дней ведя отсчёт.

Мы ждём весну (мы вечно ждём чего-то),
Хотим тепла, торопим ледоход,
А где-то в крайне северных широтах
Во льдах мурлычет вьюгой старый кот.

Лениво теребит мохнатой лапой
Кристаллы льда – осколки мерзлоты –
И с видом заполярного сатрапа
Всю ночь кометы ловит за хвосты...

Февраль. Но я над ним не стану плакать.
Не тот настрой, да и зима – не та.
Макну перо в чернила Пастернака
И воспою февральского кота.

Два отпечатка

Снег в январе. Он скрипучий, хотя и пушистый.
Кто-то оставил нехитрый рисунок подошвы.
Только, январь, заметать его не торопись ты.
След в одиночестве я – одинокий – не брошу.
Рядом поставлю рифлёный автограф ботинка –
Всё же вдвоём и в сугробе лежать веселее.
Левый и левый. Ведь даже не две половинки.
Просто два следа прижались, чтоб было теплее.
Просто две жизни сложились в одну ненадолго,
Чтобы вдвоём переждать затянувшийся холод.
Два лоскута, что портные скрепляют иголкой,
Чтобы затем их пустить на манжеты и ворот.
Два отпечатка в снегу – сапожок и ботинок.
Что с ними станет, прекрасно известно нам это.
Их принакроет январь миллионом снежинок.
Левый и левый. Следов не осталось к рассвету.

Ольга КОРИЭЛЛ

Коле от Коли

Старый башмак, яркая ткань, флаг из бумаги;
Коля – моряк, Коля в руках держит кораблик.
Белый декабрь, глыбистый лёд. Ветер всё крепче.
Берег в снегах, только живёт синяя речка.

Мальчик снежок из рукавиц сыплет на судно.
– Там хорошо. Ты доберись быстро отсюда!
Там чудеса, там соловьи, только нет снега:
Вечно весна... Ты доплыви – прямо до неба!

Пишет письмо. Почерк коряв. Мальчик доволен.
«За горизонт.

Из декабря.
Коле от Коли».

Волны бурлят, ветер гудит; солнце всё выше!
Бьётся заря где-то в груди, в сердце мальчишки.
Глыбистый лёд, белый декабрь, якорь картонный;
Речка плывёт. Колин корабль в ней не утонет.

Где-то за той синей рекой, за горизонтом
Мальчик другой – Коля другой! – в садике сонном
Кормит с руки диких зверей ягодой спелой...
– Ты доплыви, ты поскорей – прямо до неба!

Слышится звон чистый с утра из колокольни.
«За горизонт.
Из декабря.
Коле от Коли».

Колокол бьёт, звонкий удар радует небо.
Глыбистый лёд, белый декабрь, варежки с мехом,
Комбинезон, шапка, жилет, маленький мальчик...
Вот горизонт Коле в ответ мачтой маячит!

Парус плывёт вверх по реке, против теченья;
Коля берёт, держит в руке, слышится щебет.
А в корабле – не капитан и не матросы:
Там алый блеск утренний, там – синие звёзды!

В звёздах листок: белый конверт с запахом соли.
«За горизонт.
Тёплый привет!
Коле от Коли».

Человечек ледяной

Поздний снег улетает всё выше,
Серебрится под сонной луной.
Родился той порою под крышей
Человечек – как я, ледяной.

Проживал молчаливо и скромно,
Там висел себе вниз головой,
И на тающий мир преогромный
Он смотрел и прощался с зимой.

...Утром луч по-весеннему тёплый
Пробежался по глади земной.
Начал таять, звеня, словно стёкла,
Человечек, как я, ледяной.

Исчезал, улыбаясь невинно,
Отдаваясь лучу каждый миг...
Так и я отдавался наивно –
Ведь я самый простой снеговик.

Довелось мне прожить чуть подольше
И увидеть в последний мой срок,
Как из лужицы тянет ладоши
Молчаливый и скромный цветок.

И, последнюю мысль отпуская,
Прошептал я лишь несколько слов:
«Я оставить хочу, умирая,
За собою букетик цветов!»

Пачутки

Когда первый месяц весны щурит глазки,
Когда стаи тучек взлетают с разбега
И падают вниз, распыляясь на сказки, –
Тогда вылезают пачутки из снега.

Их много в ручьях и на узких тропинках.
Хихикая тихо, свои отпечатки
Они оставляют на чистых ботинках
И с радостью пачкают детям перчатки.

Ребята считают их милою шуткой;
А странные взрослые дяди и тёти,
Встречаясь у лужи с чудною пачуткой,
Ворчат о несносной весенней погоде.

Пачутки кочуют и пачкают смело
Куда-то зачем-то бегущих прохожих:
По тёплым ручьям на кораблике белом,
Рисуя весну на штанах и ладошах.

Когда же последний сугробик растает, –
Тогда, наигравшись, садятся на лучик
Пачкучих пачуток незримые стаи
И, тихо хихикнув, взлетают на тучи.

Владислав СУШКОВ

* * *

А таких, как я – на пятак кило.
И, наверное, что-то ещё на сдачу.
...но весною голову унесло,
и сижу, строгаю себе весло,
чтоб опять отправиться наудачу.

Если просто плыть – ведь куда ни шло?
Просто по течению – ведь не слишком?
И весло – оно небольшое зло?
Да и, в общем, какое оно весло?! –
мелочишка, в общем-то, так, веслишко...

А здесь держат за ноги – и, вообще,
словно жучки с внучками – друг за дружку.
...я сижу, строгаю, хотя вотще –
в негустом и мутном речном борще
только щепки и кольца древесной стружки.

Вот сорваться б, вырваться всем назло!
Вот послать к чертям эти сказки-репки
и вперёд! снесло – значит, повезло –
помогай мне, Господи, и весло!

...обгонять неслышно листву и щепки.

* * *

Мы в стихах о России погрязли настолько,
что чуть-чуть – и её однозначно спасём.

За рекою мужик с русским именем Колька
ничего знать не знает об этом о всём.

Он с утра жадно воду хлебает, не топит
печь, поскольку с утра уж пора со двора,
потому как работает Колька «в ГорТопе»,
как он сам говорит. За работу пора –

значит, ходит деревней – да в помощь соседкам:
кому дров наколоть и поправить забор.
Есть же сила в руках, глаз – намётанный, меткий,
а соседки – бабульки, какой разговор,

им самим не суметь. Угодил – так бутылка,
где-то – хлеба буханка. Друзьям подмигнул –

и с утра отдаётся свинцово в затылке
весь вчерашний вечерний сивушный загул.

Ну а чем ещё брать? Денег нет и не надо,
магазин за рекой – что ль за хлебом идти?
Колька деньгам не рад, деньги Кольке не рады,
а вино – это дело. С вином по пути

веселей. Он идёт от деревни к деревне,
возвращаясь домой, чтобы малость поспать,
и не знает стихов в честь Святой Руси Древней,
и не знает, что их очень важно писать.

Он живёт за рекой, где тайга и старухи.
Там – преломленный хлеб, там – разлито вино,
и никто не читает стихов о разрухе,
там под вечер до этого – всем всё равно.

Там живут не спеша. И не думают даже
о поруганности вековечных святынь.
Колька – сам не святой. Если скажет – так скажет,
хошь – святых выноси, хошь – прими да остынь.
А он баню натопит, нальёт наполстолько,
все обиды в вино превращая. И в дым.

Говорите, Россия? Скажите о Кольке,
а потом о России мы поговорим.

Вячеслав Захаревич

Захаревич Вячеслав Валерьевич. *Родился 14 апреля1991года. В 2014 г. окончил ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», факультет управления по специальности «Маркетинг». Работает тренером.*

Истории города Орбита

33/34

1.

Когда Дима закончил свой рассказ, они подъехали по нужному адресу. Яркие огни центральных улиц остались позади, уступив место окраине, вид которой отражал печальную участь жителей этого города.

В час ночи по общему каналу из дежурной части поступило сообщение о том, что в квартире 33/34 слышны крики и шум борьбы.

Была глубокая холодная зимняя ночь. Город Орбита спал, и вместе с ним его жители, но только не сотрудники патрульно-постовой службы.

На его рассказ Витя попытался ответить шуткой, но язык его почему-то стал тяжёлым, и Вите стало не по себе. Уж больно с серьёзным видом и без иронии обо всём этом рассказывал Дима. Жуткие мысли, которые сейчас роились у Вити в голове об этой квартире и обо всех её, конечно же, лживых трупах, были вызваны стараниями Димы. Хотел ли Дима напугать его таким образом? Если да, то ему это на какое-то время удалось.

«Дворники» ходили туда-сюда. Снегопад усиливался.

Витя потянулся к ручке и хотел было открыть дверь, но остановился, когда увидел трясущиеся пухлые руки Димы, сжимавшие крепко руль. Странно было видеть его в таком состоянии: огромного мужика, который сейчас походил на побитую собачонку.

– Что с тобой? – спросил его Витя.

Дима вновь вздохнул, но этот вздох уже был не такой перепуганный, как при вызове. Теперь он казался смирившимся.

– Я понимаю, насколько это безумно звучит, но поверь: это правда. Ты ведь пере-

ехал в город совсем недавно и многих вещей просто не знаешь. В том числе и то, что это за адрес, по которому мы приехали. Ты сам-то не задумался, почему нам назвали две квартиры одновременно?

– Без понятия, – без особого интереса ответил Витя.

– А зря. Это две совмещённые квартиры. И это единственная квартира в городе, которая имеет подобный номер 33/34, сумма, кстати, каждой цифры которого образует число 13. Если бы ты пожил здесь хотя бы пару лет, то, несомненно, история об этом доме добралась бы и до твоих ушей. Эта история настолько старая, что ноги её, вероятно, растут ещё из пятидесятых годов, и начинается она с того, что когда-то в этой квартире соседи сожгли заживо какого-то человека вместе с его семьёй. По крайней мере, так говорят. Но я в это не особо верю.

Витя засмеялся и посмотрел на него так, словно среди всех идиотов и психов, живших в этом преимущественно идиотском мире, ему не было равных.

– Если ты меня пытаешься напугать, то боюсь, это идиотская идея. У нас и так выдался тяжёлый день, и если у тебя нет больше возражений, то может быть, мы уже пойдём и проверим?

Он почувствовал, как на его лице отразилась презрительная улыбка, и Дима это увидел.

– Ты думаешь, я идиот? Я никогда не верил ни в призраков, ни в мертвецов, ни в прочую нечистую чепуху, но я неоднократно слышал рассказы людей, очевидцев об этом месте... И я не могу им не верить.

– Нет, я не думаю, что ты идиот, но мы точно ведём сейчас себя как два идиота, сидя в этой проклятой машине.

Дима заёрзал на сиденье. Ему двадцать девять лет, и едва ли он осознавал, что когда-нибудь ему придётся приехать сюда. Потому что сама мысль эта была безумной. Само существование подобной квартиры ему казалось нереальным. Однако их машина стояла возле этого дома на окраине города, и им нужно было проверить квартиру под номером 33/34. Ту самую квартиру, где случались и случаются истории, от которых кровь стынет в жилах, бесконечные странные убийства и самоубийства. И сейчас уже точно не определить, сколько человек там погибло на самом деле. А тем временем люди всё заезжали и заезжали в эту квартиру. Небольшая цена всегда привлекает покупателей, несмотря на случившиеся там жуткие вещи.

– Ну, так что? – нарушил затянувшееся молчание Витя. – Мы идём или как?

– Приезжающие сюда патрули заходят в подъезд, подымаются на нужный этаж, стоят возле этой квартиры, бывает так, что звонят в дверь, но никогда не заходят в неё. Так рассказывали мне. Да взять хотя бы Серёгу Шишкина. Подумай, почему он к 30 годам такой седой? А руки, ты видел его руки? Они трясутся как у пропитого насмерть алкаша. Или Саню Игнатова. Ах да, на него взглянуть уже невозможно, потому что он умер. Умер прямо в той квартире...

– Ну и чёрт с тобой, – злобно оборвал его Витя и, выйдя из машины, с хлопком закрыл за собой дверь, чтобы у Димы не осталось сомнений в его отношении ко всей этой чепухе. Чем быстрее он проверит эту квартиру, тем быстрее они уберутся отсюда.

Шаркая по снегу, Витя направился к первому подъезду разваливающегося девятиэтажного дома. Колючий зимний холод продувал тело насквозь.

Железная дверь с домофоном не работала и была чуть приоткрыта, словно встречая своего ночного гостя.

Лифт, как и предполагал Дима, тоже не работал. Двери его были сильно перекошены. Они образовывали огромную щель, которая уходила в непролазную тьму лифтовой шахты.

Витю ожидал нелёгкий путь на девятый этаж пешком по лестнице.

2.

Оставляя этаж за этажом, создавалось ощущение, что ноги его словно потяжелели и им не хотелось идти дальше.

Витя поднимался медленно. От необъяснимо наваливающейся усталости руки сами потянулись к перилам, и он увидел, как они дрожат, словно говоря ему, что он должен повернуть назад.

Очутившись на девятом этаже и прежде чем нажать на дверной звонок, Витя какое-то время стоял в полной тишине. Света ни на одном из этажей не было, словно дом заброшен. По спине пробежала дрожь. Интересно, от чего?

Неожиданно Витя ощутил на себе чей-то взгляд. Он содрогнулся всем телом и принялся оглядываться по сторонам. Кто-то пристально смотрел на него.

В этом неотрывном взгляде было что-то особенное. Казалось, что на него не просто смотрят, а изучают. Витя ещё раз огляделся по сторонам: мало ли, может, кто-то из сообщивших о происшествии в квартире вышел на лестничную площадку и таким странным образом хочет привлечь его внимание. Но вокруг никого не было.

«Наверное, мне показалось», – подумал полицейский.

Однако ощущение, что на него устремлён чей-то пристальный взгляд, никуда не исчезло.

Витя обернулся ещё раз. На лестничном проёме, который располагался выше, он заметил какое-то шевеление в груде мусора. Но вот оно прекратилось. Потом опять возобновилось.

Какое-то существо, не сводя с него глаз, двигалось по лестнице, время от времени останавливаясь, будто выжидая удобного момента.

Витя достал фонарик и направил луч света на лестницу.

Это была крыса. Он никогда не видел таких огромных крыс.

Так вот, значит, кто на него смотрит. Обычная крыса, а по спине у него уже ползут мурашки от страха.

Про себя подумал, что если призраки и существуют – самые настоящие, – то они наверняка обжили этот дом.

Он отвернулся. Нужно заняться делом.

Медленно подошёл к двери. Можно сказать, подкрался, как крыса.

Крыса... Опять крыса...

Витя взглянул на дверь.

Номер квартиры 33/34 был перекошен. Едва различимая последняя цифра «четыре» стекла по двери, словно когда-то её подплавили зажигалкой.

Витя опустил руку на кобуру, отвлекая себя от тревожных мыслей, а потом сделал несколько шагов вперёд и нажал на звонок. Но ничего не произошло. Он попытался вновь и нажал с удвоенным усилием, но опять тишина. Тогда Витя открыл дверную перегородку и вошёл внутрь.

Стучать ему не было необходимости. Входная дверь, обитая каким-то красным ободранным материалом, оказалась приоткрытой.

Плохой знак.

Секунду-другую Витя стоял и смотрел на дверь квартиры, точно заворожённый, а потом ему потребовалось немалое усилие, чтобы поднять руку и толкнуть её. Но стоило заставить её двигаться, как он вновь обрёл уверенность в себе и, заходя в квартиру, почувствовал, что руки дрожать перестали.

«Почему я зашёл в квартиру без стука? Почему я никого не окликнул»?

Вслух Витя никогда бы не озвучил подобную мысль, но он боялся произносить какие-то слова и создавать лишний шум. Боялся, что разбудит что-то в этой квартире.

Стоило Вите прикоснуться к стене в поисках выключателя, как перед мысленным взором возникли отвратительно белые и длинные черви, выползающие сквозь обои. И вот они уже совсем близко, они пользуются тем, что сейчас темно, и ползут к его руке...

Витя глубоко вдохнул и заскользил ладонью по стене в поисках выключателя. Как и следовало ожидать, никаких червей там не было. Послышался щелчок, и коридор квартиры залило тусклым и мрачным синим светом подвешенной под потолком маленькой люстры. Она медленно покачивалась из стороны в сторону, словно на ветру, однако Витя не чувствовал ни малейшего дуновения. Свет был синеватым, и про себя Витя подумал, что именно при таком свете производят вскрытия трупов в морге.

А обои в квартире оказались настолько старыми, словно их не меняли ещё с самого первого заселения.

Вокруг стояла мёртвая тишина, будто здесь не было никого, по меньшей мере, лет двадцать.

Сейчас Витя чувствовал себя не в своей тарелке, каким-то потерянным или, вернее, вырванным из привычного мира и заброшенным неизвестно куда и неизвестно кем.

– Я должен всё проверить, – прошептал он и побрёл по необыкновенно длинному для квартиры коридору.

С каждым шагом его состояние менялось. Перед тем как зайти – это был уверенный в себе человек, а сейчас он уступил место другому, боящемуся и дрожащему от неизвестно откуда взявшегося страха. Та невидимая сила, которая словно давила ему сейчас на грудь и мешала дышать, не была обманом. Ничего похожего на обычный, подстёгнутый воображением, страх.

Витя осознал, что с этой квартирой что-то действительно не так.

На середине пути он резко остановился. Вите показалось, что кто-то невидимый просунул ему руку между рёбер и, дотянувшись до сердца, сжал его с такой силой, что он в ужасе обернулся. Но позади не оказалось никого, зато входная дверь была закрыта.

Или...

По затылку пополз неприятный холодок. Сердце заколотилось с такой силой, что каждый удар отдавался не только в груди, но и во всём теле.

Витя рванулся к двери и попытался открыть, но ручки или того, чем её можно было открыть, не было, словно дверь была частью замурованной некогда стены.

Тяжело дыша, он отвернулся от неё и достал из кобуры пистолет. Прикосновение к холодному металлу привело Витю в чувство. Мысль об опасности теперь не так его тревожила. Просто нужно найти другую дверь.

Витя принюхался и уловил едва заметный запах гниения, неприятный, как от мясных костей, пролежавших неделю в мусорном ведре.

Нет, это пахло не тухлыми мясными костями. Именно такой запах заполняет лабораторию морга, когда скальпель входит в мёртвую плоть человека. Запах разрезанных органов на патологоанатомическом столе...

– Мама...

Откуда-то послышался молящий детский стон. Витя застыл на месте, словно робот с разряженными аккумуляторами.

Он стоял и ждал. По спине градом катился пот.

Тишина, и больше ничего. Ни намёка на чей-то голос.

Возможно, Вите просто почудилось? Но это была не игра его воображения, он отчётливо слышал, как кто-то позвал маму. Звук этот шёл спереди.

Пошатываясь, Витя снова побрёл по коридору. В такт его шагам неприятно заскрипел пол.

Витя ступал медленно и через некоторое время почувствовал, что каждый шаг сопровождается странными звуками, словно он идёт по воде. Витя опустил голову вниз и увидел, как его ботинки шлёпают по вязкой крови, в которой копошатся чёрные маленькие слепые крысы. Его лицо исказила страдальческая гримаса от соприкосновения с мохнатыми телами. Он почувствовал, как воздух сгущается, а желудок готов вот-вот вывернуться наизнанку.

«Это просто галлюцинация, просто галлюцинация, и ничего больше!»

Витя поднял голову вверх. Потом опустил.

Видение пропало.

Он стоял посередине коридора на выцветшем от времени и грязи линолеуме.

На негнущихся ногах, словно на ходулях, он снова двинулся дальше.

Витя завернул за угол и, с трудом подавив крик, застыл на месте. Широко раскрывшимися, испуганными от страха глазами он увидел кухню. Весь пол был залит кровью. Повсюду валялись окровавленные ошмётки плоти и клочки одежды. Кругом кружили мухи. За столом сидели две девочки с посиневшей кожей, как у мертвецов, и ввалившимися щеками. На столе стояла тарелка с отрубленной человеческой головой, рот которой был широко раскрыт.

При виде двух девочек Витя почувствовал леденящий душу холод. Холод смерти. Он вглядывался в их бледные лица и отказывался верить своим глазам.

– Мама приготовила нам папу на обед, – пропищала одна из мертвенно бледных девочек. – Присаживайтесь, она скоро подойдёт и присоединится к нам.

На тарелке у неё лежал глаз. Девочка взяла вилку своими скрюченными худыми пальцами и, проткнув глаз, отправила его в рот. Громко чавкая с акульей улыбкой на лице, она встала и протянула тарелку полицейскому:

– Попробуйте, папа очень вкусный.

– Отвали от меня, тварь! – закричал Витя и направил пистолет прямо ей в голову. Он почувствовал, как его стало мутить, и подумал, что желудок от стоящего в этой проклятой квартире смрада точно скоро вывернётся наизнанку.

Не в силах противостоять обращённым на него взглядам, Витя медленно стал пятиться назад, но позади него возникла голая женская фигура.

Тело её было изодрано, словно она дралась с какой-то дикой кошкой, кожа на ней висела клочьями. Её волосы торчали во все стороны, обрамляя мертвенно-бледное

лицо. Кровь текла из открытых ран и капала на пол, образуя под ней лужу. Она яростно улыбалась, скаля зубы, и держала окровавленный топор в правой руке. Это была их мама.

Не думая больше ни секунды, Витя ещё сильнее сжал пистолет и, подняв его, выстрелил два раза в стоящее напротив него тело.

Фигура женщины покачнулась и рухнула назад.

Звук от соприкосновения с полом был такой, словно она упала на голый бетон, и затылок превратился в кровавое месиво.

– Не трогай нашу маму! – раздался голос позади.

Витя отреагировал мгновенно. Резко развернувшись, он отправил несколько пуль в двух маленьких девочек. Тела тут же безжизненно упали на пол.

С нарастающим ужасом Витя увидел, как простреленное тело мамы задёргалось в страшных конвульсиях и начало медленно подниматься. Он вскинул руку и выпустил всю оставшуюся у него обойму, но это не помогло.

Тело извивалось под всеми немыслимыми углами и теперь, как паук на четырёх конечностях, медленно ползло к Вите.

Пистолет вывалился из разжавшихся пальцев, и Витя попятился назад. Перед глазами всё стало мутнеть и расплываться.

Рот у отрезанной головы на столе начал раскрываться и закрываться, издавая нечленораздельные звуки.

Дверь в кухню стала сжиматься по высоте и ширине, и теперь она казалась узкой, как могила, его могила. Обои, покрывавшие стены и потолок, будто слюни, стекали вниз. Пол стал вязким. Чавканье при каждом шаге назад усиливалось, и Витя почувствовал, как его ноги утопают в кровавой трясине. Она засасывала Витю.

Свет вокруг становился всё мрачнее и мрачнее. Он заставлял подниматься мёртвых. Это не просто квартира, это могила мертвецов. Вите казалось, что сотни рук потянулись к нему со всех сторон. Они не дадут ему уйти, они утащат его с собой и похоронят заживо в этой квартире.

Стены продолжали давить со всех сторон, сжимаясь вокруг Вити. В них ему чудились кривые усмешки мертвецов, словно говоривших ему: «Теперь тебе никуда не деться!»

Эти стены впитали в себя кровь. Кровь всех убитых. И они пахли ею. Витя чувствовал этот запах.

«Помогите!» – хотел закричать он, но крик застрял в горле. Витя задыхался.

Вопли отрезанной головы становились всё громче и громче. Потом, словно плавясь на огне, с неё стала стекать плоть. Она звонко закапала на блюдце: кап-кап-кап... Как будто в пещере.

Кошмар окружал Витю со всех сторон. Реальность блёкла и расползалась.

Тело матери протиснулось в сужающийся проём двери и двинулось прямо к нему.

Всё ещё действующий разум призывал почти окончательно впавшее в панику тело сопротивляться, и некое подобие здравомыслия – хрупкое и ускользающее – всё-таки взяло верх, и Витя, не отдавая себе отчёта, схватил кухонный стул и швырнул его в окно.

От невыносимого ужаса он сорвался на крик и, оглушённый собственным жутким воплем, не услышал, как осколки стекла попадали на подоконник и пол.

Не думая, думать сейчас Витя уже не мог, он, как смертельно пьяный человек, взобрался на подоконник. Руки закровоточили от порезов, но Витя не ощущал боли. Хо-

лодный зимний ветер ударил его, словно дал пощёчину. По потной шее и рукам Вити побежали мурашки.

«К чёрту всё! К чёрту это место! Смерть – это не так уж и плохо, по сравнению с тем, что может произойти здесь».

Стены начали вибрировать, и, сделав судорожный вдох, Витя шагнул вперёд.

3.

В считанные минуты скорая помощь подъехала на место ЧП. Выпрыгнув с 9 этажа, пострадавший, к удивлению врачей, не погиб и был в сознании.

Выглядел он так, как будто вырвался из самого ада: пара сломанных рёбер, переломы бедренных костей обеих ног. Врачи вытаскивали осколки стекла из его рук, на голове были множественные порезы, словно по ней прошлись тёркой для сыра, ноги были в крови. В глазах его читались безумие и страх. Губы что-то непрерывно шептали, но врачи не могли разобрать, что именно.

Сотрудники скорой помощи и психиатрическая бригада оказали помощь на месте.

4.

В газете «Прогород» можно найти любопытную статью под названием «Кровавая бойня в квартире».

На окраине города Орбита в ночь на пятницу спятивший сотрудник патрульно-постовой службы убил трёх человек.

Из показаний свидетеля Рогачёва Дмитрия Ивановича, который вместе с обвиняемым Григорьевым Виктором Андреевичем дежурил в тот день, следовало, что в ночь на 20 декабря 2015 года в период несения ими службы он услышал выстрелы и тут же направился к своему напарнику. Зайдя в квартиру, он обнаружил тела убитых девочек и их матери, а также расчленённый труп отца в ванной (отпечатки пальцев на топоре, с помощью которого был убит отец, свидетельствуют о том, что его убила жена).

Рогачёв Дмитрий не мог ответить на вопрос журналистов, почему Виктор совершил эти ужасные убийства, после которых попытался покончить жизнь самоубийством. В их дежурство Виктор вёл себя адекватно и был вполне вменяем.

Несмотря на жестокое убийство, городской суд Орбиты освободил Виктора от уголовной ответственности, так как на момент убийства он находился в состоянии острого психоза.

Врачами был поставлен диагноз «острое психиатрическое расстройство с сильной шизофреноподобной симптоматикой». Вследствие чего вызвано такое состояние, судебно-психиатрической экспертизой не установлено, так как подобных проявлений ранее у него выявлено не было. Предполагается, что из-за расчленённого с особой жестокостью человека в ванне его психика дала сбой.

Сам Виктор события случившегося помнит смутно, рассказывая при этом дикие и мистические версии случившегося, что чётко подтверждает его психическое заболевание. Он плохо спит по ночам, и его постоянно преследуют кошмары.

Медицина не может дать однозначного ответа, как будет дальше развиваться болезнь. Со временем его состояние может улучшиться или ухудшиться без видимых на то причин.

Внизу статьи можно увидеть два любопытных снимка Виктора. Фотография, сделанная до случившихся событий, и после, где он лежит в палате психиатрической больницы.

На первый взгляд кажется, что это совсем два разных человека, но при детальном рассмотрении можно не сомневаться, что на второй фотографии тот же человек, что и на первой. В глаза бросаются сильно поредевшие и поседевшие волосы. Человек с ввалившимися от худобы щеками, который смотрит на вас, в лучшем случае выглядит лет на 50. Его растрескавшиеся губы открыты, словно он хочет что-то сказать. Застывшие глаза безумны и полны ужаса. Это глаза человека, который будто побывал в самой преисподней.

Экзамен

В кабинете сидели девять человек. Ровно столько, сколько не сдали экзамен с первого раза или не были допущены на первую попытку сдачи по причине пропусков семинарских занятий или отсутствия работ в ходе семестра. В их числе был обыкновенный и ничем не примечательный юноша Сергей, которого без проблем можно было поднять на смех. На улице таких людей, как он, даже не замечаешь и не знаешь, что порой скрывается в бездонных глубинах их глаз. И если бы его спросили: «Тебе одиноко?» – то он бы посмотрел на них с искренним изумлением. Друзей ему заменяли книги и компьютер. Он не ощущал себя одиноким, потому что не знал ничего, кроме одиночества, которое накрывало его со всех сторон, словно непроницаемый купол.

Сергей ни разу не посещал лекционные курсы и практические занятия. И поэтому для сдачи у него была всего одна попытка, и в случае неудачи следующим шагом станет комиссия.

Это не первая его сессия. Сергей отправился в вольное плавание по волнам экономики, которые кишели и другими студентами, уже полгода назад. Причём в этом плавании он не мог положиться только на знания.

Сергей сидел на последней парте, крутя ручку в руке, а другой ковырял прыщи, разбросанные по всему лбу. Часы, висевшие на стене возле выхода, бесшумно отсчитывали минуту за минутой и показывали девять часов и десять минут утра.

Его аккуратно подстриженные сальные чёрные волосы были зачёсаны набок. Маленькие, глубоко впалые глаза сквозь толстые линзы очков, которые сидели на усыпанном угрями носу, пристально смотрели на преподавателя, погружённого в какие-то бумаги и не обращающего на студентов никакого внимания, словно закрывая глаза для того, чтобы те смогли хоть что-то списать и рассказать. И студенты этим правом активно пользовались. Кто-то заранее пришёл с микронаушником, кто-то по старинке списывал с бумажных шпор, кто-то через телефон. Но только не Сергей. Он просто сидел и не пытался ничего списать. На парте лежали девственно чистый листок бумаги и билет под номером четырнадцать, в котором были один теоретический вопрос и две задачи. Чтобы сдать на тройку, необходимо было рассказать вопрос и решить

хотя бы одну задачу. Но Сергею тройка не нужна, он привык всегда сдавать на пятёрку, порой не посещая при этом предмет и тем более к нему не готовясь. Он знал один подход. Подход, при котором пятёрка была обеспечена.

Уже с самого утра небо затянуло серыми тучами, но только сейчас несколько мелких капель упали на стёкла окон. В кабинете было тихо, слышались лишь отдалённые раскаты грома и гул автомобилей, проезжающих по главной улице.

Сергей стал постукивать ручкой по парте, чтобы привлечь внимание Фролова. Фролов – именно так звали этого преподавателя по иссушающему мозг предмету «математическое программирование». И это сработало. Фролов поднял свою голову и посмотрел на Сергея.

– Молодой человек, – спокойным и ровным голосом сказал он, – может, хватит уже стучать? Или, может быть, вы уже готовы отвечать?

Лицо Сергея растянулось в отвратительной улыбке, обнажив ряд кривых жёлтых зубов. Он засунул правую руку в карман брюк и сказал:

– Конечно, я уже давно готов отвечать.

Фролов с лёгким удивлением посмотрел на него и сказал:

– Тогда берите свой листок, подходите и присаживайтесь, чтоб не тянуть время.

– Он мне не понадобится, – резко отрезал Сергей. Казалось, он проявлял сверхъестественную уверенность в себе. Глаза под очками его блеснули, а уголки губ опять поползли вверх, растягивая их в улыбке.

Сергей медленно встал, держа по-прежнему руку в кармане, и в полной уверенности направился к столу Фролова.

Парню было восемнадцать лет, и у него были толстые ноги, которые обтягивали чёрно-синие брюки с серыми верёвками на карманах. Его живот перекатывался из стороны в сторону, напоминая раздутый пузырь, который даже не мог скрыть мешковатый серый свитер. Однако он скрывал свисшую женскую грудь, и поэтому Сергея никто больше не обзывал сисястым. По крайне мере в университете.

Одногруппники не обратили на него никакого внимания. Они занятимались своими проблемами, и до него им не было никакого дела.

Сергей подошёл к столу, не подозревая, что готовит ему остаток дня, положил билет перед Фроловым и сел, не вытаскивая руку из правого кармана.

Они сидели друг против друга и молчали. Сергей пристально смотрел в глаза Фролова, синие, как вода Чёрного моря, на берегах которого ему однажды посчастливилось отдохнуть в лагере, когда он был маленьким.

– Ну что, так и будете сидеть, или начнёте отвечать? – поинтересовался у него преподаватель.

– Да, – согласился Сергей, – давайте начнём.

Опять повисло долгое молчание. Во всяком случае, так показалось Сергею, хотя пауза вряд ли длилась больше нескольких секунд. Но он успел услышать, как кто-то из студентов громко кашлянул. Звучало это фальшиво, словно человек пытался этим кашлем заглушить звук нажимаемых клавиш на телефоне или таким образом оповестить друга, который диктует по микронаушнику, что стоит переходить к следующему вопросу.

«Интересно, – подумал Сергей про себя, – всегда ли это так глупо выглядит?»

Фролов задумчиво смотрел на чудного студента, а потом спросил:

– Ну, так, давайте начинайте отвечать. – Он толкнул одной рукой свои очки к пере-

носице, другой взял билет, который Сергей положил на стол, перевернул его и прочитал: – Билет номер четырнадцать, вопрос номер один...

– А может, я не буду отвечать, – неожиданно оборвал его неторопливым голосом Сергей и слегка сжал руку в правом кармане.

От удивления рот Фролова плавно превратился в букву «О», а глаза стали огромные, как бильярдные шары. Фролов собирался сказать ему что-то, но поперхнулся то ли от такой дерзости со стороны студента, то ли просто так. Он поднял на него глаза, изумлённые такой наглостью, которая слышалась в голосе Сергея и, откашлявшись, изогнув чёрные брови, спросил:

– Как это не будете? – Очки сползли с его длинного носа.

Сергей, не отводя взгляда от преподавателя, сжал руку чуть сильнее и ответил не сразу, пытаясь что-то уловить в его глазах. Студент подался вперёд и загадочно проговорил:

– Ну, вот так: вы мне поставите пять, и я уйду. И на этом мы с вами разойдёмся и больше никогда не встретимся. Как вам такое предложение? Ведь должен же быть у нас с вами баланс интересов?

Фролов ещё больше закашлял, как будто ему сдавливали горло. Он хотел было что-то сказать, но из горла только выходили жалостливые хрипы, словно там застряла кость.

Сергей чувствовал, как острое лезвие гильотины повисло над жизнью Фролова. И именно его рука сейчас лежит на рычаге, и только он может дёрнуть его и оборвать мучения преподавателя. Он слышал сухой свист втягиваемого воздуха его ноздрей. Сергей ещё сильнее подался вперёд и теперь словно нависал над столом, как хищный зверь.

– Ну, так что? Я вас слушаю, внимательно, – всё гнул своё Сергей и ещё чуть сильнее сжал руку в кармане.

Преподаватель на какие-то мгновенья застыл, держась руками за стол, как человек, плывущий на корабле по бурному океану, держась за поручень, чтобы его не снесло за борт, а потом грудь у него начала судорожно вздыматься. Фролов уже ничего не мог сказать, он задыхался. С его лица смотрели испуганные глаза ребёнка, кровь в сосудах которых пульсировала так, что казалось, они вот-вот вылезут из орбит. Багровое лицо потемнело и стало приобретать синеватый оттенок. Фролов потянулся к стопке зачёток и стал лихорадочно искать зачётку Сергея, хватая ртом воздух, который никак не хотел проходить в его лёгкие.

– Моя фамилия Маслов, – с улыбкой произнёс Сергей. – Это вам, чтобы лучше было искать. Ведь вы не знаете даже, как меня зовут, а уже ищете зачётку...

– Эй, парень?

Фролов пощёлкал пальцем перед лицом Сергея.

– Ты спишь или чего?

– Что? – ошарашенно спросил Сергей, словно ему дали мощную пощёчину. Тревога зашевелилась в нём, когда он понял, что замечтался.

– Ничего, – ответил грубым голосом Фролов. – Ты чего пришел сюда, ничего не написал и сел? На что надеешься-то? Иди и готовься, встретимся на комиссии.

Сергей вдруг понял, что произошло, и судорожно начал сжимать правую руку в кармане.

– Ка... – С его губ сорвалось нечто невразумительное, похожее на карканье вороны.

Сергей откашлялся, прошёлся языком по сухим губам и повторил свой вопрос:

– Как это на комиссию? – Он ощущал беспокойство, которое постепенно нарастало и, наконец, превратилось в смятение. Его взгляд поднимался то на преподавателя, то опускался на свою правую руку, словно выискивая шанс для спасения.

– Да вот так, – ответил Фролов равнодушным тоном.

Студент сжал ещё сильней руку, так, что побелели костяшки пальцев, но ничего не происходило. Действия не материализовывались. Сергей внимательно заглянул в глаза Фролова, чтобы убедиться, что тот не шутит, и ему потребовалось меньше секунды, чтобы понять: нет, не шутит.

Фролов так пристально и яростно смотрел на него, что Сергей сжался в комок. Шея его втянулась в воротник свитера, как голова черепахи в панцирь. Сейчас Сергей ненавидел себя за нарастающую нерешительность и даже робость, потому что никогда раньше не испытывал такого на экзаменах. Ощущал он одновременно и злость. Злость от того, что ничего не мог поделать, но это чувство сейчас только зарождалось.

– Ну, и чего ты тут сидишь?! – спросил снова Фролов. В его голосе уже слышались ярость и раздражение, а щёки полыхнули багрянцем. Казалось, что он едва сдерживается, чтобы не сорваться на крик. – Иди уже, и не задерживай меня и других!

Кожа студента стала серой, как и погода за окном. Сергей облизнул пересохшие губы, с трудом выпрямился и направился к выходу. Всё сейчас для него складывалось очень плохо, и петля затягивалась у него на шее, потому что он не сдал и его отправили на комиссию.

На комиссию...

Это обстоятельство, кажется, делало его положение безвыходным, так как в комиссии сидят как минимум три преподавателя.

Оказавшись в коридоре, Сергей захлопнул за собой дверь, отсекая дневной свет, лившийся из окон кабинета, и вжался спиной в стену возле двери. Пот крупными каплями собирался на его лбу. Сергей вынул из кармана куклу, крепко сжимая её в руке. Долго смотрел на неё, крутя из стороны в сторону, пытаясь выявить хоть какой-нибудь изъян. Он сжимал и разжимал куклу, снова сжимал и разжимал так, будто дохляк весом пятьдесят килограммов, пытающийся нарастить мышцы с помощью эспандера, а потом с яростью оторвал ей голову. Ненависть так и накатила на него лавиной. В голове у него забушевала гроза. Молнии ненависти к Фролову били из чёрных облаков ярости.

«Что тут не так, что тут не так?!» – яростно думал про себя Сергей. Может быть, он ошибся? Сергей открыл слегка дверь и заглянул в кабинет. Но ничего не произошло. Фролов не задыхался, и, тем более, его голова с белым пушком волос была на месте. Он также продолжал сидеть на своём стуле.

Сергей закрыл дверь и продолжал стоять. Он ждал, пока остатки ненависти не уйдут сквозь поры, как пот.

Что же ему теперь делать?

Самым разумным было пойти сейчас домой, лечь спать и потом всё хорошенько обдумать, так как сон вернёт способность ясно мыслить. А сейчас Сергей никак не мог понять, что пошло не так, и обозвал себя полным идиотом, но потом пробормотал про себя:

– Нет, я не идиот...

Однако, что он упустил? Какую деталь? Ведь раньше никогда ничего подобного не происходило. Он был всегда олицетворением точности, и умение планировать было его сильной стороной, но только до сегодняшнего дня.

Сергей стоял возле кабинета ещё минут пятнадцать, прежде чем пойти в гардероб.

Он шёл, погружённый в думы, и тщетно пытался выудить из самых тёмных глубин своего сознания ответ на мучащий его вопрос.

Сергей практически подошёл к гардеробу, когда увидел перед собой кучу студентов. Они столпились возле прохода, ведущего в кабинеты факультета управления, располагавшегося на третьем этаже, и юридического факультета, который находился на четвёртом. Студентам не давала пройти полиция, которая окружила их кольцом. Сергей подошёл ближе и обвёл взглядом холл, пол которого был весь залит кровью. Ничего более отвратительного ему в жизни не доводилось видеть.

– Что здесь произошло? – поинтересовался Сергей у стоявших студентов. От увиденного он едва отдавал себе отчёт в том, что говорит вслух.

– У Фролова голова оторвалась, – донеслись до Сергея слова, сорвавшиеся с губ какого-то студента.

– У Фро-ло-ва? – протянул Сергей, разделив фамилию на три продолжительных слога. – Какого ещё Фролова? – переспросил Сергей и спрятал руки с остатками разорванной куклы за спину, словно стеснительный школьник, которого вызвали к доске прочитать стихотворение.

– Фролова, – отозвался снова голос. – Препод с юридического. Жесть вообще.

– С юридического, – медленно проговорил про себя Сергей. Он вновь улыбнулся, но глаза оставались холодными. – Выходит, их было два, и я просто перепутал?

Он развернулся и направился в туалет, чтобы выкинуть куклу, не стерев даже улыбку со своего лица.

У кого-то отменится экзамен и кто-то, наверное, будет этому очень рад?

В следующий раз, подумал Сепгей про себя, ему стоит хоть раз появляться на лекциях или семинарских занятиях, чтобы знать, как выглядит его преподаватель.

Гробовщик

1.

Звонок в дверь раздался ночью, разорвав мёртвую тишину в доме. Он прозвенел настолько поздно, что Игорь не сразу понял, где он находится. Он с трудом оторвал голову от подушки и, пытаясь сообразить, что происходит, сел на кровати. Игорь не хотел вставать и всё ещё цеплялся за сон. Но сигналы следовали один за другим, не прекращаясь, поэтому Игорю пришлось открыть глаза.

Он вышел из комнаты и включил свет. Внизу надрывался дверной звонок.

Спускаясь по длинной лестнице на первый этаж, Игорь невольно начал перебирать всех родственников и думать, как у них там со здоровьем. На ум приходили старые и толстые тётушки, вспоминались бабушки, дедушки, у которых истекал срок до-

говора с этим миром.

Дойдя до двери, Игорь потянулся к ручке, но не сразу взялся за неё.

Дверной звонок посреди ночи мог означать одно из двух: либо это какой-то друг так напился, что его выгнала жена из дома, либо кто-то умер.

Как и в большинстве сёл, окружавших город Орбита, в Усть-Выме было много пьяниц. Поэтому, открыв входную дверь, Игорю показалось, что незнакомец, стоявший возле лестницы, как раз и относился к такой категории. Но было что-то в нём ещё...

Подавленность?

По роду занятий подобное ему приходилось наблюдать очень часто. За всё время существования его бизнеса к нему обращались многие люди с такими признаками: подавленность, скорбь. Но на дворе была глубокая ночь, и Игорь отнёс человека к числу пьяниц, который пришёл просить денег на пойло.

– Чего тебе здесь надо? Проваливай отсюда к чертям собачьим!

Человек не шевельнулся.

– Правильно ли я понимаю, – отозвался незнакомец, – что вы занимаетесь ритуальными услугами?

На удивление Игоря голос не принадлежал пьянице. Он был ровным, спокойным и с нотками отчаяния.

– Да, – произнёс Игорь. – Только я не обслуживаю людей ночью. Приходите завтра днём, и мы сможем всё обсудить и снять замеры.

Человек, стоявший на улице, ничего не ответил. Он молча зашагал по скрипучим ступеням вверх.

Приблизившийся незнакомец обдал Игоря жутким страхом. Игорь почувствовал какую-то опасность, но виду не подал, и лицо его осталось по-прежнему холодным, но всё же каждый мускул в теле напрягся.

Человек подошёл к нему, расстегнул молнию на куртке, потянулся к внутреннему карману, и тут же у Игоря возникла мысль: всё, это конец! Но ничего такого не произошло. Незнакомец вытащил кошелёк и, открывая его, проговорил:

– Меня зовут Артёмом. И это вам за моё беспокойство, что разбудил вас ночью, – он протянул Игорю тысячную купюру, – но я больше не могу ждать и не знаю, к кому обратиться. – В глазах у него стояла мольба. – Можем ли мы пройти к вам в дом и обсудить мою проблему?

Гробовщик, взяв деньги, не стал возражать и пустил ночного гостя.

2.

Они сидели за столом в призрачном свете подвешенного над ним абажура. Игорь принёс по чашке зелёного чая. Лицо Артёма в свете лампы было жёлтым, цвета никотина. Игорь подумал, что его новый клиент сильно болен и вряд ли долго протянет. Живыми казались только его карие глаза, которые смотрели на него с таинственной надеждой.

Они сидели в молчании. Игорь видел, что Артёму нужно собраться и что-то в себе преодолеть. Это читалось не только в его глазах, но и в опущенных уголках губ.

– Так о чём вы хотели поговорить со мной? – нарушил наконец затянувшуюся тишину вопросом Гробовщик.

– Мой сын, – начал Артём. Он отхлебнул горячий чай, поставил чашку на стол и продолжил дрожащим голосом: – Мой сын умер. Точнее, его убил дед, а я ему посодействовал в этом.

– Вы хотите сказать, что...

– Нет, – Артём отмахнулся рукой и покачал головой. – Но его смерть на моей совести. Я ему не верил.

Игорь промолчал. Артём выглядел старше своих лет. Волосы поседели, а под глазами были большие мешки, словно он страдал бессонницей.

– Он был убит, но моя жена не хочет этого понять.

– Почему?

– Потому что это был её отец.

Артём посмотрел по сторонам, словно для того, чтобы удостовериться, что за ними никто не наблюдает, и продолжил:

– Всё это началось, кода умерла моя тёща. И, честно сказать, я был счастлив как никогда, потому что много эта ведьма попортила мне нервов. Я был счастлив, что она, наконец-то, лежит в сырой земле на два метра ближе к аду. Вы ведь знаете, наверно, дом Челпановых?

Гробовщик утвердительно кивнул. Рассказы об этом доме ходили по всему северу. Это были такие же страшные сказки, которые можно увидеть по телевизору. И будь он проклят, если так оно и есть на самом деле.

– Ну, значит, и не мне вам рассказывать, что за чертовщина там происходила. И вот представьте, она была моим родственником. Но счастье по её смерти продлилось недолго: к нам переехал её муж, то есть мой тесть. Дом у нас большой и, к сожалению, место там на всех хватило. А переехал он, потому что на фоне смерти жены у него случился инсульт и понадобился уход.

Поначалу всё было хорошо, он нам не мешал. Наоборот, после смерти своей жены тесть стал каким-то спокойным и неразговорчивым. А вскоре он вообще перестал разговаривать, а потом у него случился ещё один инсульт, и он перестал ходить.

Ночной гость вновь поднёс дрожащими руками чашку к губам и немного отпил. Он сидел с бледным лицом, искажённым отпечатком пережитого страха.

– Так вот, несколько недель спустя после инсульта наш сын Коля стал постоянно плакать по ночам и звать меня к себе. И на каждый мой вопрос, что случилось, он отвечал, что дед стоит возле кровати и наблюдает, и от этого ему становится страшно. Я его всегда успокаивал, – он произнёс это с какой-то мистической интонацией, словно делал это зря, – и говорил, что всё это тебе кажется, что дедушка не может ходить, так как у него случился инсульт. А потом... потом мой сын, мой единственный сын умер.

Артём не выдержал и заплакал. Он достал платок из кармана и вытер лицо. Игорь молча ждал, рассеянно вертя кружку с чаем в руках, не понимая, зачем это Артём всё ему рассказывает.

Наконец Артём успокоился. Глаза его покраснели.

– Извините, – сказал он. – Я до сих пор не могу смириться с этой мыслью.

– Ничего, всё в порядке, – заверил его Гробовщик. Такое ему доводилось видеть очень часто.

Артём продолжил:

– Я помню хорошо тот вечер, когда снова с неохотой и со злостью пришёл на его крик. Конец лета выдался тяжёлым. На работе были завалы. Бумаг на столе было две

горы, и чтобы их разгрести, нужно было пахать по двадцать четыре часа в сутки. Ещё за этим дедом нужен был постоянный уход. А тут ещё кричащий Коля по ночам. И в тот вечер я готов был его за это убить. Убить за то, что он опять разбудил меня. Я уже представлял, как подхожу к нему и душу его своими огромными руками, и как он наконец-то затыкается.

Я зашёл к сыну, включил свет и увидел, как он вжался руками и зубами в одеяло и повторял: «Деда, он хочет забрать меня, он хочет забрать меня...»

Голос Артёма опустился до тревожного шёпота. Он весь съёжился на стуле.

– И мне почему-то стало его жалко. Несмотря на то, что мне надо было рано вставать, несмотря на то, что он меня снова разбудил, мне стало его жалко. Он был таким беззащитным.

Я сел к нему рядом на кровать и стал повторять, как это делал уже на протяжении многих ночей:

– Никакого деды здесь нет. Тебе просто это всё мерещится. Это... это просто игра теней и твоего воображения. Тебе уже пора становиться взрослым. И не звать меня по пустякам. Понимаешь?

Но он не хотел понимать меня, потому что он знал то, чего мы с моей женой не знали и не хотели знать. Мы, к сожалению, никогда не верим детям.

В тот вечер я еле как уложил сына спать и закрыл за собой дверь его комнаты. И когда я уже хотел спуститься к себе в спальню, краем глаза увидел, что дверь, где спал дед, приоткрыта. Я подошёл, открыл её и зашёл в комнату. В ней пахло мочой и старостью. А сам дед вонял могилой. В общем, запах был невыносимым. Я так и ожидал, что из волос его полезут черви. Он был уже мёртвым, но и живым в то же время.

Дед лежал. И какое там ходить, мне показалось, что он даже не дышал. Я нагнулся и прислушался: из ноздрей выходил слабый воздух.

Я вышел из его комнаты, решив, что это просто моя жена забыла закрыть дверь, и спустился в свою спальню с вновь слипающимися глазами.

Наутро я пошёл разбудить Колю, так как ему надо было в садик. Я всегда завозил его на машине по пути на работу. Когда я зашёл в спальню, мальчик лежал на спине мёртвый. Это было самое ужасное, что случалось в моей жизни: глаза были неестественно широко открыты, они были остекленевшими и неподвижными, а руки – вцепившимися в одеяло.

Врачи так и не смогли выявить точную причину смерти. Они сказали, что это может быть совокупность патологических случайностей, приведшая к остановке дыхания во сне.

Совокупность патологических случайностей, что за чушь! Как это вообще понимать?

Моя жена, когда увидела всё это, завизжала, как резаная. И теперь она лечится в психиатрической больнице. Именно тогда, выводя её из комнаты, я увидел... увидел, что дверь в комнату деда была опять приоткрыта. Хотя я точно помнил, как закрывал её.

Своей жене я ничего, конечно же, не сказал. Знаете, было уже не до этого. Да я и сам в это не верил.

Артём замолчал. Он смотрел в окно, руки всё не давали покоя уже пустой чашке. Грудь его вздымалась от волнения.

Все эти образы, всплывающие по ходу рассказа Артёма в голове Игоря, вызывали дрожь страха, но слишком быстро проскакивали, чтобы задержаться и запомниться, потому что до этого Игорю не было никакого дела. Он слушал Артёма без особого интереса.

– Послушайте, – нарушил молчание Игорь, – зачем вы мне всё это рассказываете? Если вы хотите заказать гроб и организовать похороны для своего сына, то так и скажите. К чему мне все подробности?

– Нет, что вы. Своего сына я похоронил уже месяц назад. – Артём с тоской поглядел на свою чашку и, подняв голову, добавил:

– Я хочу заказать гроб для своего тестя.

3.

– Знаете, я не люблю шуток, – сказал Гробовщик. – То, что вы мне рассказываете...

– В это трудно поверить, – закончил за него фразу гость. – Я понимаю вас, и понимаю, как это всё безумно звучит. Но я не шучу. Вот, откройте и посмотрите. – Он извлёк из куртки толстый конверт и протянул его Игорю.

Игорь потянулся к нему, взял и сел обратно на своё место. Он вопросительно посмотрел на Артёма.

– Загляните в конверт, и тогда мы продолжим.

Гробовщик аккуратно надорвал его. Он был битком набит тысячными и пятитысячными купюрами. Все они были новые, словно к ним ещё никто не прикасался.

– Там ровно сто тысяч рублей. Копил на новую машину, которая теперь мне, по всей видимости, ни к чему. Можете пересчитать.

Игорь какое-то время держал конверт в руках, пролистывая купюры, а потом отложил его и спросил:

– Вы хотите, чтобы я вам помог убить деда?

– Ничего такого, – покачал головой Артём с улыбкой. – Он давно уже мёртв. Вы и сами в этом убедитесь. Всё, что я хотел бы, так это крепкий гроб, который нельзя открыть, и вашу помощь, чтобы его закопать.

Он немного помолчал.

– Я... конечно, мог бы и ничего не рассказывать дальше, но всё же расскажу, чтобы быть с вами предельно честным. Вы, может, сочтёте меня за психа, однако я хочу вас предостеречь.

Гробовщик кивнул.

Артём потёр лоб, словно помогая воскресить в сознании остатки воспоминаний, и продолжил рассказывать дрожащим голосом, перейдя на шёпот:

– После смерти моего сына я остался дома один с тестем. В эту ночь я проснулся и увидел, что тесть стоит возле моей кровати и смотрит на меня своими мертвенными глазами. Я аж вздрогнул. В памяти всплыла приоткрытая дверь в его комнату, и вспомнилось лицо мёртвого сына. Именно тогда я окончательно понял, что всё это с ним сделал дед.

Тесть стоял неподвижно. От него шёл ужасный запах, запах гнили, запах разложения. Он был живым трупом. Глаза были глубоко посажены и горели мерцающим огнём. Он выглядел, как паук, пытающийся проглотить муху, а весь этот дом с момента переезда стал его паутиной.

Артём говорил медленно, и нотки страха были слышны в его голосе.

– На следующий день я не стал дожидаться, когда он явится ко мне в комнату, и сам пришёл к нему, чтобы покончить с этой тварью. Он лежал в кровати неподвижно. И тут при ярком свете я увидел то, что пронзило меня до глубины души. Дед после смерти Коли

был словно помолодевший, его седые волосы и борода потемнели. Некогда мертвенно восковая кожа, которая обтягивала его скулы так, что казалась почти прозрачной, – светилась румянцем. Щёки были полнее, а губы ярче обыкновенного. Мне казалось, что он просто налит жизнью. Он лежал без движения, как омерзительная пиявка, лопающаяся от перенасыщения. Это отродье просто высосало жизнь из моего мальчика!

Я взял подушку из-под его головы и зажал его лицо. С этой подушкой я стоял минут пять, а может быть, и все десять. Я всё ожидал, когда же его руки начнут подниматься и хвататься за жизнь, когда же он начнёт сопротивляться, но ничего не происходило, словно он уже был мёртв. Наконец я убрал подушку с его лица. Глаза его закатились, между веками остались только белки. По лицу блуждала ироническая улыбка, которая сводила с ума. Она словно появилась из самой преисподней.

Я прислонил голову к его груди. Дыхания не было. Он был мёртв.

Я отправился к себе в спальню. Утром я хотел позвонить в скорую помощь и сказать, что мой тесть умер во сне. Однако, когда я зашёл к нему в комнату, увидел, как он сидит на своей кровати, уставившись в окно. А на следующую ночь тесть опять пришёл ко мне. Теперь он стоял намного ближе.

Игорь никогда не верил в загробный мир. Он всегда отрицал существование живых мертвецов, бестелесных духов зла, пришедших из другого мира, способных вселиться в мёртвое тело, которое покинула его душа. К такой чуши он всегда относился скептически, но мысленно нарисованная им самим картина заставила содрогнуться даже его.

– Я хочу, – продолжал Артём, – чтобы вы помогли мне. Вот уже три ночи подряд он подкрадывается ко мне, когда я сплю. Он смотрит на меня, а губы его всё время шевелятся. Я уже не сплю двое суток. И знаете, если это и дальше будет продолжаться, то я спячу, а то и вовсе окажусь рядом со своим сыном. Жить с этим существом...

Всё, что я хочу, так это то, чтобы вы подъехали ко мне уже с готовым гробом и с крышкой на замках. Мы погрузим тело, а затем отвезём и закопаем его где-нибудь в лесу. А может быть, даже лучше будет его сжечь. И вы, наверное, сами убедитесь в этом, когда его увидите.

Гробовщик молчал, прокручивая в голове рассказ Артёма. У него создавалось ощущение, что тот, по всей видимости, просто спятил на фоне смерти ребёнка. Возможно, тот дед, о котором он рассказывал, уже давно мёртв, и его воскрешение является плодом расшатавшегося воображения.

После минутной паузы Игорь наконец сказал:

– Хорошо, я согласен. У меня есть готовые экземпляры.

4.

Гробовщик вёл свой старый катафалк на базе ГАЗель с удобным выдвижным подиумом для гроба. Под капотом билось неутомимое железное сердце, которое стучало всегда ровно и без нареканий, как дорогие швейцарские часы на его руке.

Из своего дома Игорь выехал в двенадцать часов ночи, как они и договаривались. Всё небо затянуло чёрными тучами, но дождя не было.

Чувствовал Гробовщик себя бодро и уверенно, потому что это была удачная сделка. Сделка, в результате которой он уже получил сто тысяч рублей и ещё должен получить пятьдесят, если всё пройдёт удачно. А затраты его вышли чертовски смеш-

ными: сам драпированный гроб «эконом-класса» не доходил и до тысячи рублей. Конечно, у него был широкий выбор гробов. В ассортимент его товаров входили и элитные гробы класса «люкс», такие, например, как восьмигранный или «православный». Но зачем тратиться ради какого-то психа? Ему хватит и драпированного гроба из простых досок. Пришлось, правда, попотеть над креплениями в мастерской, но ничего сложного. Получилось очень даже неплохо.

Гробовщик свернул с шоссе и проехал по просёлочной дороге до конца. Артём должен был стоять и встречать его здесь, но он не пришёл.

Игорь подкатил свой катафалк к последнему дому по левую сторону, как говорил Артём, и заглушил двигатель.

Сильный ветер колотился о дверь машины и толкнул Игоря в грудь, когда он вылез из кабины.

В доме везде горел свет. Но вокруг дома было темно и безмолвно. Отбрасываемые чёрные тени деревьев, озарённые лунным светом, казалось, наполнены молчаливой таинственностью. Всё здесь выглядело застывшим и мрачным, так что тонкая змейка белого тумана, которая ползла к крыльцу дома по дороге, представлялась единственной живой частью обитавшей здесь природы. По телу Игоря поползли мурашки, и ему это очень не понравилось.

В голове пронеслась мысль: «Игорь, подумай, что ты делаешь? Может, ты, как и он, свихнулся?» Но деньги слишком большие, чтобы быть идиотом и отказываться.

Входная дверь была слегка открыта, и Игорь готовился к чему-то неприятному, потому что, когда он подошёл ближе, сквозь щель сочился отвратительный запах, но не ожидал той вони, которая ударила в нос, когда его нога перешагнула через порог. В воздухе плавал запах гнили.

При других условиях стоявшее внутри дома зловоние заставило бы Игоря отказаться от этой работы, но она хорошо оплачивалась, поэтому деньги вливали в него силу, которая была намного сильнее его страхов. После секундного содрогания, которое Игорь испытал у порога, вдохнув отвратительный запах, он двинулся через коридор, словно это гадкое место было обычным домом.

Внутри стояла гробовая тишина, и он настороженно прислушался: не донесутся ли шаги или чьи-то голоса? Хоть в доме везде горел свет, Игорю не хотелось создавать лишнего шума, окрикивая Артёма, потому что непонятный страх сжал его сердце. Наверное, Артём просто уснул, ожидая его. Когда он видел его в своём доме, выглядел тот ужасно. Игорю хотелось сесть в машину и поскорее уехать, но он не мог этого сделать. Стиснув зубы, он зашагал по коридору. Под ногами заскрипел пол, и Игорь шёл медленно, стараясь создавать как можно меньше шума.

Он увидел на стене карандашный портрет, по всей видимости, покойного сына. Его покрывал слой пыли, а по углам скопилась паутина, которая свисала, будто рваные тряпки. На вид ему не было ещё пяти лет. Приятный мальчик, с мягкими чертами лица.

В самом конце коридора была приоткрыта дверь. Игорь двинулся вперёд и через несколько шагов уже увидел через щель небольшую часть комнаты.

Подойдя ещё ближе к открытой двери, ведущей, по всей видимости, в спальню, он заметил какие-то пятна неопределённого цвета, уходившие дальше по ступеням вверх на второй этаж. Сначала Игорь подумал, что это грязь, но она имела жёлто-пурпурный оттенок. Он присмотрелся к пятнам поближе и разглядел в них куски разлагающейся плоти и кожи, имевшие форму человеческой ступни.

Настоящий ужас сковал Игоря, как только он подошёл к проёму двери. Чувство это напоминало ночной кошмар, который потом не можешь вспомнить без дрожи.

Чёрная тень фигуры человека стояла, нагнувшись над кроватью, на которой лежало тело Артёма. Тут же фигура, почувствовав незнакомца, резко развернулась. Однако то, что там стояло, не могло быть живым человеком: кожа на лбу раздалась в стороны, сквозь которую виднелся череп, покрытый какой-то желтовато-гнойной жижей. От носа остался только хрящ, над которым один глаз блестел мертвенным светом, ничего не видя, а другой был чёрной дырой. По всему лицу ползали мухи. Нижняя губа была открыта, обнажая гнилые зубы. Руки походили на высушенные клешни.

Лицо Игоря побледнело. Ужас сжал его сердце и сдавил холодными руками. Его дыхание превратилось в хриплый звук.

«Этого просто не может быть, – проговорил он про себя, – пойми, то, что ты видишь, просто не может быть, это просто невозможно».

Игорь замер, боясь пошевелиться или проронить хоть слово. От напряжения воздух, казалось, наэлектризовался. Он чувствовал каждую сигарету, которую выкурил за последние десять лет, в повысившемся кровяном давлении и учащённом биении сердца.

Ни один человек, поражённый такой болезнью, не смог бы оставаться в живых. И Игорь знал, что если даже подключить его сейчас к аппарату и посмотреть на график электроэнцефалограммы, на нём будет только ровная линия.

Пьяный туман больших денег, окружавший его всё это время, мигом рассеялся. Игорь развернулся и бросился бежать обратно.

Всё это было правдой, всё, что рассказывал Артём, было правдой!

Игорь выбежал из дома, не оборачиваясь, и через несколько секунд стоял уже возле машины. Он судорожно рылся в своих карманах в поисках ключей, но не мог их найти, и это был конец.

«Теперь стой и жди той проклятой минуты, когда тут появится этот разлагающийся дед. Обыщи ещё раз все свои карманы!»

И он поискал тщательнее, даже вывернул карманы наизнанку.

Посыпалась какая-то мелочь, но ключей нигде не было.

Игорь стоял возле машины, раздумывая, что же ему делать дальше. Он мог оставить машину, но потом вопросов от полиции ему не избежать...

Игорь резко оборвал эту мысль.

Он заглянул внутрь машины, прижавшись лицом к стеклу. Ключи торчали в замке зажигания. Игорь открыл дверцу и сел за руль.

5.

От всего этого ужаса голова у Гробовщика шла кругом, и это пугало его. Как сильно всё изменилось за столь короткое время. Он максимально пытался сосредоточиться на дороге. Руки его не переставая дрожали. Стрелка спидометра коснулась 80 км/ч и неуклонно продолжала подниматься вверх.

На чёрном небе светящейся полосой раскинулся Млечный Путь. Месяц над тёмными деревьями вдоль дороги плыл за машиной. Трасса в этот час была абсолютно пустой. Село казалось вымершим. И Игорь был этому очень рад, потому что он сов-

сем не хотел, чтобы его в таком состоянии видел хоть кто-нибудь. Время и расстояние казались ему бесконечными, ноги сильно дрожали.

Нажав на газ, Игорь увеличил скорость до 100 км/ч, и ГАЗель помчалась ещё быстрее домой, где его ожидал конец этой безумной ночи.

6.

Игорь проснулся из-за каких-то звуков, и Артём, труп деда, гроб, вся эта кошмарная ночь растворились в мире призрачных теней.

Он не знал, сколько проспал: это мог быть и час, и даже целый день. Может быть, ничего этого не было? Он чувствовал, что потерял связь с действительностью.

«Это был сон», – подумал он. Конечно же, ничего такого наяву случиться не могло. Это был самый жуткий в мире кошмарный сон.

Но у него появилось непреодолимое желание подняться и лично в этом убедиться.

Отбросив покрывало в сторону, он медленно опустил правую ногу на пол, потом вторую и почувствовал холод, впивающийся в его ступни. Если он сейчас спал, то сон оказался чересчур реальным.

«Боже, – подумал он про себя, когда встал, – и ты ещё думал, что всё это было жутким сном?»

Ему казалось, что он услышал какой-то звук. Что-то...

Он затаил своё дыхание и прислушался к учащённому биению своего сердца.

И звук действительно был – однако не тот, который его разбудил, а другой. Слабый скрип половиц.

– Артём? – позвал он без особой надежды. Но это не мог быть Артём.

Дверь в его комнату открылась и впустила тень.

«Какая отвратительная вонь».

Медленные шаги в темноте пронзили Игоря страхом до глубины души. Теперь к нему пришёл настоящий ужас. Он вошёл медленно, проплывая через пустоты тела, наполняя их едким дымом. Игорь начал безостановочно дрожать, словно в лихорадке.

– Кто там?

Он начал пятиться, пытаясь унять дрожь перед лицом смрада. Он не мог разглядеть человека, но слышал его глухое дыхание.

Игорь понял, кто это, когда существо подошло ближе и попало в слабые лучи света, проникавшие через окно. Света было мало, но этого было достаточно. Это был дед. Он уставился на Игоря своим единственным глазом. Рот его ухмылялся. Стоял он теперь неподвижно.

«Деда, он хочет забрать меня, он хочет забрать меня...» – всплыли в голове у Игоря слова Артёма.

Дед с насмешливой улыбкой потянул к нему свою лоснящуюся руку, которая была вся в слизи и струпьях, как у долго находившегося в воде утопленника. Плоть на ней не просто обвисала, а чуть ли не капала на пол. Дед улыбался так, как улыбаются люди при встрече со старым другом.

И тут Игорь весь в поту, наконец-то действительно проснулся – уже по-настоящему. Он сел, жадно глотая воздух, с одеялом, обмотанным вокруг себя. Комнату зали-

вал яркий солнечный тёплый свет, который не оставлял и следа от ночного кошмара.

Он вскочил с кровати не в силах поверить, что это был всего-навсего страшный сон. Стрелки на часах, висевших на стене, показывали два часа дня.

Ровно в пять часов Игорь сидел за столом и пил чай. Благодаря загруженности работой, его кошмарный сон полностью растворился. К нему вернулось бодрое настроение. Тень той ночи соскользнула с него, словно одежда. Однако, чтобы окончательно избавиться от этих мыслей, он решил всё-таки проверить сейф с деньгами. В памяти его чётко запечатлелся момент, когда он положил туда тот белый конверт.

Игорь встал и подошёл к сейфу. Мгновенье он колебался, ужасаясь того, что может там лежать, а потом потянулся к замку, но тут раздался дверной звонок.

Игорь подошёл к двери, протянул руку, которая стала вдруг медленной и вялой, словно лишившейся костей, взялся за ручку и толкнул дверь.

В это же мгновенье челюсть у Гробовщика отвисла до земли. На улице стоял тот дед. Но был он теперь не таким, как вчера: он выглядел на десять лет моложе. Волосы были чернее. На лице его были тёмные очки, скрывающие глаза, а одной рукой он опирался на трость.

– Здравствуйте, – проговорил он скрипучим голосом. – Мне нужна ваша помощь. Видите ли, произошло несчастье. Сегодня ночью скончался мой зять. Не могли бы вы снять мерку для гроба и взять на себя устройство похорон?

Сетевой маркетинг

14 октября

– Какая у вас шапка?

Вопрос был столь неожиданный, что он оцепенел от удивления.

– В смысле? Не понял?

– Ну, какую вы носите шапку? – спросила вновь пожилая женщина, сидевшая за столом напротив, склонившись над его личным делом.

Он вспомнил свою белую шапку и шапку-ушанку. Но сейчас на улице было не так холодно, чтобы её надевать. И, вообще, причём здесь шапка?

– Ну, я сегодня не в шапке. Я в наушниках пришёл вообще-то.

– Я спрашиваю, какой размер твоей шапки? – повторила раздражённо старуха. Её маленькие глазки сверкали за очками на узком лице.

– Ааа... я не понял сразу, – с улыбкой отозвался Паша. – Я даже не знаю. Никогда не смотрел.

– Что за люди пошли, ничего они не знают! Так, – её взгляд из-под очков устремился на его голову, – наверно, где-то 56-58. А одежда? Скорее всего, L. Правильно?

– Ну да. Где-то так.

Но про себя он подумал, что если его заберут, то через некоторое время он похудеет так, что размер L ему будет великоват. Не стоит ли ему попросить, чтобы написали M?

Это был только первый кабинет, а ему уже приписывали размеры одежды.

– А ботинки какие носите?

– Где-то 41-42. Нет, 41 всё-таки...

– Хорошо.

Она склонилась вновь над его делом и на одной из страниц нацарапала что-то карандашом.

Паша пришёл заранее, где-то в районе восьми тридцати, чтобы успеть пройти все кабинеты до обеда. По своему опыту он знал, что если придёшь позже, то проторчишь в военкомате до самого вечера, и ему этого не хотелось.

Был ли он годен? Конечно, был. Однако он не восемнадцатилетний сопляк, у которого карта жизни всё ещё повёрнута вверх ногами, – ему уже 23, на руках диплом и хорошая перспективная работа в солидной фирме. Поэтому армия сейчас ему ни к чему.

Со здоровьем, к его сожалению, у него всё хорошо. КМС по пауэрлифтингу, а также хорошие характеристики, отсутствие уголовных и дисциплинарных проступков добавляли ярких красок в его личное дело. И для военкомата он становился лакомым кусочком. Ему ещё после школы звонили и предлагали поступить в Рязанское воздушно-десантное училище. Но он ответил отказом, потому что не видел себя в рядах вооружённых сил, и ему тем более не хотелось идти в армию сразу после школьной скамьи. Это была одна из причин, возможно, самая главная, почему он пошёл учиться в высшее учебное заведение: отсрочить уход в армию на пять лет. Однако не рассчитал, что время пролетит так быстро и он пополнит список призывников уже в этом году.

После трёх часов вопросов, ответов, коротких взглядов и беглого знакомства с его историей болезни Паша зашёл наконец-то к хирургу. Именно он оставался последней надеждой.

Хирург сидел за столом и, не поднимая глаз, равнодушно спросил:

– Имеются ли у вас какие-нибудь жалобы?

– Да, – отозвался Паша, вытирая вспотевшие ладони о бёдра. – Очень сильно болит спина. Уже на протяжении многих лет. Раньше я профессионально занимался пауэрлифтингом и много раз срывал спину, но не обращал внимания, – хирург без особого интереса посмотрел на Пашу. – Ну а потом, – продолжал Паша, – ...боли стали невыносимыми, из спорта пришлось уйти. – У Паши снова вспотели ладони. Его напрягало, что человек, сидящий напротив, молчит, и ему приходится продолжать. – Теперь врачи категорически мне запретили поднимать тяжести, – закончил парень.

– Ясно, – отозвался хирург. – Снимки или заключения врачей имеются?

– Нет, – сухо промычал Паша.

– Понятно. Идите в следующий кабинет.

Паша вышел с чувством, что это был конец и его точно заберут в армию. Однако, когда он зашёл в последний кабинет, где выдавалось заключение врачебной комиссии, его направили на дополнительное обследование. Вероятно, хирург принял и записал в «историю» жалобу Паши. И это был шанс, за который как-то можно было зацепиться. Повторно явиться в военкомат ему нужно было через две недели – уже с готовыми результатами обследования.

17 октября

Паша сидел возле рентгена и ждал результатов снимков. Он уже сходил в больницу по направлению военкомата, где ему поставили угол искривления позвоночника всего 4 градуса! Хотя даже невооруженным глазом можно было увидеть, что это не так. Спина на распечатанном снимке сильно изгибалась, и там было точно не меньше 10 градусов. Поэтому он решил сделать в платной клинике повторный снимок.

На самом деле спина не болела. Бывало, что он срывал её несколько раз, но последние пару лет всё было в порядке, потому что с «железом» в тренажёрном зале он обращался аккуратно и не кидался на большие веса со страстью «подснежника». Благо опыт у него был большой.

И всё же Паша не переставал надеяться, что, может быть, врачи что-нибудь и найдут, ведь он с детства ходил на лечебную гимнастику из-за сутулости, которая осталась и по сей день.

Он перерыл кучу информации в интернете и прекрасно знал, что по закону со сколиозом 2-ой степени и выше в армию не берут.

Из-за двери прозвучала его фамилия, и Паша, втянув голову в плечи, как ребёнок, ожидавший наказания, зашёл в кабинет.

– Здравствуйте.

– Добрый день, проходите, присаживайтесь, – сказал доктор, что-то записывая на листке.

– Ну что, молодой человек, со спиной у вас всё в порядке. Ну, не совсем, – доктор посмотрел снимок на свету и повторил: – Не совсем... – Он бросил снимок на стол и внимательно взглянул на Пашу. – У вас сколиоз второй степени. Довольно серьёзное заболевание. Требует длительного лечения. Однако служить вы всё равно пойдёте.

– Как? Почему? – озадаченно спросил Паша и нахмурился. – Сколиоз второй степени – это же пункт В, значит, в армию я не годен. К тому же, знаете, у меня постоянные боли, поэтому прыжковая да и любая подобная нагрузка мне запрещена!

– Годны, дорогой, годны... С первого октября прошлого года внесены изменения в порядок расписания болезней. Они коснулись опорно-двигательного аппарата. Теперь призывник имеет право на освобождение от армии, если его искривление будет превышать 17 градусов. У вас же только 12.

– Понятно, – сухо промычал Паша.

– Да, времена сейчас неспокойные, раз принимают такие законы, – назидательно произнёс врач. – Вот если бы вы всё это сделали заранее, скажем, ещё летом, то тогда «военник» был у вас на руках. А теперь у призывной комиссии есть законное право отправить вас в армию, правда, с незначительными ограничениями по родам войск. Однако зачем, спрашивается, такая служба? – он упорно смотрел на Пашу, – если после неё с таким заболеванием вас даже не возьмут в полицию. Можно, конечно, сделать МРТ поясничного отдела и посмотреть, что у вас там. Потому что сколиоз не проходит бессимптомно и обычно поражает именно эту область. Но не думаю, что будет что-то смертельное, возможно, остеохондроз и неопасные грыжи Шморля. Но сейчас у каждого второго призывника есть такая болезнь.

В его голосе слышалось простое сочувствие, и Паша ощутил, как в горле у него пересохло.

Доктор снова взглянул на снимок, положил на стол и сцепил руки в замок.

– Но на что только люди не пойдут, чтобы не служить в армии, не правда ли?

– Наверно, – медленно проговорил Паша. На его лице сейчас читалось выражение беспомощности.

Доктор молчал, словно ожидал от Павла ещё чего-то, но парень не издавал ни звука. Тогда врач заговорил вновь. Паше показалось, что голос его стал грубее и с вежливого обращения на «вы» он перешёл на «ты»:

– Что «наверно»? Ты хочешь идти в армию или нет?

– Я... я... не знаю. Вообще-то не планировал. Я не знал, что со сколиозом второй степени призывают.

– Не знает он... Если не знаешь, тогда можешь забирать снимки и дуть в военкомат. Ну а если хочешь... ну, ты понимаешь меня? Можно кое-что обсудить...

Во взгляде доктора читалась неловкость рационального человека, которому нужно говорить абсурдные вещи.

– Да, – в Пашиных глазах зажглась надежда. Уж чего-чего, но чтобы сам доктор просил о взятке, такого он явно не ожидал. – Понимаю. Сколько это будет стоить?

Рентгенолог засмеялся и, покосившись на дверь, шёпотом произнёс:

– Вот сколько это будет стоить, я сказать не могу. Но я могу тебе помочь. Есть одна компания, – он выдвинул ящик в столе и, покопавшись в нём, достал какую-то визитку, положил её на стол и написал на обратной стороне свою фамилию. – Можешь обратиться туда, там тебе, я думаю, смогут помочь. Скажешь, что ты от меня, и всё.

Паша долго рассматривал оказавшуюся в его руках визитку. На ней не было названия компании, а только слоган: «Решение любых проблем за короткие сроки». А что за проблемы и за сколько они будут их решать – об этом ни слова. Только внизу мелким шрифтом указан адрес.

19 октября

– Ну, что я вам могу сказать по этому поводу? – тёмно-синие глаза человека, сидевшего за столом, впились ему в лицо. Представился он Паше как Вадим Викторович. – Да, действительно, мы можем поставить такой диагноз как сколиоз третьей степени. Вопрос кроется только в одном: на что вы готовы пойти, чтобы вас не забрали в армию?

Вадим Викторович улыбнулся, обнажив кривые зубы. В тусклом свете они казались жёлтыми.

Только теперь Паша заметил, что на этом человеке был какой-то необычно длинный пиджак. Ему сразу же почудилось, что это мог быть смокинг самого графа Дракулы из романа Брэма Стокера. И это было странно.

Кабинет, в котором они сидели, был очень уютным и располагал к продуктивным для обеих сторон переговорам: мягкое чёрное кожаное кресло, в котором расслабленно утопал Паша, под его ногами коричневатый ковёр с достаточно плотным и длинным ворсом – явно ручная и очень дорогая работа. На стене напротив – огромная картина с изображением морского берега и домом на нём, словно твоя мечта, которая могла стать явью. Кабинет был оформлен с изысканным вкусом, неяркий, деловой и в то же время очень уютный.

– И, как правило, чтобы ответить на него, у вас должен возникнуть новый вопрос: насколько сильно вы не хотите идти в армию? – продолжал Вадим Викторович. – Знаете, человек, который дал вам нашу визитку, является нашим клиентом. Видите ли, мы распространяем информацию о наших услугах исключительно через сеть наших клиентов. Эти клиенты в свою очередь привлекают других. Как произошло и в вашем случае.

– И сколько же... сколько будет стоить моя негодность? – Паше не хотелось слушать об их компании и клиентах, ему хотелось поскорее решить свою проблему.

– Ну, как вам сказать, – Вадим Викторович потёр длинными пальцами подбородок. – С таким диагнозом, как сколиоз 3 степени, всё будет зависеть от вас. Вот сколько бы вы сами заплатили мне?

– Ммм... – Паша подумал и выдавил: – Тысяч сто пятьдесят или двести, наверно.

Человек запрокинул голову назад и громко захохотал. И Паша тут же понял, что с цифрой он сильно просчитался. Он подумал, стоит ли сообщать человеку, что сейчас на руках у него нет даже и такой суммы, и решил, что пока не надо.

– Сама негодность к армии будет вам стоить всего пятьдесят тысяч рублей! Плюс ещё нужно заплатить за градус искривления, который мы вам делаем по пять тысяч за каждый, а у вас их будет всего шесть. Итого сумма получается в восемьдесят тысяч рублей. Понимаю, что у вас сейчас, может быть, и нет такой суммы на руках, тогда могу вам предложить рассрочку.

В его голосе звучала необыкновенная сила, которая не только рассеивала Пашины сомнения, но и настаивала, чтобы Паша соглашался как можно скорее.

– Вы сейчас шутите?! – спросил Паша.

– О да, конечно, я большой шутник и клоун, но я не привык шутить, когда дело касается моего бизнеса. Я с вами абсолютно честен, и если вас не устраивают мои условия, тогда, – он пожал плечами и показал рукой на выход, – извольте. В нашу компанию люди приходят с самыми разнообразными проблемами, и поверьте, ваша решается легко, поэтому такая незначительная сумма. А самое главное, знаете что?

Паша покачал головой.

– Довольный клиент расскажет о хорошем опыте по меньшей мере трём своим знакомым, а недовольный – как минимум одиннадцати. А я прекрасно знаю, что вы обязательно расскажете кому-нибудь о нас, как рассказал вам наш предыдущий клиент, когда, конечно, придёт время.

Вадим Викторович улыбался, однако ничего приятного в этой улыбке сейчас не было.

Во время беседы Паша несколько раз обводил кабинет взглядом, будто желал удостовериться, что всё это ему не снится и действительно происходит наяву. И от мысли, что он может избавиться от армии всего лишь за восемьдесят тысяч рублей, да и ещё в рассрочку, у Паши защемило в груди.

– Ну так что, вы согласны?

– Конечно! А как мне с вами расплатиться и кто мне поставит третью степень?

– Так как призывная комиссия у вас будет 28 октября, я думаю, тянуть не стоит. Вам нужно будет сделать повторный снимок спины, скажем, через дня два. Сделайте снимок платно. Сейчас его стоимость не превышает пятисот рублей.

– А потом мне прийти к вам со снимком и с деньгами?

– Нет, мне снимок не нужен. Когда придёт время, вы сами ко мне придёте и при-

несёте деньги. А в противном случае...

– В противном случае что?

– Ничего, – улыбаясь, ответил человек и протянул ему свою длинную руку для пожатия, тем самым давая понять, что договор вступал в силу.

Паша протянул руку в ответ, почувствовав, как его губы невольно растягиваются в улыбке, и поразился, что все его проблемы так быстро исчезают. В тёмных, необычайно глубоких глазах человека потонуло маленькое отражение Паши. Нынешние ощущения были очень приятным, и мысль о том, что его заберут в армию, отступила назад...

– И помните, – сказал на прощанье Вадим Викторович, – если попытаетесь обмануть меня – я узнаю, и тогда никакие врачи вам не помогут.

Придя домой, Паша быстро уснул. Беседа с этим странным человеком словно высосала из него всю энергию.

Во сне он погрузился в тёмные глубины страшных образов. И одним из них был доктор из той странной компании. Он склонился над пациентом, который лежал на кушетке с разрезанным вдоль позвоночником. Паша был тут же. Доктор увидел его, и рот его распахнулся в жуткой ухмылке, обнажив ряд острых хищных зубов.

– Я же сказал ждать снаружи, когда твоя очередь придёт, тебя позовут!

А когда пришла Пашина очередь, он увидел, как со всех сторон потянулись к нему тени, протягивая длинные, с белыми рукавами, руки, чтобы... чтобы...

Проснувшись наутро весь в поту, Паша увидел залитую солнцем свою комнату. Скомканная простыня лежала под ногами, а подушка валялась на полу. Сильно болела спина, словно он всю ночь разгружал вагоны. Недавние события в той подозрительной компании казались далёкими и расплывчатыми. Ему сейчас оставалось убедиться только в правдивости вчерашнего дня для самого себя, казалось, что всё вчерашнее было чистым безумием.

25 октября

– Не может быть, – выдохнул Паша, когда увидел заключение рентгенолога. Он смотрел на него, не в силах объяснить охватившую его дрожь.

Его сердце трепыхалась где-то в районе горла, словно маленькая птичка, которая залетела в рот и застряла в глотке. Вдруг захотелось, чтобы ничего этого не было, и даже не столько потому, что у него на руках было заключение врача с диагнозом «диспластический сколиоз третьей степени с углом искривления 18 градусов», сколько из-за охватившего его страха, потому что это был реальный диагноз. Паша никогда не верил в сверхъестественные силы, и он пытался найти разумное объяснение событиям, которые произошли за последние дни. Буквально за несколько дней его позвоночник настолько деформировался, что одно плечо стало заметно выше другого, и когда он нагибался, появлялся огромный правосторонний горб. Боли были ужасные, спать на спине было невозможно, так как при вдохе в спину отдавало колющей болью, а правая сторона была постоянно в напряжении.

28 октября

Хирург со вздохом взглянул на снимок и нахмурился, словно не веря своим глазам. Показатели были ужасными, и это его не радовало. Придраться уже было не к чему. Он отложил снимок в сторону и внимательно посмотрел на Пашу.

– Разденьтесь до пояса, – равнодушно попросил он.

Паша повиновался.

– А теперь медленно согнитесь и достаньте руками пол.

Сделать это Паше не удалось из-за наступившей боли.

– Всё понятно, одевайтесь и ждите в коридоре. Вас вызовут.

Врач склонился над его делом и принялся что-то писать.

На этот раз долго ждать не пришлось. Последние два кабинета, включая призывную комиссию, он прошёл быстро. На комиссии ему сказали, что в мирное время его не призовут, Паша направлялся домой с мыслью о том, как ему быть дальше со своей спиной.

«Когда придёт время, вы сами ко мне придёте и принесёте деньги. А в противном случае...»

В противном случае что? Эта фраза крутилась у него в голове. Мозг постоянно окутывала мгла, в которой кружились жуткие образы. Образы того, что он заключил сделку с самим дьяволом.

3 декабря

Военный билет был у Паши в кармане. Но радости он не испытывал. Была лишь постоянная прогрессирующая ноющая боль, отдававшаяся без конца то в ноги, то в руки.

Еще недавно ему было не так тяжело переносить нагрузки, теперь же, почти месяц спустя, каждый шаг Паше давался с неимоверным трудом: у него затруднялось дыхание и учащался пульс. Он готов был поклясться, что с каждым новым прожитым днём ему становилось всё хуже и хуже.

4 декабря

Он, улыбаясь, вновь протягивал руку Паше.

– Я знал, что вы придёте.

– Почему же?

– Потому что наши клиенты всегда возвращаются. Но что-то вы совсем невесёлый. Полагаю, вы уже получили свой военный билет?

– Именно так.

– Ну, это хорошо. Надеюсь, вы принесли первый взнос?

Паша на мгновенье поколебался, а потом достал конверт и извлёк из него на стол сорок тысяч рублей.

– Очень, очень хорошо, – широко улыбаясь, проговорил Вадим Викторович и, пересчитав деньги в своих необычайно длинных и ловких пальцах, положил их в ящик стола.

– С вашей машиной теперь придётся немного подождать, но это же всё-таки лучше, чем проходить год в сапогах, не правда ли?

Разве Паша говорил ему о том, что он копил деньги на машину? Сейчас он этого не мог вспомнить.

Повисло неловкое молчание, и прервал его Вадим Викторович:

– Чувствую, что у вас есть ещё какой-то вопрос? Не стесняйтесь, спрашивайте.

– Да, – нерешительно отозвался Паша. – Как мне быть с моей спиной? Я же не думал, что у меня появится в действительности, ну, такое заболевание и...

– А как вы хотели? За всё нужно платить, мой дорогой друг.

Вадим Викторович немного помедлил, скрестив длинные пальцы рук перед собой в замок.

– Помните ли вы, что я вам рассказывал в прошлый раз о том, как устроена наша компания?

Паша молчал. Он чувствовал себя человеком, который затерялся в каком-то бесконечном кошмаре, где часы уже отстукивали последние мгновенья до неизбежной развязки.

Наконец он кивнул в ответ. Глядя, как Вадим Викторович шевелит в замке пальцами, Паша осознал, что, несмотря на вознаграждение в виде военного билета, он оказался обычной пешкой в руках своего нового владельца.

– Вы являетесь на данный момент нашим партнёром, и за свою работу по продвижению наших услуг получите вознаграждение. Конкретно в вашем случае – это излечение сколиоза. Так вот, для того, чтобы исправить вашу проблему, вам нужно привести в нашу компанию восемнадцать клиентов, хотя нет, уже девятнадцать. По каждому клиенту за ваш градус. Болезнь ваша прогрессирующая, и я не думаю, что вам стоит затягивать.

– А что будет потом? – спросил Паша. – Что будет потом, как я приведу восемнадцать человек? – он чувствовал, как холодок пробежал по его спине.

– Девятнадцать, – поправил Вадим Викторович. – А что потом? Потом вы можете наслаждаться жизнью. Всё в ваших руках, мой дорогой друг, всё в ваших руках.

Выйдя на улицу, Паша набрал полные лёгкие колючего декабрьского воздуха. Он содрогнулся, осознав, чем он должен сейчас заниматься, но усилием воли прогнал эти мысли. Единственным способом исполнить задуманное было не размышлять о последствиях. И он невольно стал перебирать людей, кому ещё грозила армия и кто хотел бы от неё избавиться. Потом он достал из кармана брюк телефон и набрал нужный номер.

– Алё, – послышался голос его бывшего одногруппника, с которым они вместе закончили в этом году институт.

– Привет, Колян, – отозвался Паша с деланной радостью. – Ну, как там у тебя дела с армией?

Ольга Баженова

Ольга Баженова чужліс 1992 вося урасьӧм 18-ӧд лунӧ Гажакерӧс грездын. Велӧдчис Туискерӧсса шӧр школаын, 8-ӧд классӧ пырис велӧдчыны Коми Республикаса Юралысь бердса искусство гимназияӧ гуманитарнӧй юкӧнӧ, 2014 воӧ помаліс Сыктывкарса канму университет коми филология специальносьт кузя. 2016 воӧ пырис Коми наука шӧринса аспирантураӧ, гижӧ коми кыввора стилистика йылысь диссертация. 2017-2018 воясӧ велӧдчис Хельсинкиса университетын. Кывбуръяссӧ Ольга заводитіс гижны Гожся университетын велӧдчигӧн, 2007 воын. 2012 воӧ петіс медводдза небӧг – «Шондіа ю», 2016 воӧ – «Ме велӧдча радейтны вылысь» кывбуръяса небӧг. Гижӧдъяссӧ йӧзӧдліс «Войвыв кодзув, «Арт», «Юность» журналъясын да ӧтувъя небӧгъясын. А.М. Лужиков нима литературнӧй премияа лауреат (2011), «Эзысь борд» конкурсын «Поэзия» номинацияын вермысь (2016). 2018 восянь Ольга Баженова пырӧ Россияса гижысь котырӧ.

Хельсинкиса асыв

Ичӧтик поэма

А вӧлі Хельсинкиса асыв...
Олег Уляшев.

Paulalle

1.

Меным шулісны: «Мортыс зэв лада!
Сӧстӧм сьӧлӧма, тӧлка да рам.
Тӧдмась бытьӧн!»

Ме тӧді: ас кадӧ.

Тадзи кагуксӧ виччысьӧ мам.
Оз ӧд тэрмӧдлы. Радлӧмӧн эскӧ.
Сюся кывзысьӧ. Кыйӧ быд пас.

Гусьӧн мӧвпыштлас: кутшӧм нӧ эськӧ?
Мед кӧть кутшӧм! Но ас лола!
Ас!

И ме кывзыси. Шы сеттӧг муні.
Ньӧти здук кадлӧн кадъяс эг лот.
Кор ме велалі огсӧ не шуны,
сэки велалі шуны ме: «Ог».

А сэсся...

Сэсся помнита: яръюгыд асыв.
Кӧть и йӧзыслы – букышкодь лун.
Кор тэ локтін. Нем виччысьтӧг. Ачыд.
Ӧтчыд овлӧ.
И некор оз вун.

2.

Удмуртияысь пӧчӧясыс сьылӧны
зэв тӧдса, муртса коми, сьыланкыв.
Ме пола, гашкӧ, зал пасьтаыс кылӧны,
мый гымгӧ менам сьӧлӧмӧй?
Оз кыв.

А сынӧдыс юр весьтад быттьӧ пӧртмасьӧ.
Ме сэтчань дырсӧ видзӧдны ог лысьт...
Ми тӧдмасим!
Ми тӧдмасим!
Ми тӧдмасим!
«Во мысти», – ышловзя.
А збыль кӧ – сюрс во мысьт.

3.

Векньыдик поскӧд,
Важиник поскӧд.
Комиыс татӧн
Вӧлӧма уна.

А ме... Аслам поскӧд-ӧ тэ бӧрся муна?..
Тэ ме йылысь нинӧм на,
нинӧм он тӧд.

4.

...А сэні, саридз саяс, матын Таллинн.
Оз тыдав сӧмын, кымӧра да, ӧні.

Оз эскыссьы и эскыссьӧ: ме тані.
А кӧні нӧшта колӧ лоны? Кӧні?

Эз меным ӧмӧй туйсӧ сійӧ дасьты,
Эз менӧ ӧмӧй вой шӧр войнас нуӧд?

Да, тэнӧ! Тэнӧ, Олюшка. Тэ казьтышт.
И некор ассьыд асывтӧ эн вунӧд.

5.

Муköддырйи тадзи овлӧ,
абу шемӧс мен:
олін-вылін ассьыд олӧм.
А эн ассьыд, эн.
Ставсӧ, велалін мый бурас,
лёксӧ мый эн кер,
меным вуджис:
гугсянь – вурыс,
ортсысяньыс – сер.

6.

Кодлӧн тайӧ кывбурыс?..

Гаръяссӧ поткӧдысь тувсовъя выныс,
кагаӧс кок йылас сувтӧдысь выныс,
черисӧ кӧськъясӧд катӧдысь выныс,
лэбачӧс войвылӧ вайӧдысь выныс,
быд асыв шондісӧ кыпӧдысь выныс
вайӧдӧ миянӧс
ӧта-мӧд дорӧ?

7.

А ставыс, вӧлӧм, сэтшӧм кокни,
мый пет да лэб!
Оз ков ни бордъя пыж, ни борд ни,
а сӧмын пет!

И медым чуймаласны кодкö:
кыдз позьö сідз?
Öд ставыс, збыльысь, сэтшöм кокни,
кор тödан, кыдз.

8.

Бурджык не висьтавны. Нинöм не висьтавны.
Быдмöны сёрниттöг дзоридз да пу.
Кокньыдик видзödлöм. Кокньыдик инмödчöм.
Некод оз тödлы. И нинöм оз шу.

9.

Ставыс тайö челядясьöм, вöт...
Рытъя нормöм сьölöм. Тима Вень моз.
Сылас асъя руöн.
Ме ог тöд.
Тöда сömын: видзödласыд – вемöс.

Видзödласыд тэнад асъя. Ас.
Томсьыс-том и пыдöсödзыс югыд.
Восьса, быдтор рömпöштавны дась.
Видзödлан – и некор
он нин вунöд.

* * *

Тані быдöн бöрйö ачыс
туйлысь-тödмалömлысь дорсö.
Бöрйö: лэдзчысьöм ли лача,
бисерöн ли биöн ворсны.

Олан поскöс дасьтö кадыс,
стöча тödö, кымын тшупöд.
И ме эска: ставыс ладмас,
арталömасö он жугöд.

Сувттöг, бергödчытöг, дерт нин,
кутчысян кö векни визьö.
Лотны кадсö тан он вермы:
Лот гötыр моз пöран изйö.

* * *

Миян енэжвывса гортсянь
велавсьӧма, медым тані.
Ылыстчан да – вежгӧм, горзӧм...
Матыстчан да – ина, шаня.

Прӧста матыст ловтӧ мелань,
кокньӧд видзӧдлас да восьлас.
Кывйӧй – кымӧр кодьыс мелі.
Сывйӧй – сынӧд кодьыс восьса...

* * *

Рудсӧ ме йылысь тӧдмавны дасьтысь...
Юрад вирдыштас: «Абу ме рӧдысь!»

Сэки казьтышт
тэ, ен могӧн, казьтышт:
менам синъясӧй
тэнад кодь
лӧзӧсь.

* * *

Кывбуръясӧс зарни моз
арся тӧлыс разӧдас.
Нинӧм менам асламыс
эз вӧв ни эз коль.

Нинӧм менам асламыс
некыті эз тасавлы.
Кок туйясӧс пасйывтӧг
кывтас олӧм-ёль.

Таысь вывті кокни мен,
некыті оз топӧд ни.
Пасьтӧг, кортӧг локті ме,
пасьтӧг муна бӧр.

Морӧс пыръя кыпыда
кымӧръясыс кывтӧны.
Кӧнкӧ ылын тыдалӧ
кокни, зарни вӧр.

* * *

Ме висьтавны прамöя нинöм ог куж.
И мекöд тэн, тöдöмысь, гажтöм.
Со, синъясад тыдовтчис арся нин пуж,
и «мöдöдчам гортланьö, гашкö?»

Да, тадзи и колö.
Ог вензьыны мöд.
Дай мыйла нö збыльыскöд вензян...
Тан кык сöмын вочакыв: тöдан – он тöд.
И некытчö таысь он дзебсьы.

Мен колыштö неунка, неунка кад!
И велала быдторйö. Стöча.
Но чöв ола мунігöн.

Пужъялöм сад...

Ме тулыссö вичча и вöча.

* * *

Тэнад мич вылö ог вермы видзöдны.
Тэнад югыдысь син водзын пемдö.
Тайö пемыдыс – Jumalan pimeys,
кытысь став олан югыдыс петö.

Тайö пемыдсö он вермы вежöртны.
«Сьöд вöр шöр» сійö мойдъясын шусьö.
И зэв гежöда, тöдан, зэв гежöда
сійöс аддзывны шудлуныс усьлö.

Пыдö сьöлöмö пемыдыс дзебöма.
Овлö, мöвпöн ли кывбурöн югдас…

…Сöмын, мусаöй, тöдан,
вой пемыдöн
меным лоисны
тэтöгъя
лунъяс.

Надежда Шукюрова

Шукюрова Надежда Игоревна – *родилась в 1988 году. Закончила исторический факультет СыктГУ. Работала как по специальности (историк, преподаватель истории), так и по другим профессиям: журналист, продавец книг, бариста, администратор магазина чая и кофе. Публиковалась в литературном альманахе «Белый бор».*

Что случилось с Генкой

Генка чувствовал: что-то не так. Когда он вернулся домой из университета, Фарт встретил его в дверях и тихонько заскулил. Генка решил, что псу срочно нужно отлить, и вывел его на улицу. Они гуляли около часа, а Фарт был всё так же тревожен. Генка пытался играть с ним, и пёс приносил палку, исправно прыгал по команде, но всякий раз взволнованно заглядывал хозяину в глаза.

Был конец ноября. Снег в этом году то выпадал, то снова таял. Асфальт на дорогах, земля и трава во дворе, опавшие листья – всё превратилось в сплошную полосу чёрной грязи. Полудохленьким снежинкам никак не удавалось прикрыть всё это безобразие. Генка присел рядом с псом и спросил, почёсывая ему шею:

– Что с тобой сегодня, парень?

Почти год назад Фарта взяли из приюта. Генка сразу понял, что они с батей должны забрать именно эту собаку. По глазам. Блестящим и тёмным, как переспелые вишни. Пёс смотрел так, словно хотел разрыдаться, но никак не мог. Они с Генкой с первого взгляда друг друга поняли. Фарт был добродушный и большой, похожий на длинношёрстную немецкую овчарку, такого же чепрачного окраса с чёрной мордой, только строение тела имел какое-то лисье, более хрупкое. В двушке со смежными комнатами, где Генка жил вместе с родителями, места было не так много, но с Фартом много гуляли, и пёс был доволен.

Мама полюбила Фарта, как только увидела. Сначала Генка встревожился от её удивлённого выражения лица, но

мама сказала, что Фарт очень похож на одну собаку, которую она хотела взять домой, когда была маленькой. Тогда тот пёс привязался к ней на улице, а родители собаку домой не пустили, и мама долго сидела в подъезде и гладила пса, а тот будто понял, что произошло, и отворачивался от поглаживаний, продолжая скулить. Потом мама выпустила собаку на улицу, и та ушла, оставив маленькую девочку с огромным чувством вины.

Матери было девятнадцать, когда Генка родился. Всего на год больше, чем ему сейчас. Она отложила поступление в университет, а когда Генка немного подрос, отучилась в техникуме на повара. Генка никогда не мог точно сказать, действительно ли мама любит свою профессию. На любые его расспросы об этом она отвечала лишь, что любит его, Генку, и это и есть самое главное. Вообще мама умудрялась как-то любить весь мир, что бы ни происходило. Она никак не признавалась, на какую специальность хотела поступить раньше. Генка знал только, что после школы на вступительных экзаменах она провалилась, хотела поступать позже и временно устроилась официанткой в кафе. Позднее здесь же она и приступила к работе повара, получив диплом техникума.

Кто точно обожал свою работу, так это отец. Когда Генка только поселился у матери в животе, батя учился на первом курсе химико-биологического, успев отслужить в армии. Отец перевёлся на заочный факультет и крутился, как мог, совмещая учёбу и две работы, чтобы тянуть семью. Закончил университет с отличием и довольно скоро защитил кандидатскую. Что-то по пектинам, Генка точно не знал. Будучи младшим школьником, Генка бывал у бати в институтской лаборатории и понял, что тот просто бредил этими пектинами. Больше них отец любил только сына и жену. Когда Генка помогал отцу мыть какие-то колбочки в лаборатории, тот всё говорил про свои пектины, что за ними будущее и много чего ещё... Тогда Генка мало что понял, кроме горящего в батиных глазах восторженного желания сделать что-то важное для других людей. Это Генка запомнил навсегда. Он решил, что обязательно закончит университет и тоже станет учёным.

Когда батя свои пектины бросил, Генка был шокирован. Он пытался вытянуть из отца, куда делось это будущее, о котором тот раньше рассказывал. Но батя отвечал мало чего вразумительного. Потому что пил. Генка с матерью не успели заметить тот переходный момент, когда алкоголь для отца из категории «за встречу» или «пить надо уметь» перешёл в категорию ежедневных витаминок. Генка смутно подозревал, что всё это «умеренное употребление», – не более чем выдумки, и что ничего хорошего за этим в никогда не следует. Потому что однажды, гуляя во дворе после школы, он увидел своего отца с коллегой: те стояли у стены дома и разговаривали. Это было ещё тогда, когда отец «знал меру». Генка подкрался к ним и присел за припаркованным рядом автомобилем, слушал, но никак не мог уловить суть разговора. Во-первых, говорили они, хоть и с жаром, но невнятно, отрывочно. Будто Генка слушал не разговор живых людей, а аудио-кассету с зажёванной ранее плёнкой (у бати сохранился кассетный магнитофончик, который он пару раз включал сыну, чтоб тот познакомился с раритетом и оценил достижения прогресса). Потом коллега отца ушёл, а батя, постояв с минуту и поглядев прямо перед собой помутневшим взглядом, двинулся следом. Генке всё это очень не понравилось. Батя напомнил ему замаринованного в банке мёртвого уродца, вроде тех, которых он однажды видел в Кунсткамере, когда они

всей семьёй ездили в Петербург.

Чтобы узнать, что случилось с пектинами, Генка пришёл в институт к начальнику отца. Нужно было разобраться: батя не мог бросить всё просто так. Наверняка произошло что-то ужасное. Может, исследования зашли в тупик, или отца подсидел какой-то скользкий коллега. Сына Козырева узнали и пустили на пропускном пункте. Анатолий Кириллович, директор института, Генку принял, но смотрел на него с какой-то болью. Генка требовал правды, и правду эту директор выдал: с пектинами всё в порядке, разработки идут. А отец был уволен за пьянство. Тогда Генке было четырнадцать. И он понял, что все эти стеклянные бутылки с довольно вонючим пойлом, которые в последние два года появлялись дома с регулярностью буханки хлеба, забрали у бати будущее.

За следующие три года Генка понял, что в алкоголе и очень быстро растворяется любовь. Видимо, сначала к пектинам, а потом к жене и сыну. Они с матерью упорно пытались достучаться до бати. Таскали его по всевозможным врачам, психиатрам, гипнотизёрам... Без особого толку. Генке стало невыносимо видеть, во что превращает себя отец. От отчаяния Генка глубже зарывался в себя, старался отгородиться от того, что происходит дома. Читал книги или болтался на улице.

Во дворе с мальчишками Генка играл в баскетбол. Они играли круглый год. С мячом Генка чувствовал себя отлично. Скоро его мастерство приметил школьный физрук и взял в школьную сборную. Генка становился старше, но рос не настолько хорошо, как следовало бы баскетболисту. Тогда он начал тренировать броски, пока не стал главным снайпером команды.

Зимой, когда Генка был уже в выпускном классе, отец впервые ударил его. Они ужинали на кухне все втроём, а батя прихлёбывал свой обычный коктейль (из дешёвого коньяка, сухих мозгов и дерьмовой жизни, как называл его Генка). Генка рассказывал матери, что хочет поступать на исторический факультет, а батя возразил, что делать там нечего и зря Генка туда собирается. Тогда Генка огрызнулся, заявив, что не желает слушать советы от мужика, которому за последние годы, кроме загнивающей печени, гордиться нечем. И батя со всей дури вмазал ему в глаз. Мать вскрикнула. Генка упал со стула и так и остался сидеть на полу, схватившись за лицо. В голове звенело, но больше от неожиданности, чем от боли. Отец будто протрезвел, кинулся к сыну. Видимо, сам был напуган собственным поступком. Кажется, просил прощения. Генка не помнил. Слишком захлестнули обида и злость.

Тогда мать и поставила отцу ультиматум: либо семья, либо бухло. Батя выбрал семью. Генка сначала не верил ему. Но на этот раз всё было иначе. Месяц за месяцем, а отец был как стекло. Устроился на работу в службу охраны, а мама стала работать меньше. Родители будто вспомнили, как сильно любили друг друга когда-то. Снова смеялись, держались за руки. Тогда-то батя и предложил Генке взять пса из приюта. Они хотели сделать это ещё лет десять назад, когда отец ещё был его героем. Этого героя Генка страстно мечтал вернуть. Поэтому согласился. Отец снова просил у Генки прощения за всё, и Генка простил. Ведь бывает же так, что всё всё-таки налаживается, решил он.

Генке исполнилось восемнадцать летом, он получил отсрочку от армии и поступил в университет на исторический факультет. Мама гордилась им. Она всегда поддерживала его желание учиться, даже в те годы, когда вынуждена была пахать на двух работах, когда батя вре-

менно сложил с себя полномочия мужчины. Поступлению Генка радовался. С первых дней учёбы мечтал, как пойдёт в аспирантуру. Размышлял о кандидатской. Он считал, что с восточными славянами вопрос решён недостаточно ясно. Больно много политической лабуды накидали с течением времени на связанные с ними темы. Генка хотел связать будущую кандидатскую со славянами и все свои курсовые писать в этом же ключе.

В конце лета перед началом университетской канители родители сообщили ему, что в семье ожидается прибавление. Генка удивился и растерялся от этой новости, но мама пела всякий раз, когда готовила ужин, а отец приносил ей цветы каждый день, и Генка решил, что вот оно – время быть счастливым.

В университете Генка подружился с Тимуром. Они были шапочно знакомы ещё раньше, пересекаясь на межшкольных соревнованиях. Тимур обожал баскетбол так же, как и Генка, играл отлично и на поляне был ему серьёзным соперником. На исторический они поступили одновременно и были в одной группе. Поначалу Генка держался особняком, а с Тимуром только здоровался. У большинства ребят общение вне учёбы сопровождалось бухлишком, а Генку от всего этого трясло, поэтому у него было мало охоты заводить с кем-то дружбу. Но на посвящение в первокурсники он пошёл – всё-таки нужно было присутствовать всем курсом. Посвящение проходило в студенческом общежитии, городским ребятам в виде исключения тоже разрешили пройти. Правда, только до одиннадцати вечера. Тогда-то Генка и обратил внимание, что не бухают на всём празднике только он и Тимур, и подошёл к бывшему сопернику. Завязался разговор про баскетбол и прежние времена, про учёбу и даже про славян. Так общение и сложилось. Как Генка понял, запойным алкоголизмом никто в семье Тимура не страдал, но в его доме не пили с некоторых пор принципиально. Тимур сказал, что алкоголь – оружие геноцида населения, и что он в здравом уме не собирается в этом участвовать. Генке это понравилось.

В конце сентября Тимур и Генка прошли отбор в университетскую сборную по баскетболу. На первую тренировку они, как назло, опоздали. Остались после пар в университете, засели в библиотеке за историю Древнего Рима. Когда закончили писать конспекты на практическое занятие, времени было уже в обрез, но они бы успели, если бы не нерасторопная библиотекарша, которая таинственным образом затерялась среди книжных полок и не сразу нашла дорогу к своему столу, чтобы принять их книги. В главный корпус Тимур и Генка бежали со всех ног, а когда влетели в спортзал, тренировка шла уже пять минут. Тренера в зале не было, а команда уже собралась. Парни оглядели взмыленных новичков с одинаковым прохладным неудовольствием.

– Разминаться надо в зале. Имейте это в виду, если в следующий раз решите пробежаться до тренировки, – сказал синеглазый тёмноволосый здоровяк. – Я Федя, капитан команды.

Генка и Тимур видели Федю на отборочных испытаниях. Он учился на предпоследнем курсе физкультурного и, по-видимому, имел мало оснований доверять каким-то первакам-историкам. Сейчас он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на них скептически. Особенно на Генку, с его ростом. Рядом с Федей стоял худой парень немного повыше Генки. Затылок худого был выбрит, а на макушке волосы длинные, связаны в маленький хвостик. Одним словом, Чиполлино. Остальные игроки сидели позади на скамейке.

– Это Семён, наш разыгрывающий, –

сказал Федя. – Третий курс физмата.

Чиполлино широко улыбнулся и сказал:

– Добро пожаловать на скамейку запасных!

– Мы пришли сюда не для того, чтобы зад просиживать, – ответил Тимур.

«Опять он воюет», – подумал Генка. Тимур вечно готов был выпустить когти и кинуться в бой. Вспыльчивый характер и обострённое чувство справедливости. Генке воевать не хотелось. Он успокаивающе похлопал Тимура по плечу.

– Спокуха, первачки, – отрезал Федя. – На первый раз опоздание прощается. Больше не вздумайте. Повезло вам ещё, что Степаныч сегодня задержался.

– Истфак не опозорьте. – Парень с гладковыбритой черепушкой поднялся со скамьи. Генка узнал его: этот старшекурсник как-то приглашал их в студенческое научное общество. Надо же, удивился Генка про себя, и в СНО рулит, и в баскет рубится.

– Это Колян, наш лучший форвард, – сказал Федя. – Историков вместе с вами у нас теперь почти на треть команды. С физвоса кроме меня тут только Андрюха, наш лучший защитник. – Черноволосый парень, который сидел на скамейке, вытянув длинные ноги, махнул им рукой. – Двое физвосников выпустились в прошлом году, вы пришли на их место.

Потом Федя представил остальных ребят из команды и оправил новичков переодеваться.

Тренировка прошла так себе. Руки и ноги, как у Генки, так и у Тимура, слушались плохо. Генка волновался дико, а от того много мазал, даже в самых простых ситуациях. Тимур умудрился споткнуться и упасть на ровном месте. Видимо, тоже нервишки пошаливали. Степан Степанович возмущался, что взял в команду двух балерин, а игроки подшучивали и посмеивались над перваками. Но Генка заметил кое-что и поделился этим с Тимуром, когда они уныло волочили ноги домой:

– Федя не сказал тренеру, что мы опоздали.

– А он должен докладывать? – Тимур пожал плечами.

– Тренер спросил его, как начали тренировку без него, и не было ли чего. Федя сказал, что всё нормально.

– Хочешь сказать, капитан нас прикрыл?

– Выходит, что так.

К ноябрю сборная университета успела сыграть в нескольких товарищеских матчах. Генка и Тимур разогнали кровь и перестали быть такими заржавевшими на площадке. Скамью запасных занимали не дольше, чем остальные игроки. Семён называл Тимура «железным форвардом», а Генку – «железным шутером».

Генка гулял с Фартом почти час, но настроение пса так и не улучшилось. Генка завёл его домой. Фарт скулил, тревожно поглядывая в сторону кухни. В квартире стоял какой-то бледно-сизый туман. И запах. Тут до Генки дошло.

Он подошёл к кухне и встал в дверях. Пёс затрусил следом. Внутри у Генки всё замерло в неподвластном рассудку страхе. Он смотрел на отца, который курил прямо на кухне, и не верил своим глазам. На столе перед батей были наполовину пустой низенький стакан и початая бутылка виски.

– Бать, ты чего... – Генка вцепился в дверной проём, пальцы его побелели.

Отец посмотрел на сына и глупо улыбнулся. Генка с ужасом узнал этот законсервированный взгляд. Похоже, вискарь на столе – не первое, что он пил сегодня.

– Почему ты не на работе? – спросил Генка.

– Это всё чушь, Геноха, – ответил отец. – Ты знаешь, сколько я учился? Знаешь,

сколько я для института сделал? А они...

– Батя... ты чего пьёшь?

– Я столько думал, Геноха... – Отец будто не слышал его. – На днях встретил Саныча из лаборатории. Говорили. Он такой дятел! – Батя расхохотался. – Я у него в формулах ошибки исправлял... И он до сих пор там!

Генка сжал руку в кулак и снова разжал. Отец превращался в какое-то бормочущее недоразумение. Генка произнёс с расстановкой:

– Какого... хрена... ты... пьёшь... батя?

– Не перебивай! – воскликнул отец. – Ты не понимаешь! Думаешь, это легко всё? Ходить на эту тупую лакейскую службу после всего, что было раньше?

Отец схватил стакан и швырнул его в угол кухни. Стекло ойкнуло и раскололось. Генка попятился. Фарт зарычал. Батя замотал головой и сказал:

– Ты вырос. Через четыре месяца родится твой брат. А я – просто придурок и неудачник.

В глазах у Генки встали слёзы, в груди было больно. Он ответил:

– А я думал, ты – мой герой. Хоть ты бы и ящики грузил, какая, блин, разница. – Генка развернулся, ушёл в свою комнату и закрыл дверь. Фарт улёгся в коридоре, а отец полез в шкаф за другим стаканом.

Генка ходил по комнате и отчаянно злился. На сорвавшегося отца, на бухло, на слёзы, успевшие щипнуть глаза. Разреветься, как девчонка, Генка себе не позволил. Несколько раз подтянулся на турнике, прикрученном к стенке. Спрыгнул на пол, снова померил комнату шагами. Пнул валяющийся на полу баскетбольный мяч. Что будет, когда мама вернётся с работы? Что вообще будет дальше?

Он взял свой маленький mp3-плеер, надел наушники, лёг на кровать и включил музыку. Тимур скинул на днях новый Гротовский «Ледокол «Вега».

Генка открыл глаза. Похоже, он вырубился на какое-то время. Фарт захлёбывался лаем за стенкой. Генка вскочил, бросил плеер с наушниками на кровати и выбежал из комнаты. Пёс бесновался в прихожей, прыгал на входную дверь. Дома никого не было.

– Сидеть! Тихо! – Генка схватил пса за ошейник, и тот умолк.

Из-за входной двери слышались голоса. Ругались его родители. Видимо, отец хотел уйти, а мать пыталась его остановить. Такое бывало раньше тысячу раз. Одна из квартир на их лестничной площадке пустовала, другую снимали ребята, которые работали допоздна, а в третьей жила очень древняя старушка, которая редко показывала нос наружу. Никто из соседей не выйдет.

– Фарт, будь здесь, парень, – сказал Генка и пошёл к выходу.

Он нажал на ручку двери, чтобы открыть её, но та оказалась заперта на нижний замок. В голове Генки пронеслась мысль, что отец, видимо, хотел уйти из дома до прихода матери, но столкнулся с ней в подъезде.

– Где этот чёртов ключ! – Генка копался в карманах своей куртки.

Наверное, в рюкзаке... Он бегом бросился в комнату, слыша, как отец вопит: «Уйди с дороги!!!»

Когда Генка трясущимися руками вставлял ключ в замочную скважину, он услышал крик матери и какой-то грохот. Фарт вскочил и снова залаял.

– Сидеть! – приказал ему Генка, выскочил в подъезд и захлопнул дверь.

Отец повернулся к нему и схватил за плечо трясущейся рукой. Лицо бледное, как у мертвеца.

– Я только слегка её оттолкнул... Я не хотел... Она оступилась...

– Мама! – Сердце Генки ухнуло вниз и врезалось в желудок.

Он вырвался от отца и побежал к ма-

тери. Она лежала на полу у подножия лестничного пролёта. Генка упал возле неё на колени и тронул за плечо:

– Мама...

Она была в сознании.

– Генчик... – Мать попыталась встать и поморщилась, прижав руку в животу. – Больно...

– Мама, лучше лежи. Сейчас, сейчас... – Генка шарил по пустым карманам своих джинсов. – Долбаный телефон в комнате... Дай свой!

Мама вытащила телефон из кармана пальто и протянула сыну. Генка схватился за трубку и быстро набрал номер скорой. Фарт заходился лаем в квартире, скрёбся когтями в дверь.

– Танюша... – Отец вцепился в перила и с ужасом глядел вниз.

– Батя, иди в дом! – заорал Генка. – Пса успокой!

Отец зашёл в квартиру, но Фарт так и продолжал лаять. Генка вызвал скорую и сидел возле матери. Он положил её голову себе на колени и гладил по волосам. Мама плакала. Её красивое лицо исказилось от страха и отчаяния.

– Всё будет хорошо, мам... – шептал Генка, сам с трудом веря своим словам.

Он услышал, как отец в квартире принялся кричать на собаку. Потом раздался звон, Фарт взвизгнул и замолчал. Генка напрягся.

– Генчик, посмотри, что там у них, – попросила мама.

Генка встал, взбежал по ступенькам. Тревожное предчувствие молоточком колотило по нервам. Он открыл дверь.

Фарт лежал на полу. Язык вывалился из разинутой пасти. Глаза остекленело уставились в никуда. Возле его головы растекалась лужица крови. Генку затрясло мелкой дрожью. Он присел на корточки возле собаки и прошептал:

– Фарт...

Запустил пальцы в его длинную жёсткую шерсть, провёл рукой по животу. Фарт боялся щекотки и всегда смешно вертелся, когда Генка гладил его так. Но сейчас ему щекотно не было. Фарт был мёртв.

Генка выругался. И снова. И снова. Гладил пса. Грудь сдавило, дышать стало трудно. Но мама... Там мама внизу одна... Генка тяжело выдохнул и пробормотал:

– Прости, парень, прости. Я сейчас... Я вернусь к тебе, дружище.

Потом медленно поднялся, прошёл по коридору и заглянул на кухню. Отец курил там, держа в руке горлышко бутылки, разбитой о мохнатую черепушку пса. Генку затрясло с головы до ног. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова будто высохли на языке. Генка проглотил их, вместе с огромным комком, засевшим в горле.

Затрещал домофон, батя даже не пошевелился. Похоже, он был уже не здесь. Генка вернулся в прихожую, поднял трубку и нажал кнопку, чтобы открыть подъездную дверь. Потом вернулся к матери.

– Что там, Генчик? – спросила она.

Генка сидел рядом с ней, совершенно одеревенев. Доктор и медбрат уже поднимались к ним по лестнице.

– Всё нормально, мам, – сказал Генка. Голос его охрип. – Всё будет хорошо...

Генка отвечал на практическом вяло. Даже Ольга Ефремовна, вредная старушка, ещё более древняя, чем её древние греки, проявила неожиданное сочувствие:

– Козырев, вы здоровы?

– У меня всё в порядке, – ответил Генка так, будто пытался убедить в этом самого себя.

Ольга Ефремовна покачала головой:

– Садитесь, Козырев. Не хватало ещё нам здесь обморока. Ответ зачту за прошлые заслуги. Думаю, ваш товарищ смо-

жет вас выручить и дополнить.

Тимур тут же вскочил, взял свою тетрадь и вышел за кафедру. Ещё с самого утра он допытывался, что у Генки случилось, но тот упрямо не отвечал, а только делал вид, что слушает про шумерскую клинопись и ступенчатые пирамиды, а на переменах утыкался в конспекты или телефон. Тимур всматривался в худое Генкино лицо, из-за университетских ламп дневного света казавшееся ещё более бледным, чем обычно, и злился, что друг не рассказывает явно что-то серьёзное.

После пар Тимур и Генка шли по улице вместе, морщась на паршивую погоду. Дождь со снегом затеяли кутерьму, будто не желая уступать один другому. Промозглый ветер подхватывал колкие снежинки и капли воды и бесцеремонно швырял в лицо. В середине квартала Генка всегда сворачивал к автобусной остановке, а Тимур шёл дальше прямо. В этот раз было так же, и, вместо того чтобы попрощаться, Генка наконец сказал:

– Я уйду из команды.

– Чего? – Тимур уставился на Генку, будто тот был не в себе.

Генка помолчал, пиная ногами снежную кашу, а потом добавил:

– Придётся бросить.

– И это говорит мне самый чёткий снайпер команды! Ты спятил? Что случилось?

– Дерьмо случилось. Батя опять забухал.

Он рассказал Тимуру, что произошло накануне. Про несчастный случай на лестнице в подъезде, про разбитый череп Фарта. Про то, что Генкина мама лежит теперь в больнице, и про то, что Генкиного брата врачам спасти не удалось.

– Гена... – пробормотал Тимур, – я... мне...

Генка остановил его жестом и продолжил:

– Я урод, Тима. Ублюдок последний. Мама пашет со смены на смену, а я тут книжки листаю в аудиториях... Я должен её защищать, а не сидеть на шее! И брата должен был защитить! И пса своего...

– Но ведь всё было в порядке, Гена... Отец работал... Откуда было на хрен знать! Ты же в аспирантуру хотел... Ты грёбаный свой диссер с первого курса сочиняешь! Эти славяне твои... Ты же хотел...

– Да мало ли что я хотел! Славяне мои давно умерли. А брат ещё вчера живой был. – Генка выругался. – Тимка, он же такой маленький был, ты прикинь... Совсем маленький... Ну чем мой брат виноват? Чем? – Он как-то судорожно вытер лицо ладонью и посмотрел на Тимура воспалёнными серыми глазами. – Я ненавижу бухло, Тима. Ненавижу! Зачем его продают в магазинах? Вот скажи мне, зачем? Ещё ставят, где повиднее, уроды. Чтобы люди бухали и тупели, как свиньи. И семьи все к хренам собачьим... Ненавижу!

Тимур молчал, угрюмо глядя куда-то в сторону, будто там стояли главные мировые алкогольные магнаты. Потом повернулся к Генке, схватил его за плечи и сказал:

– Гена, мне очень жаль. Эти тупые слова ничем тебе не помогут... Но мне, правда, очень жаль, что всё это происходит с тобой.

– Я знаю... – Генка кивнул.

Тимур отпустил его.

– Фарта похоронил во дворе за домом тем же вечером, – сказал Генка. – Завернул... – Он приложил сжатую в кулак руку ко рту, словно его тошнило, и на несколько секунд закрыл глаза. Глубоко вдохнул и выдохнул, убрал руку. – Завернул в одеяло, которое мама для мелкого купила... Чтоб из роддома забирать. Я ещё тогда её спрашивал, на фига такое огромное одеяло, триста раз обернуть,

что ли... Мама смеялась, что я ничего не понимаю...

– Почему ты мне не позвонил? Не позвал?

– Куда, на собачьи поминки? – Генка с горечью усмехнулся.

– Да помочь, Господи, чтоб ты не один... – Тимур тихо выругался.

Генка махнул рукой.

– В общем... – сказал он, – я вот что решил. Сейчас нам с матерью с квартиры лучше свалить, снять жильё. Сначала пусть она в себя придёт. Хрен знает, что там у них дальше с батей, развод, раздел имущества... Я пока работу найду, буду с учёбой совмещать, но на баскетбол времени не хватит. Если совсем всё плохо будет, брошу истфак и пойду служить на контракт.

– Генка... Только не бросай универ! Должно быть другое решение...

– Какое другое? – Генка пожал плечами. – Дать бате шанс ненароком убить мать в следующий раз?

– Ёшкин кот, это же несправедливо!

– Ну, вот такая она жизнь, Тимка... – Генка вздохнул. – Ладно, я пойду. Ехать надо, вещи матери в больницу привезти.

– Постой, Ген.

Гена устало взглянул на друга. Тимур быстро поразмыслил и сказал:

– Я сейчас еду вместе с тобой. Ты дома собираешь мамины вещи и свои. Мамины везёшь в больницу, свои – отдаёшь мне. Я еду с ними домой. А ты после больницы тоже едешь ко мне.

– Ну да, конечно.

– Ещё как. Пока мама твоя в больнице, будешь жить у нас. Нефиг там с батей тебе в квартире сидеть. Ещё прирежет тебя в пьяном угаре.

– Да брось ты, – Генка смутился. – У вас там Лизка маленькая, а ты и так с Тимофеем в одной комнате, ещё меня не хватало. Родители что скажут?

– Родители тебя любят, – отрезал Тимур. – Тем более, ситуация тут не праздничная. Тимка всё поймёт, а Лиза не такая уж и маленькая. Поместишься, не толстый. Чего ломаешься? Не тупи. Пошли на автобус быстрее, холодно, как в гробу, – с этими словами он потопал на остановку.

Генка постоял немного, глядя ему в след. Потом покачал головой, улыбнулся и пошёл следом.

– Спасибо, Тимур, – сказал Генка, когда догнал его. – Слушай... Ты только никому в универе не говори о том, что у меня случилось. Сам понимаешь, не тот случай, когда охота орать на всех углах...

– Само собой, Гена.

Они тихо прошли через гостиную мимо отца. Тот спал там на диване, накрывшись пушистым зелёным покрывалом. В своей комнате Генка покидал в сумку минимум необходимых ему вещей: какую-то одежду, несколько книг и тетрадей, старенький ноут, купленный им с рук, и ещё какую-то мелочёвку. Потом собрал пакет для матери в больницу. Они уже были в прихожей и собирались уходить, когда Генка остановился:

– Погоди, чашку забыл маме.

Он ушёл на кухню, а Тимур остался ждать у дверей. Генка что-то с грохотом уронил и выругался. Тимур поспешил на шум: друг подметал какие-то разноцветные керамические осколки. Кухня была маленькой, но очень уютной. В углу бормотал холодильник, увешанный магнитиками, как орденами. На окне висели красно-белые клетчатые занавески. У окна стоял круглый стол, накрытый белой скатертью с красными розочками. В приятную картину нахально вмешивалась раковина, полная грязной посуды, и три бутылки водки, мрачно взиравшие со стола. Две из них были полностью пусты, одна – наполовину. Тимур вспомнил, что видел стакан в зале на полу возле дивана.

– Ещё мамин любимый чайник, блин, угробил, – ворчал Генка.

– Геноха... – раздалось вдруг из гостиной.

Генка замер. Тимур заметил промелькнувшее в его глазах замешательство и... И, кажется, страх.

– Я ухожу, бать, – крикнул Генка.

– Я понял, – Генкин отец прочистил горло. – Подойди на минуту. Пожалуйста.

Тимур вопросительно посмотрел на Генку. Тот кивнул головой в сторону комнаты, приглашая идти вместе. Они зашли в гостиную. Генкин отец сидел на диване, подавшись вперёд и уперевшись локтями в колени. Покрывало сброшено на пол. Вид у мужчины был осунувшийся и какой-то посеревший, тёмные волосы взъерошены. Тимур вдруг почему-то разозлился от того, как Генка внешне похож на отца. Только волосы русые, мамины. Он встал чуть позади Генки и сухо поздоровался с его отцом. Тот слабо махнул рукой и внимательно уставился на сына.

– Чего, бать? – спросил Генка.

– Сядь, сынок.

Генка попятился, уперевшись плечом в грудь Тимура и ответил:

– Нам ехать надо. Я у Тимура побуду, пока маму не выпишут.

– А если я против? – спросил отец.

Генка фыркнул, подёрнув плечами:

– Я тоже против много чего.

– Гена, послушай, я этого не хотел! Это несчастный случай...

Генка кивнул:

– С псом тоже? А дерьмо из бутылок само в глотку полезло?

Отец схватился руками за голову и расплакался.

– Прости меня, Геноха. Прости...

Тимур чувствовал себя ужасно, наблюдая за всем этим. Наверное, лучше было бы отцу и сыну поговорить наедине, но оставить Генку одного Тимур боялся. Батя слишком непредсказуем.

– Я тебя простил как-то, бать, – сказал Генка. – И ничего хорошего из этого не вышло.

Отец с отчаянием смотрел на сына:

– Геноха... Я тебя люблю, не представляешь как...

– Почему, представляю. Немножко меньше, чем своих сорокоградусных друзей в стеклянной таре.

Тимур заметил, что Генка дрожит. Он положил руку ему на плечо. Генка с шумом втянул в себя воздух, будто задыхался, а потом подтолкнул Тимура к выходу.

– Я твой отец! – крикнул батя.

Генка, уходя, бросил через плечо:

– Нет у меня больше отца.

Когда они вышли, в квартире была такая тишина, будто от последних Генкиных слов отец и вправду растворился в воздухе. В подъезде Генка схватился за перила и постоял так несколько мгновений, глядя перед собой в какую-то свою личную пропасть. Тимур замер рядом в полном смятении.

– Гена, ты как? – спросил он.

Но Генка ответил лишь:

– Идём отсюда.

И они ушли.

– Вы просто идиоты... – сказал Генка.

Тимур и Тимофей одновременно повернули к нему головы. Только что они поцапались из-за того, что шестнадцатилетний младший брат никак не уступал старшему ноутбук, погрузившись в приключения Коммандера Шепарда. Генка больше ничего им не сказал. Он лежал на кровати Тимура, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Братья его поняли.

– Ладно, сиди, – Тимур отошёл от стола, за которым сидел его брат, устроился на полу и стал доставать из рюкзака свои тетради.

– Ладно, садись, – Тимофей выключил игру, встал с крутящегося кресла, лёг на

свою кровать и начал просматривать на телефоне ленту новостей.

Четырёхлетняя Лиза весь вечер крутилась возле Генки. Она сидела на полу возле кровати, на которой лежал Гена, и рисовала для него третью картинку. Комната братьев была не очень большой. Две кровати – у противоположных стен, письменный стол – у окна, над столом – полки с учебниками и дисками. В углу у входа стояли гардероб и маленький комодик. Вдоль стены возле кровати Тимофея вытянулся книжный шкаф со стеклянными дверцами.

Родители Тимура приняли Генку хорошо. Мать не стала лезть к нему с расспросами и сочувственными речами, только крепко обняла его при встрече, а за ужином поставила перед ним самую большую тарелку. Генка с трудом впихнул в себя рассольник и три котлеты с рисом, но оставлять недоеденной свою порцию не захотел, не желая обидеть хозяйку. Отец с ними не ужинал, так как задержался на работе с каким-то расследованием, но когда вернулся домой, сразу зашёл в комнату к мальчишкам. Генка всегда немного робел от его серебристой седины на висках и бороде и широченной спины. Вот и в этот раз он немного заволновался, когда здоровался. Отец Тимура похлопал Генку по плечу и сказал, чтоб тот не стеснялся и оставался у них столько, сколько будет нужно, немного поболтал с сыновьями и дочерью о том, как прошёл день, а потом одной рукой подхватил Лизу и унёс купаться и готовиться ко сну.

Тимур сел за ноутбук, включил «Papa Roach» и занялся рефератом по римской культуре. Бодрая альтернатива полилась из колонок, будто пытаясь растормошить Генку. Играла «Делай или умри». Он любил эту песню, но сейчас музыка не вызывала ровно никаких чувств. Генка лежал, рассматривая потолок. На побелке была маленькая трещинка, а в душе у Генки – полный вакуум. Эта вязкая пустота словно потихоньку просачивалась наружу, окружая его, огораживая от внешнего мира. Даже настойчивые призывы вокалиста доносились будто через слой ваты. Тимур погрузился в работу, Тимофей читал новости, а у Генки вроде тоже и были какие-то дела, но он просто не мог пошевелиться. Не мог даже закрыть глаза.

– Ладно, я пошёл стелиться, – сказал через некоторое время Тимофей, встал с кровати и пошёл к выходу из комнаты. – Спокойной ночи.

Тимофей собирался спать на диване в зале. Генка понял, что братья договорились так заранее, чтобы ночью он не оставался один.

– Спокойной ночи, – ответил Тимур.

– Спасибо за кровать, Тимоха, – сказал Генка.

– О чём ты? Это тебе спасибо, что согласился. Меня достало слушать, как храпит этот боров.

– Я не храплю! – возмутился Тимур.

– Ага, – Тимофей кивнул и вышел из комнаты.

Ночью Генка по-прежнему не мог сомкнуть глаз. Он лежал в Тимофеевой кровати, разглядывая то смутные очертания люстры в темноте, то гардероба. Тимуру тоже не спалось. Он лежал в своей кровати и что-то читал с телефона.

– Что ты там читаешь? – спросил наконец Генка.

– Тёмную башню, – ответил Тимур.

– О, нормальная вещь!

– Ага. – Тимур отложил телефон. Экранчик белого света погас.

– У тебя когда-нибудь бывало, Тимка, такое чувство, будто ты в мешке сидишь и ничего сделать не можешь? – спросил Генка.

Тимур подумал немного и ответил:

– Когда мелкий был, я панически боял-

ся плавать на глубине. Всё время проверял дно ногой, а как терял, сразу шёл вниз камнем. В летнем лагере я так однажды чуть не утонул от страха, когда черканул ногой вниз, а дна нету. Одна девчонка меня подтолкнула к берегу тогда, и я выплыл. В принципе, ничего страшного, но чувство, может, было похожее. Только длилось несколько секунд.

– И что ты тогда сделал после того случая?

– Решил, что научусь плавать нормально.

– Научился?

– Научился.

– А я всегда хорошо плавал. Меня батя ещё в три года научил.

– Ого, круто.

– Да, такое чувство, будто ты в мешке, – Генка словно говорил не с Тимуром, а размышлял вслух. – Только хрен я в нём останусь. Сделаю, как решил.

– Хорошо, – ответил Тимур.

– Мда... Только до хрена страшно, Тимка. Страшно, как старой кляче на скотобойне. За мать, как она оправится. Она там в больнице вообще никакая лежит. Не в физическом плане, ну, ты понял... За батю... Господи... Ненавижу его, ублюдка, и боюсь за него. То, что я ему сказал, последнее... Ненавижу себя за это.

– Генка, хорош себя жрать. Ты ему такое не за фигню сказал... Он натворил делов...

– Истфак бросать не хочу... – пробормотал Генка. – И баскет... Очень не хочу. И перед командой стыдно, не представляешь, как.

– Я знаю... Я уверен, ты не должен ничего бросать. Мы что-нибудь придумаем.

– Да я уже всё придумал. Так, нытьё врубил просто что-то на ночь. Давай спать лучше.

Тимур ничего не сказал ни тренеру, ни ребятам из команды. Сам Генка о своём уходе сообщил лично только Степановичу. Объяснил «сложной семейной ситуацией», не ударяясь в подробности. Тренер попытался узнать, может ли както помочь Генке, но тот отказался, поблагодарил и на тренировки больше не приходил. Тимур на подобные расспросы Степановича и команды только пожимал плечами. Обещал Генке молчать, вот и молчал.

Тренировки продолжались в обычном режиме, но потеря «железного шутера» хорошего настроения никому не добавила. Парни были в раздрае. Федя злился, хотя и принял с уважением упрямое молчание Тимура о Генкиных сложностях.

Спустя неделю после ухода Генки из команды случился разговор. Началось с мобильника. Под конец третьей пары Генке на телефон пришло сообщение от Феди: «После звонка вся команда собирается в 208-й». У Тимура, сидевшего за партой рядом, экран трубки засветился таким же предложением.

– Зачем он мне написал? Я не пойду, – тихо сказал Генка.

– Может, что-то важное? – прошептал Тимур.

– Я не пойду, сказал уже.

– Патриоты с четвёртой парты! – окликнул их Пётр Павлович из-за кафедры. – В чём-то снова не согласны со мной?

– Я бы за антинорманнистов вступился, – ответил Тимур, как всегда не растерявшись.

– Ага, Мекленбургские генеалогии – факт чёткий, как бы ни пытались его записать в фейки, – поддержал его Генка, ухмыляясь про себя.

Они вечно заводили Петропалыча на лекциях и практических занятиях. Вот и сейчас преподаватель Отечественной истории возмутился и вступил в полемику, а после звонка заявил, что будет счастлив встретиться с Тимуром и Генкой на экзамене.

– На пересдачу пойдём, Тимыч. Я тебе говорю, – сказал Генка с какой-то мрачной весёлостью, когда они выходили из аудитории.

– У Петропалыча – никакой диалектики. Гнёт свою правду и никого не слушает. – Тимур пожал плечами. – Прорвёмся.

– Здорово! – Федя уже поджидал их в коридоре. – Пошли.

Капитан схватил Генку за плечи и потащил на собрание команды. Тимур шёл рядом. В пустой аудитории Федя усадил бывшего снайпера за парту. Генка нервничал, предчувствуя предстоящий разговор. Они дождались остальных, а потом капитан всё-таки вытянул из Генки правду о том, что у него случилось.

– Узнали? Всем теперь легче? – спросил Генка и уставился в окно.

– Я всё равно думаю, что бросать истфак – фиговая идея, – сказал Тимур.

Генка никак не отреагировал, только подумал, до чего же Тимур упрямый. Остальные ребята из команды молча переглядывались. Федя, присев на парту, задумчиво смотрел то в пол, то на Гену. Солнце, заглянувшее в окна аудитории, прямоугольниками легло на белёные стены.

– Слушай, Ген. А ты стипуху получаешь? – спросил Колян.

– Угу, – ответил Генка. – Обычную.

– Надо повышенную, – сказал Колян. – У меня по Коростелёву и Дорониной конспекты хорошие остались. Дам, полегче будет готовиться.

– Я тоже могу помочь, – поддержал Семён. – С контрольной по высшей математике.

В команде были ребята с факультетов политологии, философии и информационных технологий. Они заговорили, кто может поделиться ещё какими конспектами или помочь с практическими работами. Колян предложил ещё и список литературы, который у него собрался: монографии и учебники, которые действительно полезны, особенно когда катастрофа со временем.

– А подработать, Гена, – сказал Андрюха, – есть неплохой вариант. – Защитник сидел позади всех, с трудом уместив за партой свой двухметровый рост. – Я в музее работаю ночным сторожем, и там сейчас сменщика уволили. Студентов не хотят брать, но ты не бухаешь и надёжный. Я поручусь за тебя. Учёбе не сильно мешает, а деньги какие-никакие заработаешь.

– Если вдруг из-за работы по учёбе что-то не успеешь, Генка, я прикрою тебя всегда, ты знаешь, – добавил Тимур.

– Слушай, насчёт жилья, – сказал Федя. – Надо подать заявление на общагу. Вдруг могут и с матерью поселить, раз ситуация сложная. Хотя бы временно. Селят же семейных студентов... Надо с комендой поговорить. Комнаты есть свободные, это я точно знаю. Я схожу к ней. Перетрём.

– Я с тобой, – заявил Семён. – Она меня успела полюбить за эти три года. Пригожусь.

– Если что, пойдём к декану, – сказал Колян. – Колпакова за своих студентов всегда порвать готова, тем более за адекватных.

Федя кивнул:

– К вашему декану пойдём всей командой.

Генка, давно оторвавшийся от окна и оторопело смотревший на свою команду, пробормотал:

– Да вы чё, мужики... Если не смогу играть всё равно, зачем вы так впрягаетесь...

Федя выругался и встряхнул Генку за плечи:

– Да причём тут баскет! Гена, ты полный дебил, что ли? Плевать на игру! Думаешь, мы все тебя вот так бросим?

Генка ощутил, как крепко держат

его Федины пальцы. Ему показалось, что капитан вырывает его из той густой пустоты, в которую он погружался в последние дни. Остальные зашумели, поддерживая Федины слова. Федя отпустил Генку, и тот, опёршись локтями о парту, спрятал лицо в ладонях. Он, наверное, мог бы заплакать, но глаза его уже несколько дней после несчастного случая оставались сухими, будто кто-то просто взял и отключил у него слёзоотделение. Разные чувства – те, что терзали его ранее, и те, что развернулись в нём после этого разговора, – собрались в один большой комок у него в груди. Генка немного посидел так, закрыв лицо руками, потом глубоко вздохнул и снова оглядел всех:

– Спасибо, мужики...

Когда команда выходила из аудитории, Генка спросил Федю:

– Во сколько?

– Чего? – не понял Федя.

– Тренировка сегодня во сколько?

Перед тренировкой Генка поехал к себе домой. Нужно было забрать спортивную форму и кроссовки. Тимур составил компанию.

– Не разувайся, – сказал Генка, когда они зашли. – Тут грязно, как в свинарнике.

Проходя в квартиру, Генка не переставал болтать. Что-то про преподов, про мерзкую погоду. В общем, какую-то чушь. Тимур едва слушал его. Атмосфера в квартире была гнетущей. Воздух хотелось разгонять руками: в нём висел тяжёлый кислый запах алкоголя и горький въедливый – табака. Пустые бутылки собрались группками по разным углам квартиры.

А Генка всё не умолкал. Видимо, так ему было легче. Трещал, чтоб не слышать, как звякнула и откатилась прочь пустая бутылка, задетая носком его ботинка. Трещал, чтоб не думать, как когда-то эти стены вмещали другие запахи: блинов или маминых домашних котлеток. Трещал, чтоб не глядеть по сторонам и не видеть, как изуродован его родной дом и как на тумбочке в прихожей так и лежит до сих пор ошейник Фарта.

Генка пересёк зал, направляясь к себе. Тимур задержался в гостиной: что-то хрустнуло под его ногами. Он посмотрел вниз. Осколки стекла. На полу валялись разбитые фоторамки, сорванные со стен. Это были детские Генкины фото, были счастливые семейные фото, где родители Гены ещё молоды и здоровы. Тимуру стало жутко от этих застывших улыбок. И тут он понял, что его друг резко умолк.

Тимур поднял взгляд от фотографий: Генка стоял в дверях своей комнаты, уставившись в одну точку.

– Гена... – позвал Тимур.

– Батя! – закричал Генка и бросился внутрь.

Тимур вбежал следом и на секунду тоже замер в дверях, похолодев от того, что увидел. Он старался избегать матерщины, но тут она сорвалась с его губ в трёхэтажном размере...

Тимур смотрел в дальний угол комнаты на прикрученный к стене турник. К турнику был привязан собачий поводок. А в петле из поводка на турнике висел Генкин батя.

Генка схватил отца за руку, но тут же отпрянул и в ужасе посмотрел на Тимура:

– Он ледяной.

Тимур успел подскочить к Генке и подхватить, когда того повело вниз. Генка начал блевать, Тимур придерживал его, а мёртвый Генкин отец висел прямо у них за спиной.

Тимур выволок Генку в гостиную и усадил на диван. Сердце бешено колотилось.

– Надо его снять, – Генка хотел встать, но Тимур удержал его за плечи.

– Ген, сиди, – Тимур старался, чтобы голос его не дрожал. – Надо полицию. И скорую. – Он вытащил из кармана телефон и набрал номер.

Генка с остекленевшими глазами молча выслушал, как Тимур поговорил с диспетчером. А после схватился руками за голову и закричал. Глубоко, протяжно, громко. Не по-человечески. Будто только что сапсан с грохотом пронёсся по его ногам и отрезал их. Тимуру на мгновение даже показалось, что он слышит в этом жутком крике хруст ломаемых костей.

– Гена... – позвал он и взял его за руку.

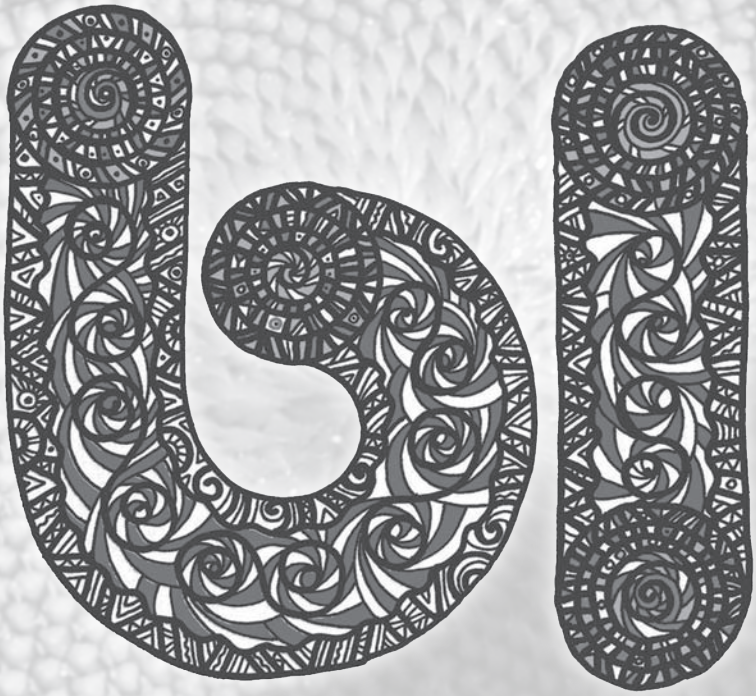
Генка судорожно вцепился в него. Тимур знал: тот, кто тонет, хватается именно так. Генкин взгляд был пуст. Последние живые искорки, которые ещё оставались в его глазах, теперь погасли. Тимуру было очень страшно. Он сгрёб Генку в охапку и прижал к груди. Генка задрожал. И разрыдался.

До приезда полицейских и врачей они не двинулись с места. Генка плакал. Тимур прижимал его к себе так крепко, как только мог, словно от его силы зависела сейчас Генкина жизнь. Тимур не мог выплюнуть ни одного вразумительного слова. Приговаривал только:

– Тише, тише.

А Генка всё плакал.

– Тише, тише...



ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӦН ЛИТЕРАТУРНӦЙ ЖУРНАЛ

2019-ӧдын «Лито-Арт» котыртӧмсянь тырас 10 во. Эз кокниа, дерт, сетчы тайӧ кадыс. Мый лои кӧдзӧма, чайта, надзӧникӧн быдмас. Алёна Шомысоваӧс, Любовь Ануфриеваӧс, Ольга Баженоваӧс примитісны Россияса гижысь котырӧ. Татьяна Кирпиченко-Ануфриева колис миянлы чуймалӧм-нимкодясьӧм вылӧ ассьыс гижӧдъяссӧ. Петісны югыд кывбура книгаяс Алёна Старцевалӧн. Воӧны и выль авторъяс, выль вын. Тайӧ Анастасия Сукгоева, Генрих Немчинов, Вадим Семяшкин. Налысь гижӧдъяссӧ позьӧ лыддьыны «Арт», «Войвыв кодзув» да «Би кинь» журналъясысь. Том авторъяслы семинар нуӧдӧ и Коми Республикаса гижысь котыр. Аттьӧ колӧ шуны и «Арт» журнал редакциялы, мый сетіс позянлун йӧзӧдчыны томъяслы. И талун ми вӧзъям тіянлы лыддьыны бӧръя воясӧ мыччысьӧм авторъяслысь зарни сьӧлӧма кывбуръяссӧ.

Елена АФАНАСЬЕВА

«ТУСЬӦН-ТУСЬӦН...»

ЛЮБОВЬ АНУФРИЕВА

Сьӧд пыжъяс

Ми олам кадын, кӧн ыджалӧ чӧвлун.
Ловнымлысь бисӧ ас пытшкын талям.
Ме бӧрда, бӧрда ю дорын талун...
Сьӧд пыжъяс кывтӧны...
Пыжыс тывъяліс ю...
Ыджыд сирӧн шыбитчис берегас васа,
Горӧдчис ачыс дойысла надзӧн...
Мортыслӧн лолыс и сьӧлӧмыс таса.
Ыджыд сирыс, тӧдан, ӧд берегас колис.
Берег пӧлӧн чериыс – ю!
Кытӧн ӧні юыслӧн туйыс?!.
Сьӧд пыжъяс кывтӧны... кывтӧны...
– Айӧ, айӧ, гымӧн буалӧ юыс!..
...Айӧ пырис гортӧ
мусир пытшкын.
Сійӧ важӧн уна чери кыйліс...
Мусир тывйӧ шедіс талун ачыс.
Ми олам кадын, кӧн ыджалӧ чӧвлун.
Ловнымлысь бисӧ ас пытшкын талям.
Ме бӧрда, бӧрда ю дорын талун...
Сьӧд пыжъяссӧ вештала ачым...
Сьӧд пыжъяссӧ вештала кинам...

Гӧрд тупыль

(«Ӧшкамӧшка чӧвлун» кывбур циклысь)

Кӧрт зырйӧн кодйи
паметьсьым
эг ассьым казьтылӧм.
Муыс сэн васӧд и сьӧд.
Пыднасьыс ӧвтӧ войвылӧн.
Гӧрд тупыль куті киам,
курыд гримзуль
пуксис лолам.
Аддзи тэнӧ
гӧлӧс пырыд.

Туй ёртӧн тэныд
тундра вӧлі
война бӧръя воӧ.
Тундралы кутчысин киӧ –
корсин еджыд лымйысь
сӧстӧм кабала,
но эн тӧр тэ
паськыд эрдъясас,
гижны некодлы –
мӧдлапӧлас
вуджисны ставӧн,
воысь-во пондасны
найӧ
вуджӧрӧн восьлавны
матын.
Та йылысь меным он висьтав.
Война йылысь некор он висьтась.
Гусьӧн сӧмын содтан:
– Война вылас – страшнӧ, –
и чӧлас усян.

Гӧрд тупыль кута киын,
сьӧд му дукыс йиджӧма сыӧ.
Кывзыси чӧвлунад –
тупыльысь моз разьсис
казьтылӧм...
Сакарнӧй лым вывті
вурун латшӧн[1],
киад – гӧрд дӧрапас
(гӧрд юбкасьыд вӧчин сійӧс),
воедін кӧръяслань.

[1] Латш (диал.) – носки.

Ötик кыв – «Пöбеда!»
Ылькнитíс тундра
лов дорышöд
пöсь синва...

Туй ёртöн тэныд
тундра вöлí
война бöръя воö.
Радио пыр
первойöн
тöдмалiн сэнi
сылысь пом,
но эз эшты
войнаыс тэныд,
эз воны,
жальясыд, эз воны...

Гöрд суниса вышивкаöн
лои
нимныс налöн
олöмад талун.

АЛЁНА СТАРЦЕВА

* * *

Енэж польдiс, польдiс, польдiс,
Чардби лöсыштöмысь потiс.
Кымöр гöрöдъясöд письтiс –
Зэрсö кисьтiс, кисьтiс, кисьтiс.

Тöвсö пöльтiс, кытшö гартiс,
Жыннянъясö вартiс, вартiс.
Шлявгис, лявзiс, льöмзiс, сьöвзис,
Польсйис, тёльсйис... сэсся öвсис.

Шонді югöръясысь бурдiс...
Вöр-ва ышловзис да нюмдiс.

* * *

Батьöс кодралöмöн.

Батьö, мöдiм килля-лыска чужанiнад,
Кöнi челядьдырыд дзебис вöрса чом.
Воддза мозыд пуксьöд менö дiнад,
Баитöмлы[1] сэки оз ло пом.

Вошйӧдам, тшай кисьталам да, воктӧ,
Коді талун чомъяд оз нин пыр.
Тӧдан, тӧрыт колльӧдім бур ёрттӧ –
Эз тай янсӧдчӧмныд нюжав дыр.

Батьӧ, мӧдім микӧд пӧрысь мамыд ордӧ,
Коді синва сорӧн бласлӧвитас век.
Коді лун-лун виччӧ писӧ гортӧ:
Медся шуда йӧзнас лоам сэк.

Гудӧк улӧ горӧктылам[2] сьылан –
Тувччалӧмысь вӧрзьылас джодж пӧв.
Мудзим овны гажӧдчытӧг, кылан?!
Лак[3] да орччӧн машинаӧ сӧв!

[1] Баитны (диал.) – сёрнитны.
2 Горӧктыны (диал.) – горӧдны.
[3] Лакны (диал.) – локны.

* * *

Лысва войтъяс ӧкта тусьӧн-тусьӧн,
Кыа наысь сыръя-доръя чышъян.
Вылам плавга – пӧртча еджыд юсьӧ,
Дзодзӧг туйӧд йӧзысь бокӧ пышъя.

Сьӧд вӧр шӧрысь корся эндӧм ӧзын,
Лэдзӧм юрӧн юсӧ лун-лун вуджа:
Помтӧг синъя, кытчӧдз сэн, ва лӧзас,
Тэнад ӧтка мыгӧрыд оз вуджӧрт.

АЛЁНА ШОМЫСОВА

Часовня

Скӧрӧдумын кыпалӧ часовня,
Надзӧникӧн быдмӧ, быттьӧ сус.
Войтыр кутас югыдджыка овны,
Усяс сылы дум вылас Исус.

Пыртчӧмаыс ӧні вывті этша
Миян сиктын – козъя вӧрын ньыв.
Эскытӧмыс рӧдмӧ ыштӧ петшӧр,
Воысь воӧ тыртӧ йӧзлысь мыв.

Вежӧртӧ тай небось он на гугӧд,
Петшӧр вужйысь другӧн он на мын.
Кытчӧдз мортлысь сьӧлӧм шог оз жугӧд,
Сэтчӧдз вичко дорӧ лоӧ кын.

Ичӧт принц

Челядьдырыд – чужан сиктса ӧзын,
И кӧть мыйта сэні тэ он уй,
Сійӧ сылас, быттьӧ енэж лӧзын
Самолётӧн кольӧм руа туй.

И он ӧкты вӧрысь тусьӧн-тусьӧн,
И видз вылысь чышъянӧн он кут.
Пышъяс тэысь шурыд юрсигусьӧн.
Вӧлі тан – и абу. Пукты чут!

Но мен сэтшӧм ёна ӧні колӧ
Челядьдырӧ веськавлыны бӧр,
Медым выльысь казьтыштны став олӧм,
Выльысь гартны дзугсялыштӧм шӧрт.

Сэтчӧ вермас вуджӧдлыны менӧ
Сӧмын Ичӧт принц – и некод мӧд.
Сылӧн сьӧлӧм верстьӧ мортлысь венӧм,
Пӧръясьлӧм да чорыдлун оз тӧд.

Сӧмын кутшӧм муысь принцӧс корсян,
Кыті сійӧ вуджӧ – сикт ли кар?
Туйвизьсӧ он тӧдмав – пыр и ворссян.
Он ӧд сэсся кытшовт став Му шар?

Батьлысь самолётсӧ принцла ыста —
Веськӧдас мед лёталӧм пу борд.
Челядьдырся чачаыдкӧд лысьтас
Воны верстьӧ дорӧ ичӧт морт.

Но пу лэбач воис ӧтнас. Бӧрас
Сійӧ вайис кыа рӧма шарп.
Муас плавгис быттьӧкӧ тӧвдӧра —
Чужан сиктын чагйӧн ӧзйис ар.

Рӧмпӧштан моз потіс уна пельӧ
Кыа визьӧн пестӧм енэж йир.
Вошис йирас нора горзысь кельӧб —
Ланьтіс челядьдырӧ ӧдзӧс дзир.

Ыджыд кӧш

Рытнас пета пывсянысь да дуда:
Енэж пасьталаыс кодзув дзирд.
Тайӧ здукас мыйлакӧ ме шуда.
Весиг ӧддзӧ сӧнъяс кузя вир.

Медся ёна кыскӧ менсьым синмӧс
Ыджыд кӧшлӧн тшапитчытӧм сер.
Сылӧн вугйӧ киӧй муртса инмӧ —
Муас киссьӧ зильган эзысь зэр.

Зэрыс мыськӧ менӧ, керка, садӧс,
Ӧти войттор весьшӧрӧ оз вош.
Муыс мӧдас югзьыны са сьӧдас,
Быттьӧ эзысь чиръяс ӧктӧм пож.

Мукӧд кодзув чукӧр тадз оз ылӧд,
Ыджыд кӧш моз радлунсӧ оз вай.
Туйкостъяс да вояс пыр ме вылӧ
Киссьӧ пывсян пельсаысь сӧдз ва.

АНАСТАСИЯ СУКГОЕВА

Пӧдса ӧдзӧс

Ӧдзӧс восьтыны мен колӧ –
А ме пола.
Мый нӧ сэні, ӧдзӧс сая̆с?
Ог тӧд тайӧс.
Гашкӧ, виччысьӧ сэн шоглун?
Сідзкӧ, ог мун.
Но а, гашкӧ, шедас козин?
Сідзкӧ, позьӧ.
Ӧдзӧс костӧд писькіс югӧр –
Шуда юӧр:
Олӧм юӧ югыд содтас...
Али сотас?!
Ог, ог восьты, вешъя бокӧ.
Лолӧс нокӧ...
Корся мӧд ӧдзӧс – и пыра –
Абу дыр ӧд!
Вермас, дерт, и лоны тадзи:
Нем ог аддзы...

Тайӧ майшасьӧмыс менӧ
Дзикӧдз венӧ...
Сӧмын сылы ме ог сетчы –
Пыра сэтчӧ!
Кодкӧ индӧма ӧд меным –
Сідзкӧ, верма,
Тырмас сям и вынсӧ аддза.
Пыра татчӧ!
Вӧчи воськов, нӧшта ӧти –
Ог пов ньӧти...
Восьті ӧдзӧссӧ ме смела –
Юсӧ кела.

Менам ю

Менсьым юӧс топӧдӧма йи.
Личкӧ, пӧдтӧ сьӧкыд лымлӧн эшкын.
Тӧлӧй, жалит, дзикӧдз эн жӧ ви
Зёльгысь юӧс, кӧдзыд китӧ вешты!

Он ӧд вермы помтӧг дзебны тэ
Кымӧр сайӧ шондінымлысь юрсӧ.
Шонді! Йиджсӧ косяв нин да пет,
Шонты, паськӧд тайӧ дзоля юсӧ.

Тырыс сявкнит ассьыд дзирыд тусь.
Содз тыр ӧкта, юӧ кӧдза берин.
Гашкӧ, чужас сыысь эзысь юсь.
Гашкӧ, артмас уна зарни чери.

Эновтӧм керка

Чукырӧсь керъяса чужӧма.
Кор эськӧ свет вылас чужлӧма?
Олӧмлӧн ру татысь бырӧма,
Кӧдзыд быд пельӧсӧ пырӧма.

Кильчӧыс гӧрбыля-вежыня.
Водз стенмыс ляпкыдик ӧшиня.
Ӧтарсӧ тупкӧмны – син пӧла.
Вевт вылын шлапвидзӧ лым тола.

Йинёньяс – юрсяньыс муӧдзыс.
Пӧлыньтчӧ, коньӧрӧй, мудзӧмсьыс.
Морт кок туй татчӧ оз вайӧд ни.
Ӧтнасӧн сулалӧ важӧн нин.

Некодлы дзоньтавны дöрömсö,
Некодлы шонтыны сьöлöмсö...
Эновтім. Вунödім. Кушödім.
Збыль ömöй лов русö кусödім?

МАРИЯ ШАХОВА

* * *

Пемыд ывлаыс бушков тöла.
А ме пукала гортын чöла.

Мед и нöбалас: збыльын, вötнам...
Дыр на гусьöник сьыла. Öтнам.

Быттьö ва пиын öгыр чушмö –
Öтка сьöлöмöй рушмö, кушмö.

Тöрыт да талун

Ме тöрыт бöрді ёна-ёна,
А талун шуа аттьö,
Мый тадзи овлö öтчыд вонас,
Кор выльмö олан платтьö.

Ме тöрыт пинялі став мирсö,
А талун сьыла лолöн!
Öд верми вежны сімöм дзирсö
Да восьтны öшинь. Чолöм!

* * *

Кыдзи олан, ичöт грезд?
Важöн тэ йылысь эг кывлы.
Гашкö, тэныд эзысь крест
Пуктісны нин морöс вылад?

Он тэ нимав, он тэ кор
Менö аслад шуда позъяд.
Вунöді, кыдз сёльгö шор,
Шувгöны-ö пöрысь козъяс,

Кыдзи ойдö вежа ю
Тувсов лунö кузь тöв бöрся,
Кыдзи кыпавлывлö ру,
Ывла чöвлун другысь вöрзьö...

Ичӧт сиктӧй, юӧр сет
Менам гажтӧмалысь ловлы.
Юрбита, бӧр воны мед –
Ӧта-мӧдӧн пондам овны.

АРТУР УЛЯШЕВ

Менам сьыланкыв

Коми кывйӧс лэдза вӧля вылӧ,
Кылас медым сылӧн кыпыд гор,
Колипкайӧн лэбас ылӧ-ылӧ,
Ловзьӧдас ас мулысь шӧр и дор.
Сьыланкывйӧй енэж кодьыс ясыд,
Сійӧ бордъя, кыдзи биа ур.
Кыпӧдлас кӧ сійӧс рыт ли асыв,
Чайта, лоӧ сьӧлӧм вылын бур.
Бипура на менам кокни лолӧй,
Со и сьыла колипкайыс моз.
Сы вылӧ и таладорса олӧм,
Вичмӧдны мед йӧзлы дзоридз роз.

Выльгорт шор

Выльгорт шорыс тюрӧ ньывкӧс туйӧд,
Матын муртса кылӧ сяльгӧм шы.
Рытъя руыс турун пӧвстӧд уйӧ,
Быттьӧ Эжва весьтын еджгов гы.
«Важӧн сизим изанін тан вӧлі, –
Шуліс меным олӧма нин морт. –
Найӧ тшапа гожӧмын кӧть тӧлын
Шевгӧдлісны валы воча борд».
Збыльысь, водзті излісны ӧд тані
Муяс вылысь босьтӧм зарни нянь.
Нюма вӧлі мортлӧн чужӧмбаныс,
Сійӧ вӧлі зіль да ловнас шань.
Но ӧд татшӧм оласногыс бырис,
Да и ёна ямис Выльгорт шор.
Гӧгӧрбоксьыс ставыс вӧрӧн тырис,
Варовитӧ вӧркӧд пипу кор.
Ӧти бур, мый тулысъяснас тулӧ,
Ойдӧдлӧ на бужӧдъяса кыр.
Мед на эськӧ сяльгис шонді улас
Да бур йӧзлы кыліс сійӧ пыр.

Ловъя пас

Шковгöны быд тулыс лун и вой,
Пöткаыс кор воö чужанінас.
Бордъяс увсьыс вирöн сотысь дой
Шойччöдыштны асъядорыс синö.
Вадъяс дорын кыптывлö кор вен,
Дрöб улас, дерт, веськавлö и эньыс.
Со и чайтсьö мыйлакö век мен:
Таысь вирöсь кыаыслöн кеньыс.
Талун войнас бара кыліс «шков»!
Öтчыд... мöдысь... вит-ö-квайтысь... дасысь...
Чужанінö локтысь бордъя лов
Век на лоö сömын ловъя пасöн.

КСЕНИЯ КАРМАНОВА

* * *

И бара воö челядьдырöй дум вылö,
Кöть öдзöсыс нин игана – он пыр.
Сэк кöсйим öдйö верстяммыны, шулывлім:
– Но кор нин быдмам? Мыйла сэтшöм дыр?

А воськов бöрся воськов – кадыс лэбöма,
Эг тöдлöй. Синмöн лапнитана здук.
И юалömъяс öні пыдö дзебöма,
И казьтылömъяс – разьны позьтöм дзуг.

Ме верстьö мортöн гижа тайö кывбурсö
И, овлö, мövпöн челядьдырö вола.
Ок, аддзödлыны эськö сійö нывкасö
Да шуны: «Со тай быдми, видзöд! Чолöм!..»

* * *

Ме век на виччыся, мый локтан...
И дрögмунла, кор кок шы кыла.
А морöс пытшкöс вундö-сотö...
Да чепöсъя ме кильчö вылö.
Но öдзöс сайын лöнь и пемыд...
И некод абу... Дойыс пöдтö!..

Ми, гашкö, паныдасям сэні –
Зэв гежöда нин овлысь вötын.
Ме бара öшинь дорö пукся
Да вочаала кöдзыд асыв...
И тэкöд сёрнита да юкся
Став тöждöн, майшасьömöн аслам.
Ме пыр на кыла сьölöм вылын
И муслунтö, и мелі нюмтö...
Но кöні тэ? Тэ локтан?.. «Ылын...» –
Мен воча йölögаыс сувтö.
Фронтвывса карточкаыд стенмын...
Тэ бöръя письмöад мен гижлін:
«Прöклятöй вöрögöс ми вермам,
Мед кöть и ёсьтö ассьыс гыжсö!
Тэ виччысь менö! Воа регыд!»
Ок, донаöй дай сьölömшöрöй...
Мен эськö аддзысьлыны тэкöд
И шуны, мый став лёкыс бöрын!..
Да пötмöн окавны ён китö
И шыльödны дзик рудмöм юрси...
Ме тэнсьыд видза сьölöм битö
Да аслам радейтömöн юкся...

Ме век на виччыся, мый локтан...

* * *

«Кор чайтан, мый ставыс помасьö,
тöд, мый тайö и эм заводитчöм».

Тэа-меа – паськыд юлöн берегъяс.
Тэныд паныд сулавны ме шуда!
Кадыс йöткö лунъяс öти чередö,
Олöм-пыжыс юсö шöри вундö.
Матыстчыны Енмыс эз сет позянлун,
Кöть и ваыс ляпкалас да косьмас.
Ловъяснымöс öта-мödлы козьналім,
Код тödас, кор гыыс найöс босьтас.
Войын эзысь кодзувъяс кö чусмöны,
Гögöр ставсö эжö помтöм чövлун.
Вой бобулöн ыста тэныд муслунöс,
Воча окыштömöн воас töвру.
Тэа-меа некор нин ог торъялöй.
Кыа петöм вочаалам öтвыв.
Радейтömöс ме ог висьтав гораа,
Медым некод та йылысь эз тödмав.

Лöньöмыд да нимкодясян-видзöдан,
Кыдз ме дзоридзала таладорын.
Топыда ми öтлаасим-йитчим, да
Ылна-костыс йитöдсö оз ороd.

НАТАЛЬЯ ДЁМИНА

Вошöм кывбур

Кöн тэ шöйтан, менам кывбур,
Быттьö шöйöвошöм ыж?
Тетрадь листöй век на тыртöм,
Йирöм карандашöй ныж.

Корся тэнö тöлысь, мöдöс...
Кадыс лэбзьö... коли во...
Олöм мунö... чукыр лöдö...
А ме гижысьöн эг ло!

Гашкö, мöдлысь восьтiн öдзöс?
Сiйö меысь öмöй бур?
Лок да менсьым вынöс öддзöд!
Лок да югдöд менсьым юр!

Тэнö лелькуйтны ме кута,
Мöдысь пышйыны ог сет!
Гашкö, тэкöд йöзö пета,
Гашкö, лоа на поэт!

* * *

Сиктсаыдлы, карад дыртö олiгöн,
Дышöдлö дзик ставыс, мудзö лов.
Унаысь на муса гортö волiгöн
Чöскыдджыкöн чайтсьö нянь да сов.

Кыдз пу корöсь киняулö топöда,
Горъя пачас ёнджыка тэ кой!
Гögöрбок ме ёна-ёна шлопöда,
Öзйылас мед жарсьыс мудзöм сой.

Корӧсьыд и пытшкӧстӧ тшӧтш небзьӧдас –
Пывсьӧм бӧрад мортыд дас пӧв том.
Карад, быгъя ванна пиад резсигад,
Кыдз пу корӧсьыдлы он тӧд дон!

* * *

Дзик на неважӧн эновті гортӧс,
А мен чайтсьӧ, мый коли нин во.
Ассьым мамукӧс, меддона мортӧс,
Бара кӧсъя ме аддзывны со.

Эськӧ бордъяӧн вӧлі кӧ, лэбзи:
Морӧс ыпъялӧ, радлунӧн тыр.
Мамлӧн сьӧлӧмыс нормас и небзяс,
Зарни синваыс доршасяс дыр.

Мамӧй кутыштлас менӧ зэв пӧся,
Перъяс пач пытшсьыс руалысь нянь.
Туй выв мортыдлы оз мӧй нӧ лӧсяв?
Мутшкан тшай сорӧн – сійӧ и шань.

Сьӧлӧм бурмӧдан, мелі да муса,
Тэ кодь мӧдыс оз ков и оз сюр.
Кытчӧдз пачыс оз ваймы, оз чусав,
Мамкӧд варга ме – сьӧлӧмлы нур.

2018-öд воын дас сизимӧдысь нин лои котыртӧма Том филологъяслысь гожся университет. Сійӧ тавосянь новлӧ Владимир Тиминлысь ним. Владимир Васильевич уна во юксис аслас мӧвпъясӧн челядьӧд, ышӧдіс найӧс босьтчыны гижан уджӧ. Журналистъяскӧд уна во нин уджалӧ Павел Симпелев, а художествоа гижӧд артмӧдысьяскӧд мӧдӧд во – Елена Афанасьева. Том авторъяс аддзысисны нималана гижысьяскӧд да журналистъяскӧд, ветлісны «Коми гор» да «Юрган» телевизионнӧй студияясӧ, Кебраӧ, «Менам муза» гаж вылӧ, Иван Куратовлӧн Литературнӧй музейӧ. И, дерт, гижисны вӧзйӧм темаяс вылӧ кывбур-висьтъяс.

«ШОНДІӦН СЕРӦДӦМ ПАРМА»

ГЕНРИХ НЕМЧИНОВ

Важ керкаын гусятор

Сикт помын яг дорын сулалӧ ичӧтик важ керка. Сы бокті мунігӧн пыр мыйкӧ да лоӧ: то тӧв ныр восьтас дзуртысь ӧдзӧссӧ, то рака шпор лэбзяс вевт вывсьыс, – весиг йирмӧг босьтлӧ. Чайта, тайӧ керкаыс мыйкӧ дзебӧ йӧз синмысь.

Ӧтчыд Митрук воккӧд ветлім тшакасьны. Кор кутім мунны гусятор видзысь тайӧ керка боктіыс, ме видзӧдлі син бӧжӧн сы вылӧ, и кодкӧ быттьӧ сэтчӧ корис. Окота лои пыравлыны важ керкаас. Но ме эг кос, ӧд луныс дженьыд, а тшаксӧ колӧ удитны пемдытӧдзыс вотны.

Наберушкаяс тыртӧм бӧрын воккӧд мӧдӧдчим гортӧ. Туй джынсӧ сійӧ баитіс клад корсьысьяс йылысь да юаліс менсьым:

– Вокӧ, мый сэтшӧм кладыс?

Ме думыштчи, но эг куж стӧча вочавидзны. Мӧд туй джынсӧ восьлалім чӧла. Вокӧ, кӧнкӧ, ме моз жӧ мӧвпаліс, мый сэтшӧм кладыс. Эг и казявлӧй, а мунам нин рытъя шондіӧн югзьӧдӧм важ керка боктіыс. Друг аддзим сод дорсьыс куим лун сайын вошӧм Мурзик каньнымӧс. Митруккӧд чуймим да котӧртім сылань керка дорас. Но гӧна пеля пышйис, юркнитіс керка розьті и вошис. Кылӧ, нявзӧ, быттьӧ корӧ миянӧс. Митрук вок дыр думайтчытӧг нетшыштіс ӧдзӧсӧ лёкиндзика тувъялӧм тьӧссӧ да пырис. Ме сы бӧрся. Шонді лычьясыс[1] югзьӧдісны жырсӧ нитшкавтӧм керъяс костӧдыс. Воккӧд мунім Мурзиклӧн шыалӧм-нявзӧм вылас. Сюрим мӧд жырйӧ. Пос[2] шӧрас вӧлі каньным. Сы бокын сулаліс важ сундук. Ми чуймим, ньӧжйӧник восьтім. И аддзим сэтысь пестер, кыйсян кӧлуй да небӧг. Небӧгыслы вӧлӧма сё воысь унджык нин. Кыш вылас гижӧма «Алӧй лента».

– Тайӧ жӧ сійӧ – медводдза коми романыс! Ме зэв нин дыр кӧсъя сійӧс лыддьыны! – радпырысь горӧді ме да содті: – Митрук вок, тайӧ и эм кладыс!

---

[1] Лыч (диал.) – югӧр.
[2] Пос (диал.) – джодж.

АЛЁНА БИЗИНА

* * *

Пыри ме шондіён серёдём вöрö,
Мичлунён сійö тыр.
Дзик быттьö мойдын ветлöдла сэні,
Гортлань мунны ог тэрмась.

Кузь турун пöвстын
Лысвалён войтъяс
Пондöны дзирдавны-ворсны
Шонділён югöръяс пöвстын.

Кыдз пулён корйён
Ворсöдчö тöвру.
Козъяслысь лайкöдö лапъяс.

Со кутшöм миян
Мича да югыд
Шондіён серёдём парма.

* * *

Енэжысь ті аддзывланныд ставöн
Югыд рömъяса мича мегыр.
Тöдам ичöтсянь сылысь ним,
Öшкамöшкаён сійöс шуам.

А ті петавлöй ывлаö сэки,
Асывнас шонді кор сувтö.
Юяс весьтын гöвкъялö ру,
Турун сі вылын лысва войтъяс.

Сэки аддзанныд ю дорысь ті –
Руыс пöвстöд тыдовтчас мегыр.
Пондас чань моз жö юны ва,
Öшкамöшкаыс – еджыд рöма.

ВИКТОРИЯ РОЧЕВА

Ме абу

Пыри ме шондіӧн серӧдӧм вӧрӧ. Котӧрта. Лым пиас вӧйлася. Ог пов. А найӧ локтӧны ме бӧрся. Мый налы колӧ? Менам нинӧм нин эз коль, сӧмын ним. Найӧ тӧдмалісны менсьым нимӧс? Да, тӧдмалісны. Вот шуасны сійӧс, дай воша. Воша, да ставныс вунӧдасны. Налы, дерт, веськодь, мый ме коркӧ наköд жӧ волі. Кымын нин морт вошис, а на пыдди воӧны мӧдъяс, коймӧдъяс, нёльӧдъяс... Ныр чысьсӧ кывзӧны, полӧны сыись. Мый шуас, сідзи и вӧчӧны. Тані тэ век пӧт, тані нянь кӧрыс абу. Став керкаыс ӧткодь, ставыс ӧтувъя. А ме сідз ог кӧсйы! Ме ог кӧсйы лоны наköд, ме кӧсъя лоны ӧтнам. Суӧдісны. Сувтӧдісны да видзӧдӧны ме вылӧ. Шуӧй нин, шуӧй нимӧс. Медым быра, медым ог ло тіянköд. Эн видзӧдӧй ме вылӧ тешитчӧмӧн. А найӧ сулалӧны да немтор оз шуны. Топӧдӧны, топӧдӧны менӧ сідзи, кыдзи топавлӧ менам лов. Кӧсъя бырны, но збыльысь-ӧ кӧсъя? Юрын бергалӧны налӧн нимъяс. Коді ӧдйӧджык: ме али найӧ? Быри ӧтик, мӧд, сэсся ставным бырим кытшсьыс. Воши, сӧмын ловъя. Воши, но эг вежӧрнам-ловнам. Ме абу. Эмӧсь сӧмын Ми. Вошӧмаяс.

ВИКТОРИЯ МОРОХИНА

Лоӧ оз аскиалуныс коми кывлӧн?

Коми кыв, ме тӧда,
Ыджыдтор оз шу на,
Тӧда ме и сійӧ –
Оз и сӧр на.

Тайӧ муртӧса гижӧдсӧ козьналіс миянлы Иван Алексеевич Куратов. А кутасны-ӧ тӧдны тайӧ кывбурсӧ сё во мысти? А миян нималана гижысь коляс йӧз паметьын? Гашкӧ, и чужан коми кыв оз кут юргыны? Медбӧръя юалӧмыс майшӧдлӧ менӧ важӧнсянь нин. Ӧнія кадӧ Коми Республикаын кызвыныс сёрнитӧны рочӧн. Дерт, сиктын коми кывсӧ тшӧкыдджыка кывлан, карыскӧд кӧ орччӧдны. А мый лоӧ сэк, кор муса кывйӧс и сиктын вунӧдасны? Позяс-ӧ та бӧрын шуны республиканымӧс Комиӧн? Синваӧй быдсӧн доршасьӧ, кор та йылысь мӧвпала.

А мый юрас налӧн, кодъяс олӧны сиктын да оз тӧдны, кыдзи карын коми интеллигенция дорйӧ-мездӧ чужан кывнымӧс? Сӧмын на отсӧгӧн коми кывсӧ эз дугӧдны школаясын велӧдӧмысь. Гашкӧ, власьт боксянь быдсяма мытшӧдъяс на лоасны, оз на ӧтчыдысь, колӧкӧ, стен дорӧ топӧдлыны, но кор ми ӧтувтчам, сэки став вӧрӧгыслы ковмас пышйыны, некутшӧм шог миянӧс оз вермы падмӧдны. Кута лача, мый коркӧ чужан кыв вӧсна сьӧлӧмӧй дугдас бӧрдны. Ассьым гижӧдӧс кӧсъя помавны Ольга Баженовалӧн кывбур юкӧнӧн, кодӧс сиӧма коми кывлы:

Тэköд ме лёклань ог вежсьы,
Тэköд ме ставсьыс на вына,
Тэköд ме вӧр-ва кодь мича...
Видз менӧ.
Ме тэнӧ видза.

ДАША ВОЛКОВА

Вöр-ва мам

Öтчыд мама-пиа мöдісны вöрö. Мамыс кежöдіс кагасö пожöма ягö. Сэні вöлі зэв лöсьыд, лöнь... Пожöм лапъясыс кокниа лайкъялісны тöв пöльышталömысь, пуяс костöд писькöдчöм шонді югöръяс ворсöдчисны öтамöдныскöд, кöнкö пыдын кыліс тратшкöм.

Мамыс босьтіс киöдыс зонкасö, кунис синсö да апыштіс пожöм кöра сöстöм сынöдсö.

– Мам, тэ мый? – чуймömön видзöдліс зонка.

Мамыс восьтіс синсö, видзöдліс кагаыслön вильыш чужöм вылас, пидзöсчанясис да малыштіс небыд, шоныд, пöрысьмыштöм кинас зонкалысь берина бансö. Сэсся лэдзис кисö кагаыслы морöс вылас, а пиыслысь пуктіс аслас сьöлöм дінö.

– Кылан, тані тіпкö тэнад сьöлöм... А тайö менам, найö тіпкöны öтвыв.

– Кыла, мам.

– Öні тупкы синтö, лолышт чужан мулысь сынöдсö и кывзы.

Зонка кунис синсö, кутчысис ичöтик кинас мам бердас да пыдіа лолыштіс.

– Шувгöны пожömъяс, – зонка ворöдыштіс ныркорднас, – китшкöны катшаяс, неылын зёльгö дзоляник шор, тöлыс гылöдö важ лыссö яла вылö... А кöнкö пу вылын ур гирскö ёсь гыжнас.

– Молодеч, Мишук, öні вермам пырны вöрас.

– Мыйла тайö колö вöлі, мам?

– Мишук, – нывбаба малыштіс зонкаöс юрöдыс, – öні ме аддза, мый тэ вöр-ваыскöд öтув. Некор эн вунöд, мый пармаыд тэ пытшкын, тэ гögöр. Став звер-пöткаыс – сійö тэнад дзоля чой-вок кодьöсь. Некор, кылан, некор сыысь эн öтдортчы!

Мамыслön пондіс доршасьны синваыс.

– Пиук, лоö кö тэныд гажтöм либö сьöкыд, волывлы пармаас, висьтав ставсö сылы, а лоö кö мыйкö гажа, долыд, тшöтш висьтав парма-вöрыдлы. Öд кутшöма эськö ме ог көсйы, век тэкöд орччön ог ло. А вöр-ва мамыд пыр тэкöд олас и кывзас.

Мамыс чышкис синвасö да кутліс Мишукöс. Зонка сійö луннас нинöм эз гögörво. А мамыс недыр кад мысти кувсис висьömысь.

Коли дас кык во. Сійö жö яла ягас сулаліс эз нин Мишук, а Михаил. Да выльысь и выльысь казьтывліс дона мамыскöд сёрнисö. И бöрдіс гырысь синваön, кыдзи мамыс коркö дзоля Мишук водзас.

АЛИНА ДЕРЯБИНА
(Перым-Коми кытш)

Катшасиннэза ыб вылын

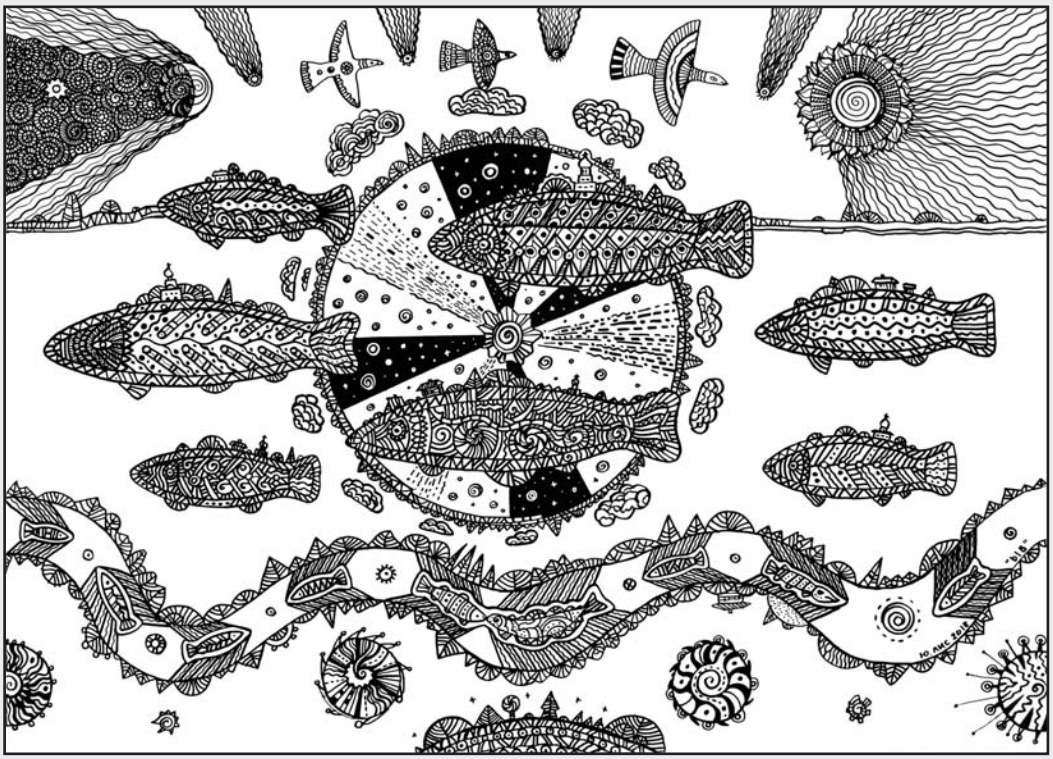
Талун, вöрö мунтöн, ме сибалі катшасиннэза ыб вылö. Думайтышті, что позьö не тэрмасьны, да понді жагöн мунны одзлань.

Кытшöм уна катшасиннэз! Кытшöм татöн бур да гажа! Кытшöм сöстöм ру! Катшасиннэз вылісь ва, кöда öктысис ны вылын асывся зэр бöрсянь, нежнöя гильöтö менчим кокпятаэз. Асьныс дзоридззез сэтшöм вылына лэбтömась юррезнысö шонді ладорö, бытьтö лöсьöтчöны öтлаын вуджжесköт летöвчыны му бердісь и лэбзьыны вылö енождын. Нія паськыта осьтömась быд лепестоксö, бытьтö мöдöны жмитны менö ас берданыс да мыччавны радейтömсö. Кажитчö, что катшасиннэз дыр эз аддзылö зэрсö и сідз радöсь, что былись готовöсь чеччöвтны мусис да мунны йöктыны öтамöдköт. Кытшöм ме шуд, что адзылі этö басöк серпассö. И öддьöн рад, что инми мунны талун именно эта катшасиннэза ыб вылöт.

Снимокъясыс ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВЛÖН.

Журналлöн редколлегия:
Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

АРТ-ФАКТ



ВРАТА БИАРМИИ

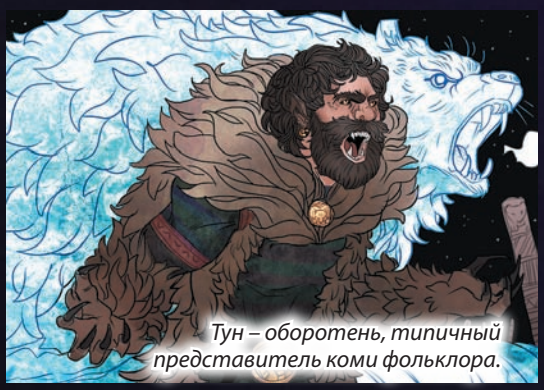
Молодёжь Республики Коми реализует большое количество этнокультурных проектов и развивает таким образом общественную жизнь региона. Об одном из таких проектов пойдёт речь в статье. Команда студентов из СГУ им. Питирима Сорокина под руководством выпускника вуза Владислава Дониченко уже не первый год занимается созданием настольной игры по мотивам мифологии коми, и скоро она выйдет в свет. Мы взяли у Владислава расширенное интервью и выяснили интересные подробности предстоящего выпуска.

– Здравствуйте, Владислав! Расскажи, как появилась идея игры, какая её цель? и что дало толчок к реализации проекта?

– Добрый день. Я и большая часть команды проекта с самого детства увлекаемся мифологией различных народов, фольклористикой, игровыми продуктами. Идея проекта вынашивалась на протяжении последних, наверное, 3 лет, и благодаря ряду обстоятельств она получила свою реализацию. А что касается цели, то тут придётся начать издалека. Так уж сложилось, что мифология стран Скандинавии стала полноценным элементом популярной общемировой

Кар – городище чуди на востоке Биармии.

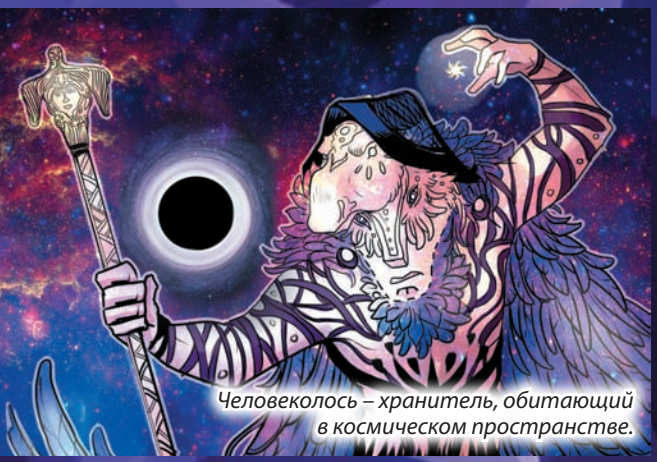
Пам (жрец) в боевом танце.



Тун – оборотень, типичный представитель коми фольклора.

Колдун – неофит и его ритуальная жаба.

культуры – на её базе создаются различные фильмы, комиксы, игры, формируются целые вымышленные Вселенные. В современном фэнтези, на самом деле, очень много от традиционной культуры викингов: эльфы, гномы, тролли и многие другие. То же самое можно сказать о греческом или английском эпосах. В то же время большинство сюжетов и персо-



Человеколось – хранитель, обитающий в космическом пространстве.

нажей мифологии коми настолько хорошо моделируют фантастическую реальность, что могут при должном подходе создать своего «Властелина колец» или «Игру престолов». Важно также отметить, что настольные игры – это неотъемлемая часть так называемой «городской культуры», которая склонна к динамике, и именно она закладывает тренды в обществе, формируя нашу реальность. Поэтому, чтобы памятники традиционной культуры коми не пришли в забвение, необходимо создавать популярный формат их подачи. Совмещая элементы современного фэнтези и коми легенд, мы создаём уникальный продукт, который обязательно покажет свою эффективность.

– Отлично, спасибо за такой подробный ответ. Ты сказал, что были некоторые обстоятельства, которые помогли реализовать твою идею. О каких обстоятельствах идёт речь?

Некоторые персонажи мифологии коми владели телекинезом, если выражаться современным языком.

Князь (окс, оксой) восседает на троне, символы власти при нём.

– Их много, но расскажу, пожалуй, про самое ключевое. Проект победил в «конвейере проектов» Федерального агентства по делам молодёжи, который на конкурсной основе предоставляет помощь в реализации задумок молодёжных активистов. В 2016 году одной из площадок «конвейера» стал Всероссийский молодёжный форум «Территория смыслов на Клязьме». В нём участвовали представители Республики Коми, среди которых был и я. Конкурсная комиссия состояла из авторитетных специалистов в сфере социального проектирования федерального уровня: советники Президента, представители высших научных кругов, общественные деятели и другие. Конкурсные испытания включали в себя, помимо глубокого анализа грамотности «паспорта проекта», очную презентацию, во время которой многие конкурсанты не справлялись с напряжением и «сходили с

Облик одного из героев игрового класса «охотник».

Во многих художественных произведениях, вдохновлённых финно-угорским фольклором, часто фигурируют наездники на лосях/оленях.

дистанции», оставляя возможность получить объективную оценку своему проекту. Мой проект стал одним из самых обсуждаемых в смене «конвейера», получив особую похвалу от организаторов площадки «за креативность идеи и любовь к истории своего края». Честно говоря, я не делал изначально больших ставок на эту площадку, но победа в конкурсе дала огромную возможность для манёвра.

Орт – одна из ипостасей души человека.

– Ты уже немного успел рассказать про то, что настольные игры являются частью современной городской культуры. Ты считаешь, что они сегодня действительно имеют такое сильное влияние?

– Да, вполне. Формат настольной игры представляет собой крайне популярный способ досуговой деятельности не только для детей и молодёжи, но и для старшего поколения, увлекающегося культурой настольных игр. Индустрия развлечений заметно развилась с начала нового тысячелетия: существуют настольные игры под любой возраст – от детских, весёлых пятиминутных шалостей до многочасовых «взрослых» настольных приключений, партии в которых могут длиться не один день, а то и неделю. Помимо возрастных критериев, современные игры делятся и по жанру: игрок может почувствовать себя отважным полководцем в так называемых «варгеймах» (от англ. «war» –

Дух предка – яркий представитель одной из игровых фракций Биармии.

Разбойники – частые гости игровых локаций.

Чердачный вредитель балуется в своей естественной среде.

Человек в жёлтой одежде, ненасытный людоед.

Орёл – царственное существо верховного мира.

Тун-буревестник – свободолюбивый искатель приключений и потенциальный спутник игрока.

война, «game» – игра), либо мирным фермером, или путешественником в иных стратегических играх. Однако огромную популярность в последнее время приобретает так называемый жанр «ролевых игр» или RPG (от англ. «Role-playing game»), где игрок концентрируется на отыгрывании роли персонажа, который становится его «альтер-эго». Ключевой особенностью таких игр является проработанный сюжет и развитие персонажей посредством приобретения опыта или иного его эквивалента. В таком жанре выполнена и наша игра.

– Кстати, а название-то у неё уже есть?

– Да. После долгих и драматичных обсуждений команда проекта пришла к выводу, что лучше названия «Врата Биармии» что-то трудно придумать. Наименование любого продукта должно отражать его сущность, и здесь оно справляется с заданной целью как нельзя лучше.

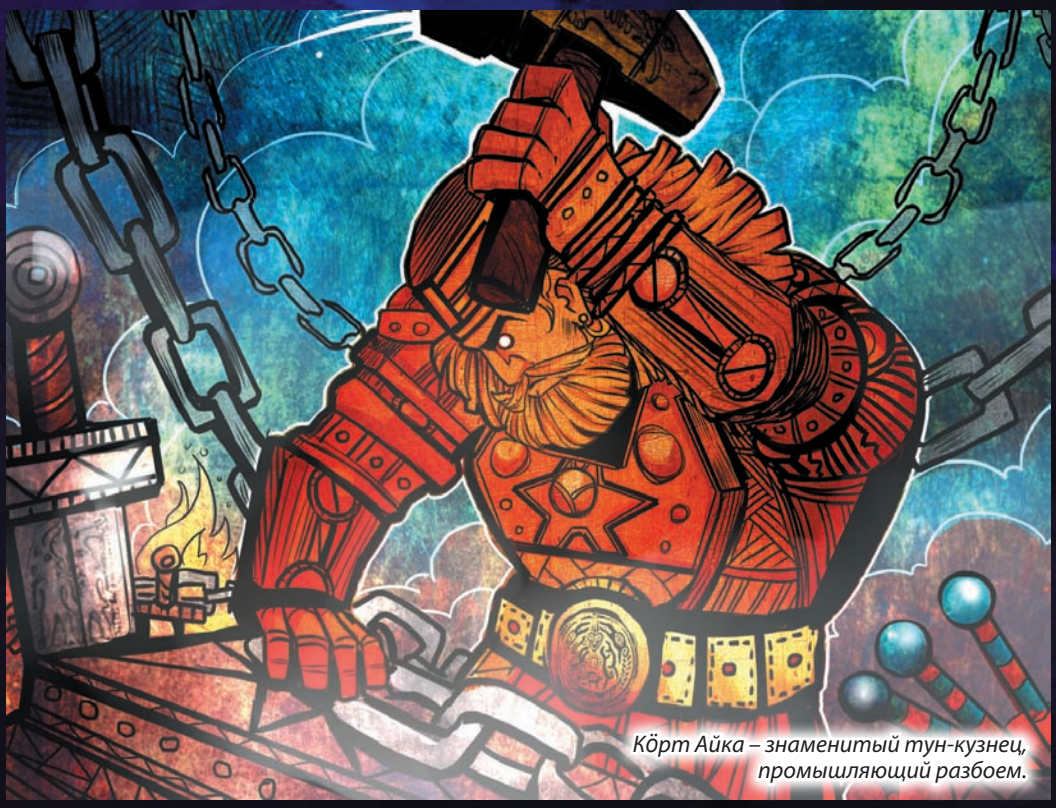
– Что вы вкладываете в это название?

– Всё просто: Врата – ключевой объект обороны при осаде крепости. Тот, кто контролирует врата, тот контролирует судьбу битвы в городском пространстве средневековья. Биармия – страна, которая оказалась между молотом и наковальней в древнем конфликте двух божеств коми мифологии. Если перефразировать изречение из бессмертного произведения Фрэнка Герберта, то «тот, кто контролирует Врата Биармии, тот контролирует Биармию. Кто контролирует Биармию, тот контролирует Средний мир».

– Раз уж мы основательно коснулись сюжета игры, то расскажи про него поподробнее.

– Что касается сюжета игры, то он базируется как на оригинальных источниках мифологии коми, так и на творчестве её исследователей, в том числе и известного этнографа Каллистрата Жакова. Разумеется, некоторые элементы сюжета

Отшельница – один из главных персонажей игры, обладает самой драматичной предысторией.



Кёрт Айка – знаменитый тун-кузнец, промышляющий разбоем.

мы формулируем и сами. Как я уже сказал ранее, действие настольной игры будет развиваться вокруг давнего конфликта между двумя братьями-демиургами – Еном и Омёлем. Это соперничество длится со времени зарождения Вселенной и приостановилось в связи с низвержением Омёля в Нижний Мир. Тёмное Божество долгое время укрепляло свои силы, чтобы отомстить Ену, но тот не желает вступать в открытое противостояние и решает действовать через «избранных», искусных воинов и колдунов с драматичной биографией, которыми и станут игроки. Такая стратегия свойственна Богу Верхнего Мира, который редко напрямую вмешивался в разрешение конфликтов.

Речной пират, бороздящий воды Биармии в заколдованной ладье.

Возможно, этому есть объяснение, ведь Ен обладает Книгой Судеб, которая и так раскрывает ему все тайны предстоящих событий. Местом сражения двух могущес-

Вольный охотник – один из шести «простых» спутников, развитие которых зависит от решения игрока.

твенных созданий стал Средний Мир – мир людей, который и без божественного вмешательства полон противоречий. Одним из влиятельнейших государств на тот момент является мифическая Биармия – страна викингов и других храбрых северян, простирающаяся вдоль берега от современной Архангельской области и Республики Коми до Уральских гор. Неспроста по одной из версий происхождения топонима «Биармия» жители этой страны, биармы, назывались «береговыми людьми». В границах этого государства территориально и будет развиваться сюжет настольной игры.

– Нам представилась возможность ознакомиться с красочными иллюстрациями к игре. Кто их автор?

– Это тоже интересная история. Готовя проект к реализации, мы ознакомились с большим количеством работ местных художников и иллюстраторов. Да, решение использовать труд творцов из нашего региона было принципиальным, и мы придерживались такой установки всё время. Мы создали виртуальную творческую мастерскую, в которой трудились с десяток экспертов в сфере дизайна и иллюстрирования. В процессе отбора выделились явные лидеры, которые и стали костяком творческой составляющей проекта. Я и сам занимаюсь дизайном, поэтому помощь опытных представителей творческого класса была как нельзя к месту. Поскольку мы выиграли грант, речь шла о возмездной работе, поэтому мы не могли прогадать

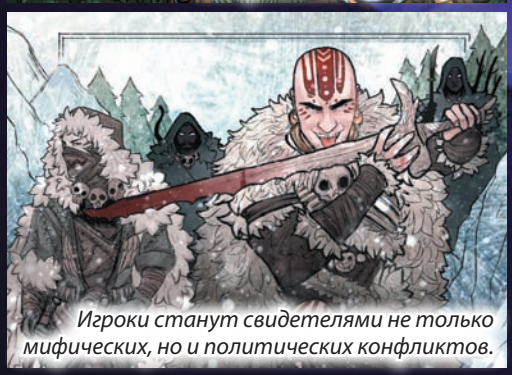
Лупарья – волчий тун.

со специалистами. Если говорить о графике, то роль ведущего иллюстратора проекта заняла сыктывкарка Тамара Третьякова, которая создаёт творческий высококлассный продукт европейского уровня. Её работы и были преимущественно представлены в публичных материалах проекта.

Яг-Морт – яростный колдун и лесной разбойник.

– Иллюстраторы наверняка чем-то вдохновлялись при создании работ, верно?

– Да, точно. Для такой мощной творческой составляющей нужен соответствующий вектор. При формировании команды художников мы акцентировали их внимание на работах Игнатова Василия Георгиевича, Мошева Аркадия Василь-



Игроки станут свидетелями не только мифических, но и политических конфликтов.

Пера-богатырь.

Огнедышащее колесо – один из самых грозных врагов героев.

Северная шаманка в прцессе призыва духов.

евича. Фундаментальную роль в графической концепции также сыграли работы Билибина Ивана Яковлевича, широко известного русского художника, а также Николая Михайловича Кочергина, известного по созданию иллюстраций к «Калевале». Примечательно, что многие находят нашу графику похожей на рисовку в компьютерной игре «The Banner Saga», но мы, честно говоря, даже не задумывались хоть о каких-то параллелях.

– Как ты считаешь, далеко ли ушли иллюстраторы в своём творческом полёте от общепринятых образов героев коми легенд?

– Хороший вопрос! Поскольку в команде проекта имеется целый отдел контроля качества иллюстраций, в который входит пять человек, включая меня, то очень тяжело допустить что-то, что не укладывается в общую концепцию проекта. Но такая система, в силу своей новизны, очень гибкая и подразумевает обсуждение любых вопросов относительно допустимости изображения персонажей, мест и явлений в том или ином виде. Допущения с точки зрения отступления от основных принятых норм изображения возможны, но здесь вопрос достаточно спорный: что считать за общепринятый стиль? Все авторы изображают различные сюжеты по-разному. Кто из них ближе к объективной реальности – дискуссионная тема. Мы же ставим во главу угла сформулированный нами на основе изучения источников единообразный канон Вселенной игрового мира, от которой и отталкивается как сюжет, так и графическая составляющая.

Чудинка-воительница на верховом олене.

– С иллюстрациями разобрались. А что из себя будет представлять механика игры?

– Механика игры состоит из привычных для такого жанра ситуаций: путешествия по локациям, сражения с врагами, прохождения заданий, развития героев. Одно из важных мест занимает система

Сигудэк – важная деталь традиционной культуры коми. Ему тоже нашлось место в мире «Биармии».

репутации отряда, которая характеризуется известным афоризмом «скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». Если ваш лагерь состоит преимущественно из отрицательных персонажей, таких, как, например, разбойники или злые духи, то легендарные злодеи мифологии коми будут относиться к вам более благосклонно и давать задания. Например, колдун-грабитель Кӧрт Айка с радостью примет вашу помощь в каком-нибудь его злодейском деле за последующее вознаграждение. Такая же система работает с отрядом, собранным преимущественно из благородных воителей и охотников, чтящих промысловую мораль. В таком случае, вашим союзником может стать легендарный Пера или удачливый охотник Йиркап.

Калян – дух, умеющий превращаться в привлекательных людей.

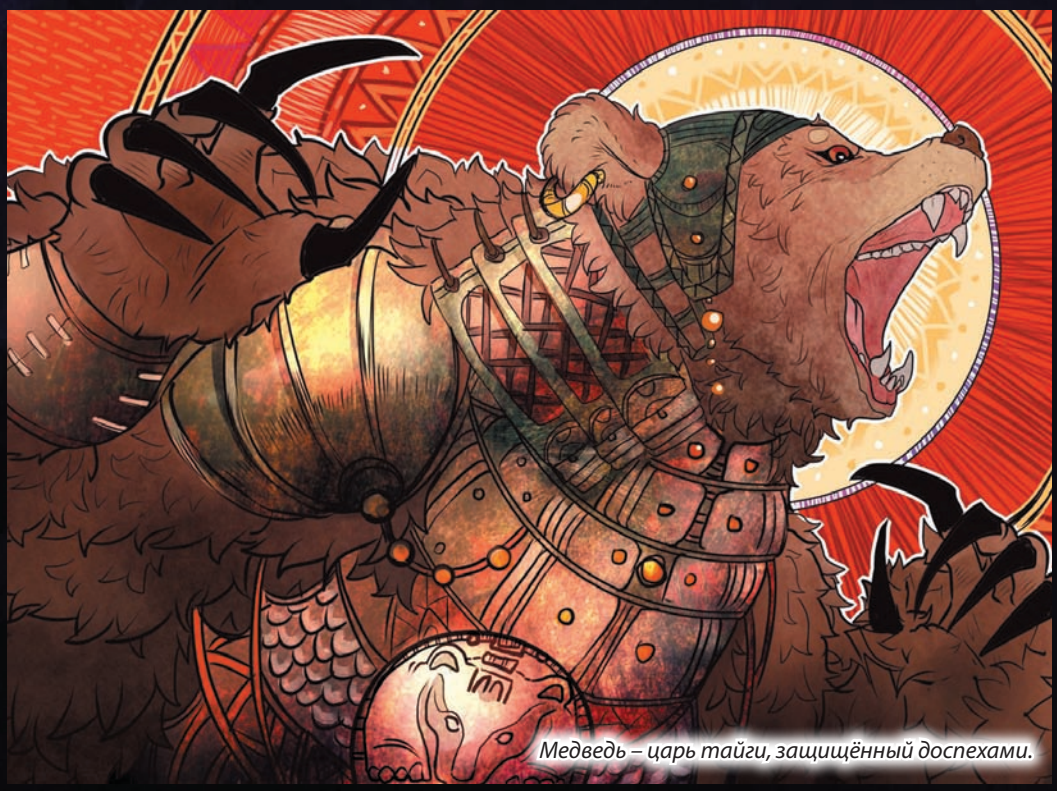
Ключевым моментом игрового процесса можно назвать механику «вмешательств» Омöля в жизнь мира: спокойная и размеренная жизнь искателей приклю-

Охотник в традиционном облачении.

чений легко может превратиться в сложную головоломку, когда тёмный демиург решится, например, уничтожить Священное древо, разжечь конфликт между биармами и вогулами или отправиться на поиски идола Зарни Ань. Игрокам следует нарушить планы Омöля, иначе в момент вторжения он станет могущественнее, и тогда уже ничто не сможет спасти Средний Мир от завоевания. В общей сложности, игровая партия должна занимать около двух часов реального времени, которые обещают быть увлекательными и полезными для пользователя.

– На какую возрастную аудиторию направлена игра?

– Мы изначально были настроены на создание «взрослой игры» для лиц не младше 16-18 лет. В ней имеется множество сложных тактических элементов, которые существенно разнообразят игру,



Медведь – царь тайги, защищённый доспехами.

но могут вызвать затруднение у младшего поколения любителей настольных игр. Впрочем, у нас нет какого-то запрещенного законом контента, поэтому формально играть могут все желающие.

– Владислав, а сложно ли вообще создать собственную настольную игру? Какие ресурсы требуются для этого? Какие нюансы необходимо учесть при её разработке?

– Боюсь, что универсальных законов при разработке игр не существует. Если вы претендуете на создание чего-то серьёзного, то сразу возникает вопрос: вы хотите извлечь из этого прибыль или преимущественно формировать общественное благо? В зависимости от ответа необходимо и действовать. Просто скажу, что сама по себе разработка игры не влечёт особых затрат, а вот её качественное производство – это целая индустрия, в которой крутятся очень большие деньги, поэтому вклиниться в неё крайне трудно, но у нас получилось.

– По какому принципу будет распространяться игра?

– На первом этапе реализации проекта мы хотели бы распространить порядка 30 копий игры в дружественные и заинтересованные организации Республики Коми: образовательные учреждения, библиотеки, музеи, культурные центры, специализированные магазины настольных игр и партнёрские структуры. Кстати, квота сформирована далеко не вся, и мы ждём предложений по её наполнению.

Вуджэр, или тень – «золотой» персонаж одной из фракций.

Дзидзи – похититель детей.

Безголовый орт – вестник смерти.

Молодой защитник Биармии.

– В завершение интервью хотелось бы задать вопрос: когда запланирован выпуск игры?

– К счастью, всё идёт по плану, и выход игры запланирован на конец лета-начало осени 2018 года. Изначально мы планировали выпустить игру в конце мая 2017 года, но как подписчики наших сообществ, так и привлечённые эксперты настоятельно рекомендовали перенести релиз проекта на начало осени. Логика здесь железная: лето – «мёртвый сезон» для выпуска любых продуктов, поэтому есть вероятность использовать время выхода в свет неэффективно. В общем, ключевой месяц для проекта – сентябрь, от него и стоит отталкиваться. Вся актуальная информация есть в нашем сообществе в социальной сети «В контакте». Для этого достаточно вбить в поиск сообществ «Врата Биармии» или перейти по ссылке vk.com/komibg.

ЭТНОКОМИКС

ВЫПУСК 2

ПЕРА И ВОДЯНОЙ

АВТОР СЮЖЕТА АНДРЕЙ ВЛИЗКОВ
ХУДОЖНИК ПАВЕЛ ЗАРОСЛОВ

ПАРМЫ СЫН,
МОГУЧИЙ ПЕРЯ,
ПРОМЫШЛЯЛ НЕ ТОЛЬКО
ЗВЕРЯ –
И РЕКА ЕГО ПИТАЛА.
НО УЛОВА ВДРУГ
НЕ СТАЛО...

***Ваись-куль**
или **Вакуль** *(коми) –*
Водяной.

ВАКУЛЬ, ЧТОБ ТЕБЕ ЗАСОХНУТЬ!

***Ен** – верховное божество коми.*

ТЫ ЧЕГО ШУМИШЬ, НАХАЛ?

Я ТЕБЕ УСТРОЮ ШУМ!
ТЫ ЗАЧЕМ, ЯГМОРТА КУМ,
САНКЦИОННЫЙ ВВЕЛ РЕЖИМ?
МОИХ ПРОМЫСЛОВ
"ОТЖИМ" ЗАТЕВАЕШЬ,
РЫБИЙ ХВОСТ?
T·N·T

ЗАНИМАЯ ВАЖНЫЙ ПОСТ,
Я НАПОМНЮ: ЕСТЬ ЗАКОН,
НЕ ПРИЕМЛЮЩИЙ УРОН
ОТ РЕЧНОГО БРАКОНЬЕРА.
ВОПРЕКИ ЗАКОНУ, ПЕРА,
СТАВИШЬ ТЫ СЕТЕЙ
СВЕРХ НОРМЫ.

ЭТА НОРМА – ДЛЯ ПРОКОРМА!
МНЕ ЛОСЯ НА ЗАВТРАК МАЛО!
И ТАКОГО НЕ БЫВАЛО,
ЧТОБЫ СОТНЮ ОКУНЕЙ
Я ЖЕВАЛ
ДЕСЯТОК ДНЕЙ!

ГРАЖДАНИН, УМЕРЬ-КА ПЫЛ!
Я ЖЕ (ЕСЛИ ВДРУГ ЗАБЫЛ)
НАХОЖУСЬ ПРИ ИСПОЛНЕНЬИ...
НАШЕЙ ССОРЫ РАЗРЕШЕНЬЕ
ВИЖУ В ГОНКЕ ПОД ВОДОЙ.
КОЛЬ УГОНИШЬСЯ ЗА МНОЙ,
БУДЕШЬ РЫБОЮ БОГАТ.
ЕСЛИ НЕТ – С ТЕБЯ "ОТКАТ"
ОТ БРУСНИКИ И ГРИБОВ.

***Пеж лов** (коми) – поганая душа.*

ОБОЙДЕТ – И НЕ ЗАМЕТИШЬ.
КАК ТЫ, ПЕРА, НИ КРУТИ –
РЫБА ВАИСЬ-КУЛЬ ПОЧТИ.
Я, ХОТЬ СВЕРХ-, НО – ЧЕЛОВЕК.
НЕ ДОГНАТЬ ЕГО ВОВЕК.
НАДО, ПЕРА, ТУТ СХИТРИТЬ,
ЧТОБ ПОТОМКОВ
НЕ СМЕШИТЬ...

– СТАРТ ДАЮ! О СПОРТ, ТЫ – МИР!
ФИНИШ
СТАРТ

***Мун татысь** (коми) – проваливай отсюда.*

***Адово озеро** в Пермском крае, куда, по преданию, удалился Ваись-куль.*

Анжела Разманова

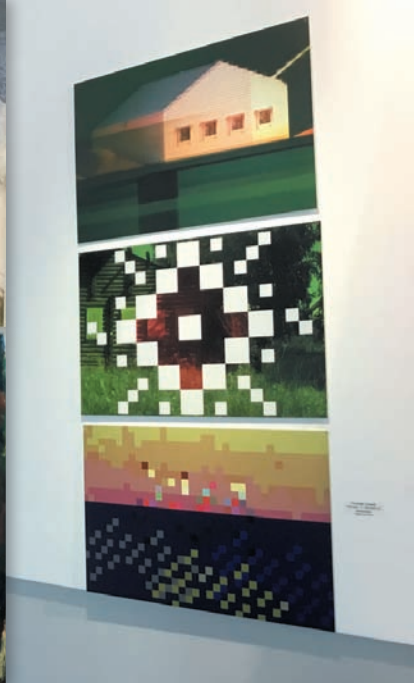
Разманова Анжела Рустиковна – *художник, член Союза художников России, куратор творческих проектов и выставок. С 2012 г. организатор и куратор пленэра визуальных искусств «Клюква». Живёт и работает в Сыктывкаре.*

«Клюква. Нить»

25 июля-9 августа 2018 г.

– Вы полагаете, всё это будет носиться?
– Я полагаю,что всё это следует шить!

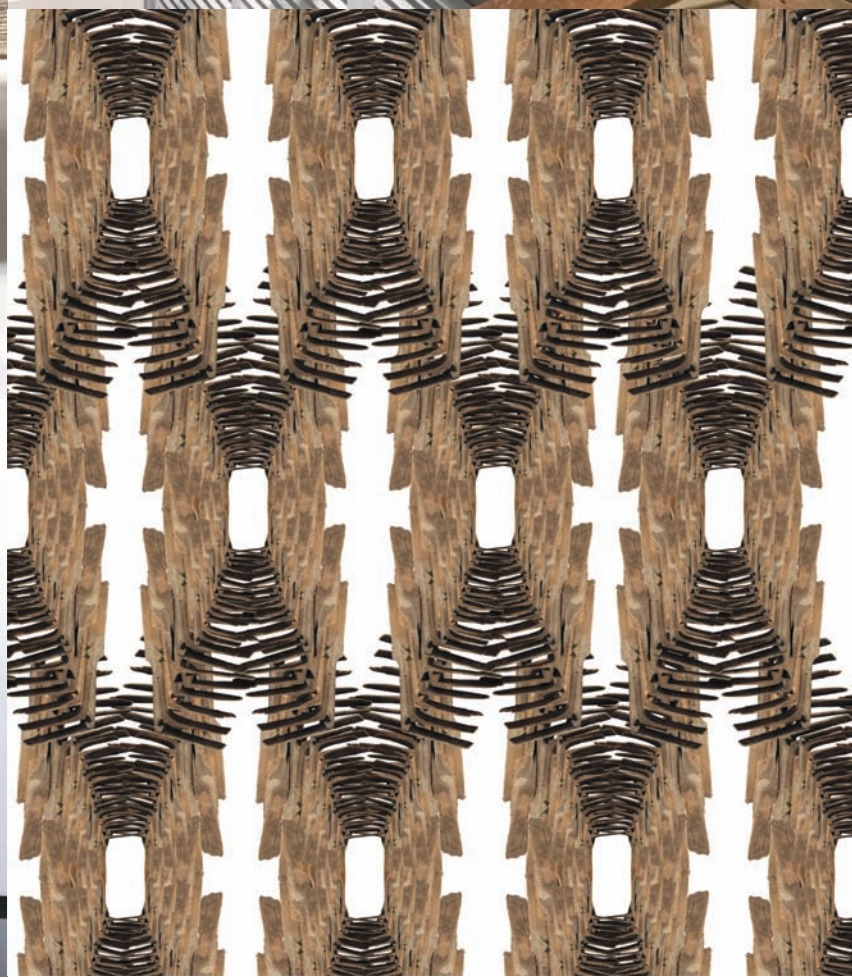
Пленэр 2018 г. Это путешествие в далёкие деревни и места, где ткут, где когда-то ткали, где сохранились ткани. Идея пленэра: создание ткани из любого материала, как архаичной, созданной ручным способом, так и виртуальной, существующей в мультимедийной проекции, приветствуются любые смелые эксперименты и открытия. Ткань помогают создать такие предметы, как веретено, прялка, ткацкий стан, рамы, набивные доски и многое другое... Всё это тоже источник вдохновения, повод для размышления, поэтому предметный мир тоже часть выставки и инсталляций. Возможно, ткань будет из слов, звуков, жестов.



НИТЬ – тонкая линия, которая, переплетаясь, создаёт прочные красивые соединения и узоры. НИТЬ – бесконечна. Пленэр – это рассказы, музыка, прогулки и сотворчество. Мы попробовали соткать ткань нашего пленэра из впечатлений, воспоминаний и многого другого, что наполняет головы художников.

Про «Клюкву»: каждый год группа художников, сформированная в зависимости от темы и места, уходит в свободное пространство подальше от цивилизации. У них есть около десяти дней, чтобы погрузиться и впитать окружающую атмосферу, ощутить влияние пространства на себе, изобразить или даже изменить его, используя собственную фантазию, опыт, средства современного и традиционного искусства. Результаты можно наблюдать на выставке, подводящей итоги пленэра.

Выставки проходят в залах ЦКИ «ЮГОР» сразу по завершении пленэра и предполагают яркий вернисаж с участием музыкантов и всех участников проекта. Экспозиция выставки, как правило, работа профессионального экспозиционера и эксперта. С 2016 г. проект «КЛЮКВА. БЕРЕГА» стал передвижным и был показан в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Ярославле.



К «Клюкве» применимо понятие environment. Концепция этой формы авангардного современного искусства в слиянии окружающей среды с художественным объектом, вовлечении зрителя в арт-пространство, когда он находится внутри, становится соучастником художественного действия. Итоговая выставка сама по себе – произведение, не отчёт о проделанной работе, а максимально убедительная передача атмосферы пленэра. Видео, музыка и некие символы-предметы места – «вещественные доказательства», побуждающие зрителя к сотворчеству.

Проект «Клюква» начинался с эксперимента, художественной идеей которого стало погружение в пространство и его изменение. Второй пленэр – стал утверждением этой идеи. А третий – созреванием. Можно очень просто обрисовать этот процесс: зерно-всходы-цветы-плоды. Нынешний пленэр – результат правильной творческой эволюции идеи.

В любом случае «Клюква» будет созревать и приносить плоды вновь, скорее всего, увеличивая присутствие художников из регионов России и других стран. «Клюква» – это проект по-настоящему свободных людей, не загоняющих себя в рамки традиционного стандартного мышления.

АРТ ЛАД

www.artlad.ru

2019

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

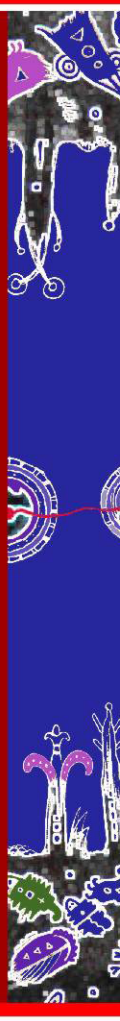
Журнал «Арт» можно приобрести
в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г.Сыктывкар, ул.К.Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России»
Подписной индекс: П4453

Лыддьы «АРТ», и ставыс АРТмас!

2018/3

http://www.artlad.ru/



Подписной индекс: П4453